

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

НА

КАВКАЗЪ

18 СЕНТЯБРЯ—14 ОКТЯБРЯ

1888 ГОДА.

СОСТАВЛЕНО

по порученію Главнначальствующаго Генераль-
Адъютанта Князя Дондукова-Корсакова

Полковникомъ Потто.

ТИФЛИСЪ.

Типографія Окружнаго Штаба Кавказскаго военнаго округа.

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

НА

КАВКАЗЪ

18 СЕНТЯБРЯ—14 ОКТЯБРЯ

1888 ГОДА.

СОСТАВЛЕНО

по порученію Главноначальствующаго Генераль-
Адъютанта Князя Дондукова-Корсакова

Полковникомъ Потто.

ТИФЛИСЪ.

Типографія Окружнаго Штаба Кавказскаго военнаго округа.

Печатано по приказанію Командующаго войсками
Кавказскаго военнаго округа 2-го Января 1889 года.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	СТР.
Вмѣсто предисловія	1
I. Отъ Ростова до Владикавказа.	5
II. Владикавказъ.	15
III. Екатеринодаръ.	65
IV. Отъ Екатеринодара до Тифлиса.	87
V. Тифлисъ.	109
VI. Въ Кахетин.	159
VII. Баку.	187
VIII. Отъ береговъ Каспія къ берегамъ Чернаго моря.	207
IX. Отъѣздъ Царской Семьи съ Кавказа.	223

Было время, когда вся Россія чутко прислушивалась къ гулу орудій, неумолкаемо гремѣвшихъ въ глубинѣ кавказскихъ ущелій, и ни одно любящее сердце трепетно ловило вѣсти, долетавшія на родину изъ дальняго края, въ которомъ, руками дорогихъ этому сердцу существъ, справлялась непрерывная кровавая работа.

Долго длилась борьба и много-много поглотила она молодыхъ недозрѣлыхъ силъ, преждевременно канувшихъ въ вѣчность. Но эти жертвы были необходимы отечеству—на ихъ костяхъ утвердились миръ и благоденствіе Кавказа.

Прошло четверть вѣка. Сгладились кровавые слѣды минувшаго. Много произошло на Кавказѣ съ тѣхъ поръ перемѣнъ поразительныхъ. Мирный трудъ земледѣльца обратилъ пустынные поля въ цвѣтуція пажити, взопевшія на кровавомъ посѣвѣ; появились города и богатые села тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало; другіе, носившіе въ себѣ только слабые зародыши гражданственности, развились въ цвѣтущіе торговые центры. Народъ, волновавшійся въ былыя времена при одномъ словѣ рекрутчина, хранившій въ своей исторіи много темныхъ страницъ, вызываемыхъ этими роковыми слухами,—теперь охотно шелъ на призывъ общаго отечества, и подъ знаменами стояло уже нѣсколько бравыхъ туземныхъ дружинъ.

Понятно, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ и глубокою радостью принята была вѣсть, быстро облетѣвшая край, что Государь Императоръ вмѣстѣ съ Августѣйшимъ семействомъ Своимъ посѣтитъ Кавказъ осенью 1883 года.

И не одинъ Кавказъ—ликовала при этой вѣсти и цѣлая Россія, связанная съ Кавказомъ неизмѣримыми жертвами, принесенными ею во имя своей великой исторической миссии. «Милліоны русскихъ сердецъ—говорилось въ одной изъ статей «Гражданина»—молитвами и пожеланіями благословляютъ этотъ путь Царя, на которомъ онъ увидитъ многолѣтніе плоды умиротвореннаго Кавказа, плоды его прошлаго, работы и вопросы его настоящаго, надежды его будущаго, и повсюду воспріиметъ проявленіе народной любви, столь же безграничной, какъ Его власть, столь же твердой, какъ довѣріе къ ней и столь же правдивой, какъ нужда въ этой власти.... Да будетъ ясенъ и свѣтелъ царскій путь!»

И дѣйствительно, наступавшее событіе имѣло для Кавказа слишкомъ глубокой исторической смыслъ, какъ выраженіе идеи тѣснаго слянія этого края съ Русскою имперією, какъ живое свидѣтельство прочности водвореннаго мира въ странѣ, гдѣ цѣлыя столѣтія люди не знали, что такое миръ.... И Кавказъ замеръ въ трепетномъ ожиданіи.

Еще живы были старики, съ восторгомъ рассказывавшіе о томъ, какъ они встрѣчали Императора Николая Павловича; еще больше было такихъ, которые помнили и благословляли минуты пребыванія въ краѣ въ Бозѣ почившаго Государя Александра Николаевича; но русскія Императрицы еще ни разу не ступали на кавказскую почву со времени Екатерины I-й, которая, сопутствуя своему Державному супругу, была въ Таркахъ. Преданіе, передавая это событіе, глубоко запечатлѣвшееся въ памяти туземцевъ, рассказываетъ о томъ, какъ тарковский шамхаль, выѣхавшій навстрѣчу къ русской Царицѣ, былъ пораженъ величіемъ этой минуты и, благоговѣнно сойдя съ коня, поцѣло-

валъ ту землю, на которой стояла нога Императрицы. Если таковы были чувства, невольно охватившія тогда полудикаго шамхала, насколько-же эти чувства должны были сказать-ся выше, святѣе и крѣпче теперь въ сердцахъ тѣхъ народовъ, которыхъ

.....Братски приняла
Россія въ мощныя объятія
Побѣдоноснаго орла....

И вотъ, все, что населяло Кавказъ, все, безъ различія вѣръ и національностей, одинаково глубоко прониклось высокимъ значеніемъ этого событія для цѣлаго края, и единодушно предалось безконечнымъ заботамъ и хлопотамъ, чтобы достойно принять у себя Царя и Царицу. Съ своей стороны главноначальствующій на Кавказѣ генераль-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, сознавая необходимость лично убѣдиться на мѣстѣ въ ходѣ приготовленій къ приему Ихъ Величествъ и дать надлежащія указанія всѣмъ начальникамъ войскъ и управленій въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ ожидалось посѣщеніе высокихъ гостей, 10 августа выѣхалъ изъ Кисловодска для объѣзда всѣхъ этихъ пунктовъ, вмѣстѣ съ начальникомъ окружнаго штаба генераль-лейтенантомъ Троцкимъ. Въ непрерывныхъ заботахъ, въ разъясненіи многихъ вопросовъ, связанныхъ съ предстоявшимъ путешествіемъ Царской семьи, въ выработкѣ общихъ правилъ, которыя устраняли бы малѣйшія случайности, могущія нарушить стройный порядокъ, столь желательный и необходимый въ настоящемъ случаѣ, прошло болѣе мѣсяца. И вотъ, давно ожидаемое, давно желаемое всѣми событіе—наступило. Телеграфъ принесъ извѣстіе, что 14 сентября, въ среду, Ихъ Императорскіе Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, изволили отбыть изъ Спалы на станцію Олень, откуда прослѣдовали по Ивангородо—Домбровской желѣзной дорогѣ на Кавказъ.

Телеграмма застала князя Дондукова-Корсакова во Владикавказѣ. Онъ еще разъ осмотрѣлъ войска, собранныя тамъ въ лагерѣ, сдѣлалъ послѣднія распоряженія и, какъ хозяинъ края, выѣхалъ въ Ростовъ, чтобы принять Императора на порогѣ Кавказа.

ОТЪ РОСТОВА ДО ВЛАДИКАВКАЗА.

17-го сентября, въ пять часовъ пополудни, Государь Императоръ съ Августѣйшей семьею прибылъ въ Ростовъ и на станціи желѣзной дороги былъ встрѣченъ главноначальствующимъ на Кавказѣ генераль-адъютантомъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Въ Императорской свитѣ находились: министръ Двора графъ Воронцовъ-Дашковъ, Военный министръ, командующій Императорскою Главною квартирою генераль-адъютантъ Рихтеръ, генераль-адъютанты: Черевинъ и Даниловичъ, флигель-адъютанты: Оболенскій, Шереметевъ и Олсуфьевъ, полковникъ Ширинкинъ, фрейлины Ея Величества графини Голенищевы-Кутузовы, художникъ Зичи и нѣкоторые другія лица. Остановка на желѣзно-дорожномъ вокзалѣ продолжалась недолго, и черезъ полчаса Императорскій поѣздъ вышелъ уже изъ Ростова. Были сумерки. Городъ, залитый роскошною иллюминаціею, Донъ, съ отражавшимися въ немъ мириадами яркихъ огней, разложенныхъ на судахъ, сто-тысячное населеніе богатаго торговаго города, тѣснившееся вдоль полотна желѣзной дороги и окружавшее вокзалъ — остались позади и скрылись подъ густымъ пологомъ спускавшейся ночи,

Быстро промелькнуло нѣсколько станцій,—и вотъ, между Степною и Куцовой, поѣздъ переѣхалъ границу Кавказа. Тѣ же степные виды, та же пустынная мѣстность, что осталась далеко позади, за Ростовомъ, преслѣдовали и здѣсь Высокихъ путешественниковъ. Ни деревца, ни веселой рѣчки, ни красиваго пригорка, на которомъ можно бы было отдохнуть утомленному взгляду. Печальна и непріютна эта юго-восточная окраина степей Россіи, начинающаяся отъ Волги и Дона, кончающаяся у Кубани и Терека и воспѣтая русскимъ народомъ въ полной задушевной поэзіи пѣсни:

Ахъ ты степь моя, степь Моздокская....

Но это только предверіе Кавказа. Старый, боевой Кавказъ начинается собственно отъ Кавказской станицы, издревле прославленной подвигами своихъ казаковъ-украинцевъ. Отсюда желѣзная дорога перекидывается на правый берегъ Кубани,—и на всѣхъ парахъ, быстрый, какъ самая мысль, мчится поѣздъ по тѣмъ страшнымъ мѣстамъ, гдѣ за 30—40 лѣтъ до нашего времени не только не звенѣлъ почтовый колокольчикъ, но даже безстрашный казачій разъѣздъ пробирался осторожно, съ ружьемъ на изготовкѣ. Вправо стелется обширная, уходящая до самаго подножія горъ, прикубанская равнина, нѣкогда служившая ареной для гомерическихъ состязаній конныхъ черкесовъ и нашихъ линейныхъ казаковъ; влево — узкою полосою сверкаетъ Кубань, мутныя волны которой, по народнымъ сказаніямъ — текутъ вмѣстѣ съ кровью. Вонъ Армавиръ — богатый многолюдный аулъ съ громкимъ именемъ древней столицы Гайганскаго царства, съ армянскимъ населеніемъ, говорящимъ черкесскимъ языкомъ и сохранившимъ черкесскія нравы и обычаи. Вонъ Прочный-Окопъ, такъ тѣсно слившійся съ именемъ Засса, представителя на Кавказѣ богатырскаго казацкаго эпоса; а тамъ, по ту сторону Кубани, темною грядою тянутся Воровскѣскія и Темнолѣскія высоты, на которыхъ стоитъ Ставрополь. У станицы Невинномысской поѣздъ опять перешелъ на лѣвый

берегъ Кубани и мчится уже по землѣ бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Здѣсь, что ни шагъ, то историческія воспоминанія. Здѣсь, въ этихъ станицахъ, что мелькаютъ одна за другою по сторонамъ желѣзнаго пути, какъ въ обителяхъ воинственныхъ отшельниковъ, крѣпло и развивалось наше чудное линейное казачество; тутъ прошли цѣлыя поколѣнія героевъ, были баснословныя битвы, сложилась цѣлая лѣтопись молодецкихъ подвиговъ, цѣлая изустная Илліада, еще ожидающая своего пѣснопѣвца.

Чѣмъ ближе къ Суворовской станицѣ, тѣмъ болѣе мѣстность теряетъ степной, неприглядный характеръ, тѣмъ чаще появляются пригорки и тѣ предательскія балки, изъ которыхъ каждая непременно хранитъ какое нибудь кровавое преданіе.... Еще нѣсколько верстъ— и передъ Высокими путешественниками внезапно развернулась великолѣпная панорама Пятигорской долины. Вотъ обрисовался пятиглавый Бештау, за нимъ Машукъ, Змѣиная, Лысая, Желѣзная, и вся эта дивная картина обрамляется дѣвственными снѣгами Кавказа— и выше всѣхъ, и ярче всѣхъ горитъ серебряный вѣнецъ Эльборуса. Окрестности Пятигорска полны иныхъ воспоминаній, чѣмъ оставленныя сзади станицы. Здѣсь все дышетъ, все вѣетъ геніемъ и славою лермонтовской поэзіи.

Въ темнотѣ слышно карканье ворона,

Различаю въ кустахъ трупъ коня,

Погоняй! погоняй!—тѣнь Печорина

По слѣдамъ догоняетъ меня.

Въ полдень 18-го сентября Императорскій поѣздъ остановился на станціи Минеральныхъ водъ. Вокзалъ, обитый дубовыми гирляндами, съ павильономъ, убраннымъ бархатными портъерами, коврами и прекрасною мебелью, сдѣлался неузнаваемъ. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ него строились казаки для царскаго смотра, а на дебаркадерѣ уже стоялъ почетный караулъ отъ 2-го Кавказскаго резервнаго пѣхотнаго баталіона, квартирующаго въ Пятигорскѣ. И здѣсь-то,

на станціи Минеральныхъ водъ, въ первый разъ кавказское знамя преклонилось предъ своимъ Государемъ, и Государь привѣтствовалъ кавказское войско въ лицѣ почетнаго караула. Главноначальствующій генераль-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, прибывшій изъ Ростова вмѣстѣ съ Императорскимъ поѣздомъ, принялъ Государя на платформѣ, при выходѣ Его изъ вагона. Тутъ-же, при почетномъ караулѣ, представились оба наказные атаманы Терскаго и Кубанскаго казачьихъ войскъ, начальникъ мѣстныхъ войскъ на Кавказѣ, командиръ 23 мѣстной бригады, ставропольскій губернаторъ, предводитель дворянства генераль-лейтенантъ Попко, представители отъ дворянъ и другихъ сословій Ставропольской губерніи, депутація Кавказской бригады кавалерійскаго запаса и, наконецъ, воспитанники, собранные сюда изъ всѣхъ ближайшихъ городскихъ, станичныхъ и слободскихъ училищъ.

Обойдя почетный караулъ, Государь милостиво принялъ хлѣбъ-соль, поднесенную ему на цѣнныхъ блюдахъ представителями городовъ: Пятигорска, Георгіевска и Ставрополя. Изъ этихъ блюдъ выдавались особенно: пятигорское, съ прекраснымъ видомъ на южную сторону гора, и блюдо инородцевъ, представлявшее собою массивную серебряную скамью, или калмыцкій столикъ, украшенный самоцвѣтными камнями; на блюдѣ—изображеніе различныхъ инородческихъ типовъ; солонка также имѣетъ видъ калмыцкой кибитки.

Особо представились Государю казаки-сыровары изъ Боргустанской станицы и нѣмцы изъ Темпельгофской колоніи съ плодами изъ своихъ роскошныхъ садовъ. Образцы сыра и масла особенно обратили на себя вниманіе Государя Императора, выразившаго Г. Киршу—главному дѣятелю распространенія на Сѣверномъ Кавказѣ этой полезной отрасли молочнаго хозяйства, особую благодарность. Можно прибавить, что Боргустанская станица, прославившаяся сельскою производительностью, имѣетъ за собою и историческое значеніе: она стоитъ на мѣстѣ древняго Бергусанта, примѣча-

тельнѣйшаго памятника христіанства въ Черкесіи, гдѣ еще недавно находили въ землѣ церковную утварь, выкованную изъ серебра, а также большіе желѣзные кресты, какими обыкновенно украшаютъ главы русскихъ церквей.

Принявъ депутацію, Ихъ Величества направились къ дѣтямъ, собраннымъ въ числѣ 900 человекъ изъ 19-ти различныхъ учебныхъ заведеній. Опрятно и даже щегольски одѣтые мальчики, то въ гимназическихъ мундирахъ, то въ казачьихъ черкесахъ, то въ новыхъ сѣренскихъ блузахъ; а дѣвочки въ коричневыхъ платьицахъ съ бѣлыми пелеринками и передниками,—привѣтствовали приближеніе Государя дружнымъ „Ура“. Императора сопровождалъ инспекторъ народныхъ школъ статскій совѣтникъ Павловъ, который подробно докладывалъ—какое заведеніе, когда и для чего основано и на какія средства содержится. По мѣрѣ того, какъ Ихъ Величества обходили учениковъ, дѣти усыпали ихъ путь цвѣтами и привѣтствовали скромными, посильными приношеніями, въ которыхъ приняли участіе училища: георгіевскія—мужское и женское, желѣзноводское и Александрійское.

Такъ, Государю Императору поднесена была суконная, вышитая шелками, подушка; Государынѣ—двѣ салфетки, гарусная скатерть и вышитое полотенце; Наслѣднику-Цесаревичу—орѣховая шкатулка, обитая внутри малиновымъ бархатомъ, и деревянное рѣзное блюдо; для отсутствующей Великой княжны Ольги Александровны были приготовлены—маленькій атласный ридикюль съ носовымъ платкомъ и бѣлый, вышитый шелками же, поддонникъ подъ лампу. Вещи эти поднесла маленькая ученица Александрійской станичной школы Марія Кондратова и, обратясь къ Государынѣ, сказала:

«Ваше Императорское Величество! Какъ великъ, счастливъ и радостенъ этотъ день для учащихся и учащихся въ Терской области! Онъ—радость въ настоящемъ, утѣшеніе въ будущемъ. Позвольте всенижайше преподнести Вашему Ве-

личеству эти вещи для Ея Императорскаго Высочества Ольги Александровны и вмѣстѣ съ ними нашу горячую и преданную любовь къ Вамъ и всему Царствующему Дому.

Слова эти были произнесены дѣвочкою выразительно, съ глубокимъ чувствомъ и произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Государыня приняла подарки и обласкала малютку.

Затѣмъ, когда Императоръ, обойдя заведеніе, возвращался къ вокзалу, воспитанники пропѣли: «Боже Царя храни», и потомъ гимнъ: «Славься, славься нашъ русскій Царь!» имъ аккомпанировалъ хоръ колониетскихъ музыкантовъ. Подъ эти чудные звуки, торжественно гремѣвшіе въ воздухѣ, Царскій поѣздъ отошелъ со станціи минеральныхъ водъ къ павильону, устроенному на мѣстѣ смотря, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ полотна желѣзной дороги. Туда же, вслѣдъ за Государемъ, перешли всѣ учебныя заведенія, и, пока войска строились для церемональнаго марша, тысяча дѣтскихъ голосовъ стройно запѣли:

Слава на небѣ солнцу высокому....

А потомъ:

Многи лѣта, многи лѣта
Православный русскій Царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Красота мѣста, торжественность обстановки, эти гармоническіе звуки тысячи дѣтскихъ голосовъ, чистыхъ и свѣжихъ, славившихъ Державнаго Властелина, производили поистинѣ чарующее дѣйствіе. Государь и Государыня нѣсколько разъ обращались къ воспитанникамъ и благодарили ихъ привѣтливою и ласковою улыбкою.

Истина общеизвѣстная, что впечатлѣнія дѣтства—впечатлѣнія самыя сильныя,—и нельзя не порадоваться мысли сдѣлать дѣтей участниками этого великаго народнаго торжества. Нѣтъ сомнѣнія, что пережитыя минуты неизгладимо вѣжуются въ дѣтскія сердца и будутъ тѣмъ евангельскимъ

сѣменемъ, которое упало на добрую почву и принесло плодъ сторицею.

Мѣжду тѣмъ, войска пошли церемоніальнымъ маршемъ. Впереди—Ставропольское казачье юнкерское училище; за нимъ 2-й Хоперскій казачій полкъ въ полномъ шестисотенномъ составѣ. Это полкъ льготный и, несмотря на то, что казаки вызваны были прямо изъ домовъ, отъ своихъ сельскихъ занятій, они явились достойными представителями Кубанскаго войска. Государь благодарилъ каждую сотню отдѣльно и поздравилъ 14 юнкеровъ, окончившихъ въ училищѣ курсъ по первому разряду—офицерами.

Въ часъ пополудни Императорскій поѣздъ, напутствуемый крикомъ «ура» и громкими пожеланіями народа: «Богъ да хранить Ваши Величества»—двинулся далѣе. Миновали еще нѣсколько станцій съ громкими историческими именами: Незлобной, Зольской, Солдатской,—все это нѣмые памятники давно забытыхъ, давно минувшихъ кровавыхъ событій. Но еще живы по станицамъ тѣ старики, которые были свидѣтелями этихъ погромовъ, видѣли свои богатя села въ грудѣ развалинъ, свои поля—вытоптанные буйнымъ набѣгомъ сосѣдей, слышали стоны и вопли несчастныхъ женъ и дочерей, увлекаемыхъ въ далекія горы..... Но все это было, прошло, и быльемъ поросло—

Только пѣсни народъ

Про бывшее поеть....

Почти на половинѣ дороги между Минеральными водами и Владикавказомъ поѣздъ опять остановился у станціи Прохладной. Здѣсь ожидали Императора депутаціи отъ ближайшихъ казачьихъ станицъ Терскаго войска и представители одной нѣмецкой колоніи. Казачьи депутаты—люди все пожилые, сѣдобородые, широкоплечіе, увѣшанные крестами. Эти піонеры колонизаціи, проведшіе всю жизнь въ войнѣ и упрочившіе за Россією обладаніе Кавказомъ, удостоились особаго милостиваго вниманія Государя, который говорилъ со многими

изъ стариковъ, спрашивалъ ихъ о настоящей жизни, благодарилъ за прошлую многолѣтнюю службу. По принятіи отъ всѣхъ депутацій хлѣба и соли, Ихъ Величествамъ представлены были ученики пяти станичныхъ училищъ, двухъ церковно-приходскихъ и трехъ нальчикскихъ школъ: горской, слободской и женской. Здѣсь, какъ и на Минеральныхъ водахъ, дѣти встрѣтили Императорскую Чету стройнымъ пѣніемъ народнаго гимна. Государь останавливался возлѣ каждой школы и милостиво разговаривалъ съ дѣтьми.

Въ два часа пополудни поѣздъ тронулся дальше, мимо густой народной толпы, съѣхавшейся въ станицу посмотреть на Царя и стоявшей за вокзаломъ по обѣ стороны желѣзной дороги. Государь вмѣстѣ съ Императрицею показались въ раскрытыхъ окнахъ вагона и повлонились народу. Впечатлѣніе было сильное, не передаваемое словами.

Дѣйствительность — говоритъ одинъ очевидецъ: — превзошла самое пылкое воображеніе. Образъ Государя запечатлѣлся въ народной памяти не только въ царскомъ величіи, но въ высшемъ проявленіи человѣческой мощи и мужества; образъ Императрицы — въ ореолѣ царственной простоты, неотразимой симпатіи и женственности. «Если Императоръ недостижимый идеаль мущины, то Императрица не менѣе достижимый идеаль для женщины. Недаромъ многіе плакали при видѣ нашей Царицы». Такимъ восторженнымъ отзывомъ, видимо подъ впечатлѣніемъ послѣдней минуты царскаго отъѣзда, заканчивается корреспонденція изъ станицы Прохладной.

И, дѣйствительно, нѣтъ въ мірѣ подъ сіяніемъ Божьяго солнца, другого народа, кромѣ русскаго, который бы такъ простодушно называлъ своего Царя «батюшкой» и Царицу «матушкой». И не въ громкихъ, а именно въ этихъ простыхъ до наивности, но полныхъ глубокаго жизненнаго смысла, словахъ и слышится та тайная сила, тотъ жизненный трепетъ народа, которыми такъ крѣпка и несокрушима Россія. Съ этими чувствами —

И во вѣкъ славна, и врагамъ грозна
Святорусская будетъ жить земля.

Въ Прохладной Императорскій поѣздъ переѣхалъ Малку и черезъ Кабарду направился къ Владикавказу. За Малкой уже показываются вдаль туманныя Кавказскія горы. Чѣмъ ближе къ Владикавказу, тѣмъ онѣ становятся выше, массивнѣе, и глазъ, привыкшій къ безграничнымъ широкимъ пустынямъ, невольно изумляется этимъ громадамъ, заслоняющимъ окрестность. Съ полей Кабарды вы можете любоваться и величавымъ Казбекомъ и отдаленнымъ Эльборусомъ, котораго двѣ снѣговыя вершины представляются на небѣ, какъ два вѣчно отдыхающія облака.

У станціи Эльхотовой, въ виду историческаго Татартуба, съ его одинокимъ минаретомъ, нѣкогда красовавшимся надъ многолюднымъ городомъ, поѣздъ опять остановился. На платформѣ стояли депутаты отъ осетинъ и мало-кабардинцевъ, и тутъ же собраны были ученики со всѣхъ окрестныхъ школъ и училищъ. Ихъ Величества вышли изъ вагона и, принявъ хлѣбъ-соль, разговаривали со стариками, изъ которыхъ одинъ, житель Ардона, осетинъ Дзугаевъ, имѣлъ георгіевскій крестъ именно за дѣло подъ Эльхотовымъ. Это было ровно за сорокъ-два года до нашего времени, когда Шамиль, вторгнувшись въ Большую Кабарду, съ тѣмъ чтобы соединить подъ своею властію всѣ народы Восточнаго и Западнаго Кавказа, стоялъ у Эльхотова; здѣсь же онъ и былъ разбитъ генераломъ Фрейтагомъ.

Въ Эльхотовѣ Ихъ Величества особенно интересовались устройствомъ духовно-осетинскихъ школъ, долженствующихъ служить расадникомъ распространенія въ Осетіи христіанства; спрашивали—понимаютъ-ли дѣти по-русски и съ особымъ удовольствіемъ выслушивали ихъ отвѣты. На вопросъ Государя, почему въ Ардонѣ такъ много учащихся?—князь Дондуковъ-Корсаковъ доложилъ, что Ардонъ составляетъ центръ Осетіи, а потому въ немъ сосредоточено большинство учеб-

ныхъ заведеній. Когда Ихъ Величества вошли въ вагонъ, ученики по-русски заплѣли народный гимнъ — и поѣздъ тронулся, напутствуемый восторженными пожеланіями народа, который разнесетъ отсюда по станицамъ и селамъ безконечные рассказы о добромъ Царѣ и ласковой Царицѣ.

Быстро промелькнули еще двѣ станціи: Даргъ-Кохъ, потомъ Бесланъ, — и поѣздъ сталъ подходить къ Владикавказу.

II.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.

Свѣтлыя, радостныя минуты переживалъ Владикавказъ, ожидая царскаго посѣщенія. Ему, такъ живописно пріютившемуся у самаго подножія исполинскихъ горъ, на берегу вѣчно бушующаго Терека, почти на рубежѣ двухъ частей свѣта—Европы и Азіи, выпала завидная доля: ранѣе другихъ кавказскихъ городовъ привѣтствовать Царственную Чету, еще впервые посѣщающую Кавказъ. Съ выѣздомъ князя Дондукова-Корсакова въ Ростовъ, Владикавказъ сдѣлался неузнаваемъ. Онъ вдругъ засуетился и забѣгалъ по всѣмъ направленіямъ. «Русскій странникъ», посѣтившій его въ эти минуты, пишетъ, что онъ не узналъ этого, давно ему знакомаго, города. «Кучки всякаго люда мели, красили, мастерили у каждаго дома, прибывая планки и проволоку, вѣшая ковры и флаги. Фаэтоны носились по городу съ офицерами и чиновниками. Махая плетью на лошадей, скакали казаки, кабардинцы и прочіе горцы; на бульварахъ и улицахъ всюду толпились группы жителей, стояли кучки горскихъ лошадей безъ привязи, поджарыхъ и со свойственной имъ на бездѣльи сонливостью; на площади дѣлалась репетиція церемоніала будущихъ торжествъ, а надъ всѣмъ этимъ палющее солнце и облака пыли».....

И вотъ, въ воскресенье, 18 сентября, весь городъ уже съ ранняго утра расцвѣтился флагами, красивыми коврами и массаи цвѣтовъ и зелени—повсюду вѣнки, гирлянды, щиты съ вензелевыми изображеніями Ихъ Величествъ. При самомъ вѣздѣ въ городъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ вокзала желѣзной дороги, поднялись легкія, красивыя триумфальныя ворота, украшенныя гербами Владикавказа. Этотъ гербъ, помимо красиваго рисунка, имѣетъ еще свое особое символическое значеніе. Онъ раздѣленъ на три части: въ верхней половинѣ, налѣво—Терекъ, а за нимъ поднимается Императорскій штандартъ, направо—ключъ, внизу—крѣпость съ запертыми воротами, а надъ нею снѣговая вершина Казбека. Кто умѣетъ читать геральдику, тотъ прочтетъ по этимъ знакамъ: «Державная власть владѣетъ Кавказомъ.» Къ тремъ часамъ пополудни всѣ улицы, по которымъ долженъ былъ проѣхать Императоръ, переполнились народомъ. Съѣздъ въ городъ огромный. Кромѣ официальныхъ лицъ, кромѣ депутатовъ, которые удостоятся счастья быть представленными Ихъ Императорскимъ Величествамъ, изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Терской области съѣхались туземцы—и съѣхались они не съ празднымъ любопытствомъ, а съ тѣмъ благоговѣйнымъ чувствомъ, которое заставило одного почтеннаго стараго кабардинца сказать: «Мы, кабардинцы, смотримъ на появленіе среди насъ Императора, какъ на сошествіе Святого Духа: Онъ все животворитъ собою.» И всѣ эти разнообразныя элементы, въ числѣ которыхъ есть и такіе, которые еще тридцать лѣтъ назадъ составляли вражескій лагерь—явились съ единственнымъ желаніемъ повергнуть къ стопамъ Монарха свои верноподданническія чувства. Въ числѣ наѣзжихъ гостей есть нѣсколько корреспондентовъ отъ разныхъ газетъ: Правительственнаго Вѣстника, Гражданина, Новаго Времени, Московскаго Листка, отъ англійской газеты «Times» и другіе. Телеграфъ въ эти дни будетъ работать усиленно и разнесетъ по всѣмъ уголкамъ святой Руси вѣсть

о томъ, какъ Кавказъ принимаетъ своего обожаемаго Монарха. Патриотическое настроеніе города уже выразилось нѣсколькими стихотвореніями, изъ которыхъ одно, небольшое, обращаетъ на себя особое вниманіе звучностью стиха и силою, выраженнаго въ немъ чувства:

Пусть каждый русскій грудью встанетъ
За православнаго Царя!
Подъ нашимъ небомъ дружно грянетъ
Пусть наше русское ура —
Ура за вѣру и Царя!

Эти искреннія строки написаны ребенкомъ 12-тилѣтнею дѣвочкою В. Меркурьевой.

Между тѣмъ, войска безъ оружія и аммуниціи стали располагаться шалерами и заняли все пространство отъ станціи желѣзной дороги до дворца, гдѣ было приготовлено помѣщеніе для Ихъ Величествъ. Почетный караулъ со знаменемъ отъ Кабардинскаго генераль-фельдмаршала князя Барятинскаго полка выстроился на платформѣ; сюда же, для встрѣчи Ихъ Величествъ, прибыли помощникъ командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа генераль-адъютантъ Шереметевъ, всѣ высшіе военные и гражданскіе чины, начальники отдѣльных частей, городской голова съ думой въ полномъ составѣ и, наконецъ, представители ремесленныхъ обществъ съ своимъ головою и цеховыми значками. Городскія дамы, собравшіяся привѣтствовать Государыню Императрицу, помѣстились въ вокзалѣ, роскошно убранномъ персидскими коврами и массою зелени. Не было здѣсь только двухъ хозяевъ этого края: терскаго атамана генерала Смѣкалова и главноначальствующаго Кавказомъ князя Дондукова-Корсакова — ихъ ожидали вмѣстѣ съ царскимъ поѣздомъ.

Ровно въ пять часовъ пополудни Императорскій вагонъ остановился у платформы. Войска взяли на-караулъ и, подторжественные звуки народнаго гимна, на широкихъ ступеняхъ приставленной къ вагону лѣстницы, изящно обитой

краснымъ сукномъ, появился Императоръ съ Императрицею; за ними—Наслѣдникъ-Цесаревичъ съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, а далѣе—царская свита. Князь Дондуковъ,—въ черкескѣ войскового наказнаго атамана,—опредѣль Императора и принялъ его на правомъ флангѣ почетнаго караула.

Государь, въ сопровожденіи свиты, прошелъ по фронту кабардинцевъ, милостиво поздоровался съ людьми и удостоилъ своимъ разговоромъ нѣкоторыхъ представлявшихся лицъ. Затѣмъ городской голова Лелѣевъ, привѣтствуя Ихъ Величество хлѣбомъ и солью, обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью.

«Ваше Императорское Величество! Привѣтствуя Васъ отъ имени нашего юнаго, малаго города, превознесеннаго сегодня Вашею Державною волею превыше всѣхъ городовъ русскихъ, мы просимъ Ваше Величество осчастливить насъ Вашимъ милостивымъ вниманіемъ, принявъ отъ насъ хлѣбъ-соль. Примите Ваше Величество это наше приношеніе—плоды мирныхъ нашихъ трудовъ, какъ выраженіе нашей вѣрно-подданнической благодарности и преданности и какъ залогъ того, что, такъ какъ теперь мы повергаемъ предъ Вами, Государь, нашу хлѣбъ-соль, мы по первому Вашему зову повергнемъ предъ Вами все достояніе и самую жизнь нашу.»

Хлѣбъ-соль была поднесена отъ города на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ чеканной работы, на манеръ блюда, поднесеннаго во время коронаціи московскимъ дворянствомъ. Блюдо это работы Овчинникова. На немъ изображенъ эмалевый гербъ Ихъ Величествовъ, гербъ Владикавказа и, наконецъ, четыре прекрасно исполненные вида: владикавказскій дворецъ вмѣстѣ съ соборомъ, памятникъ Архипу Осипову, Олыгинскій мостъ черезъ Терекъ со Столовою горою, и часть бульвара съ видомъ на снѣговой Казбекъ. Государынѣ Императрицѣ городской голова поднесъ букетъ цвѣтовъ въ серебряномъ ажурномъ порт-буке работы владикавказскаго мастера.

Такою же короткою рѣчью привѣтствовалъ Император-

скую чету ремесленный голова и поднесъ хлѣбъ-соль на серебряномъ подносѣ, украшенномъ всѣми цеховыми значками, государственнымъ гербомъ и монограммой Ихъ Величествъ. Это блюдо уступаетъ роскошью своей отдѣлки городскому, но зато оно произведеніе исключительно мѣстныхъ ремесленниковъ: его исполнилъ владикавказскій мастеръ Сольманъ по рисунку владикавказскаго же мастера Джибилова.

Въ вокзалѣ Императрицу привѣтствовали дамы, при чемъ супруга генерала Мантейфеля, командира 2-го Кавказскаго корпуса, и супруга генерала Смѣкалова, наказнаго атамана Терскаго войска, поднесли букеты.

Съ вокзала Ихъ Величества въ открытой коляскѣ проѣхали въ соборъ посреди войскъ, стоявшихъ шпалерами, посреди густыхъ волнъ народа, встрѣчаемые, сопровождаемые, привѣтствуемые восторженными криками. У самаго собора, въ видѣ почетнаго караула, былъ выстроенъ лейбъ-гвардіи Терскій казачій эскадронъ Собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя. Онъ находился на льготѣ и собранъ только по случаю проѣзда Государя. Черныя смушки бараньихъ шапокъ необыкновенно рельефно отбѣняютъ типичныя казачія лица, особенно при красныхъ бешметахъ и синихъ черкесахъ, сверкавшихъ серебромъ и галунами. Здѣсь все народъ отборный, полный свѣжихъ силъ, не оставляющій желать по наружному виду людей, и по духу, одушевляющему ихъ, ничего лучшаго. Это послѣднее слово современнаго казачества, это — его цвѣтъ и гордость.

Тутъ-же, на соборной площади, а также и внутри соборной ограды собраны были всѣ воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній, привѣтствовавшіе Ихъ Величества хоромъ музыки, составленнымъ изъ самихъ же воспитанниковъ. Весь путь отъ воротъ до церковныхъ дверей былъ устланъ краснымъ сукномъ, по которому Ихъ Величества съ Августѣйшими дѣтьми поднялись на соборную паперть. Здѣсь, во главѣ городскаго духовенства, стоялъ преосвящен-

ный Иосифъ, маститый епископъ владикавказскій и привѣтствовалъ Царственную Семью слѣдующею короткою рѣчью;

«Имѣемъ счастье привѣтсовать Тебя, благочестивѣйшій Государь, съ Августѣйшимъ семействомъ Твоимъ у подножія Кавказа евангельскимъ привѣтствіемъ: благословенъ грядый во имя Господне! Царь, единый въ мірѣ православный! Да хранишь Тебя Господь на всѣхъ путехъ Твоихъ, аможе аще пойдеша.»

Послѣ краткаго молебствія, соборное духовенство, въ лицѣ своего архипастыря, поднесло Ихъ Величествамъ иконы Спасителя и Божіей Матери, а Цесаревичу икону святителя Николая Чудотворца—всѣ въ серебряныхъ, вызолоченныхъ ризахъ. Затѣмъ, приложившись къ св. кресту, Ихъ Величества, предшествуемые епископомъ, благословлявшимъ ихъ путь, вышли изъ храма и отправились въ домъ, занимаемый на казными атаманами.

Домъ этотъ, или, какъ его называютъ, дворецъ—одно изъ красивѣйшихъ зданій во Владикавказѣ. Онъ каменный, двухъ-этажный, съ высокою угловою башней, надъ которой гордо развѣвался тогда Императорскій флагъ. По сторонамъ параднаго крыльца стоятъ двѣ мѣдныя старинныя пушки съ выбитою надписью: «казакамъ Волжскаго войска за вѣрныя ихъ службы». Это даръ еще царицы Анны Іоанновны.

Какъ нижній, такъ и верхній этажи заняты подъ императорское помѣщеніе. Въ нижнемъ этажѣ находится залъ, отдѣланный тканью золотисто-желтаго цвѣта и украшенный тремя большими портретами Государя, Государыни и Цесаревича, изъ которыхъ послѣдній изображенъ въ формѣ терскихъ казаковъ. Эта работа извѣстнаго художника Тюрина. Кругомъ, по стѣнамъ зала, длиннымъ рядомъ тянутся войсковыя регалии—это столѣтнія, ветхія, изодранныя въ клочья знамена, священные памятники первыхъ дней существованія войска. Время наложило на нихъ свою всеокрушающую руку. Поблекшія полотна, стертыя лица угодниковъ, полуслова, ос-

татки разорванныхъ надписей,—вотъ все, что осталось отъ этихъ свидѣтелей доблестной службы терскихъ казаковъ. Интересно развернуть эти хартіи, чтобы прочесть по нимъ быліны старинныхъ людей, стариннаго вѣка. Здѣсь есть знамена еще съ гербомъ великаго Новгорода, есть надписи, переносящія васъ прямо въ сѣдую до-Петровскую Русь:—«Божією милостію царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, въ лѣто отъ сотвореніе міра 7201.» И эта сѣдая старина перемѣшивается съ позднѣйшими, уже современными намъ, эмблемами и символами государственной власти, и на ряду съ полотнами, гдѣ попадаются обрывки надписей: «Никого не утрапшуся,» гдѣ лики святыхъ угодниковъ смѣняются изображеніями золоченнаго новгородскаго кресла съ горящимъ на немъ свѣтильникомъ, или орла, прикрывшаго своимъ широкимъ крыломъ съ одной стороны корабль, бѣгущій на всѣхъ парусахъ, съ другой пылающій городъ—быть можетъ эмблему морскихъ казацкихъ походовъ,—появляются полотна съ императорскими гербами, съ вензелями царствовавшихъ монарховъ, съ надписями, которыя, какъ скрижали, вмѣщаютъ въ себя славные подвиги славнаго трехсотлѣтняго служенія терскихъ казаковъ. На ряду съ этими знаменами хранятся атаманская булава, насѣки, жалованные ковши, царскія грамоты.

Изъ этого величественнаго зала три выхода; прямо терраса, съ которой открывается восхитительный видъ на Казбекъ; направо—кабинетъ Государя, налево—парадная голубая гостинная, а далѣе, такъ называемая башенная комната, восьмигранной формы, уставленная вся мягкими турецкими диванами.

Кабинетъ Государя убранъ чрезвычайно просто. По срединѣ письменный столъ съ массивнымъ бронзовымъ приборомъ, въ углу большой каминъ и надъ нимъ трюмо, красиво драпированное коричневою матеріею, на полу—персидскій

коверъ. Стѣны завѣшаны массою георгіевскихъ трубъ, заслуженныхъ терцами, и портретами наказныхъ атамановъ, начиная съ перваго изъ нихъ—Верзилина; тутъ-же стоятъ два ларца: въ одномъ хранится черкеска въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, въ другомъ—ключья знаменъ, жалованныхъ когда-то гребенскимъ казакамъ; ихъ болѣе ста; но они такъ вѣтхи, что по ихъ почтеннымъ останкамъ нельзя опредѣлить даже время, когда они были жалованы. Кромѣ этихъ комнатъ, въ нижнемъ этажѣ находится большая столовая, отдѣланная вся подъ дубъ, въ помпеевскомъ вкусѣ.

Въ верхнемъ этажѣ помѣщается гостинная серебристаго цвѣта, устланная текинскими коврами, украшенная фотографіями, снимками царской охоты въ Спалѣ; рядомъ съ нею золотая гостинная Государини-Императрицы; здѣсь мебель разная, два трюмо, письменный столъ Государыни; на стѣнахъ висятъ картины, писанныя Лагоріо и супругою нынѣшняго наказнаго атамана терцевъ Е. М. Смѣкаловой; далѣе, голубой будуаръ Императрицы, а еще далѣе спальня Ихъ Величествъ, розоваго цвѣта. Изъ этихъ двухъ комнатъ выходъ на балконъ, устроенный надъ нижнею террасой. Видъ съ этого балкона на Владикавказъ, на горы и на окрестность еще лучше, еще величественнѣе, чѣмъ съ нижней террасы.

На другой сторонѣ дворца, въ верхнемъ же этажѣ, расположена уборная Государя-Императора въ персидскомъ вкусѣ; отсюда выходъ на балконъ, который высится надъ параднымъ подъѣздомъ. Рядомъ съ уборною Государя двѣ комнаты для помѣщенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича. Въ саду, передъ дворцовою террасою, бьетъ фонтанъ и раскинуто нѣсколько цвѣточныхъ газоновъ, спускающихся уступами къ небольшому фруктовому саду, за которымъ находится главный владикавказскій соборъ.

Наружнымъ фасадомъ дворецъ выходитъ на довольно

обширную квадратную площадь, окаймленную высокими тополями. На этой-то площадке, подъ купами деревьев, стоялъ почетный караулъ отъ 46-го драгунскаго Переяславскаго Его Величества полка со штандартомъ и хоромъ трубачей; а далѣе, по окружности всей площади, размѣщены были представители Терскаго казачьяго войска и являлась уже обстановка исключительно мѣстная, кавказская, крайне внушительная по бытовому складу этой военно-сословной казачьей общины. Это была историческая, живая картина, такъ и просившаяся на полотно художника. Семидесятилѣтніе, сѣдые какъ лунь, казаки-ветераны, изсѣченные, порубленные, пробитые пулями, давно уже вкушавшіе заслуженный своею кровью покой подъ камышевою крышей укромной казацкой свѣтлицы, тряхнули старыми костями и, какъ въ былые дни, явились въ строй, чтобы привѣтствовать надежу-Царя, Царицу и Цесаревича—своего родного казацкаго атамана. Эти старики составили изъ себя почетный караулъ—почетный въ полномъ значеніи этого слова. Ихъ изстари безтрепетныя груди всѣ сплошь завѣшаны георгіевскими крестами, среди которыхъ изрѣдка, какъ волшебная сказка минувшихъ дней, мелькаетъ кое-гдѣ ахульгинская медаль, невольно привлекая взоры и возбуждая столько воспоминаній въ тѣхъ, кому знакомы кровавыя страницы кавказской исторіи. Глубокія морщины, какъ отпечатокъ времени, избородили эти суровыя, нѣкогда грозныя, воинственныя лица; потухли зоркія казацкія очи; но руки, нѣкогда крѣпкія какъ желѣзо, еще твердо держатъ острыя полосу обнаженныхъ пашекъ. Одѣтые въ форменныхъ черкескахъ и сѣдыхъ лапахъ, подходившихъ къ цвѣту усовъ и бородъ, этотъ строй стариковъ имѣлъ такой внушительный видъ, что на ихъ лицахъ, кажется, такъ и отпечатано, что это, дескать, мы-то и есть тѣ самыя, изстари прославленные въ Россіи и теперь уже послѣдніе, оставшіеся въ живыхъ, кавказскіе линейцы. И, дѣйствительно, въ нихъ, какъ въ зеркаль, отражается весь тревожный, полный опасностями

быть порубежнаго казачества, со всѣми его богатырскими подвигами, со всѣми его дорогими именами. Смотри на этихъ представителей славнаго войска, такъ и хочется освѣдомиться о жизни каждаго изъ нихъ, узнать ихъ боевую повѣсть. Да и сколько, дѣйствительно, могли-бы поразсказать эти живые свидѣтели героическаго эпоса кавказской войны! Невольно приходится пожалѣть вмѣстѣ съ Лермонтовымъ о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ: сходятъ старики въ могилу, а вмѣстѣ съ ними одна за другою исчезаютъ былины великаго казацкаго войска.

Надъ этимъ почтеннымъ, своею древностію, строемъ развѣвалось войсковое знамя, а на правомъ флангѣ сѣдого караула стоялъ наказный атаманъ генералъ-лейтенантъ Смѣкаловъ, опершись на булаву, пожалованную когда-то одному изъ гребенскихъ атамановъ. Верхній конецъ булавы и наконецникъ обдѣланы въ серебро подъ чернью. Съ этою булавою выходили на войсковые круги старые атаманы для разбирательства и рѣшенія общихъ дѣлъ, и эту же булаву употребляютъ нынѣшніе наказные атаманы въ особо торжественныхъ случаяхъ.

Далѣе вниманіе ваше остановится на конномъ дивизионѣ казачьихъ малолѣтковъ. Старшему изъ нихъ нѣтъ и 15 лѣтъ; обѣ сотни одѣты однообразно въ голубыхъ бешметахъ, бѣлыхъ черкескахъ и бѣлыхъ папахахъ, обвѣшаны оружіемъ и сидятъ на небольшихъ, но хорошо подобранныхъ и бойкихъ коняхъ. Видъ этого строя, осѣненного красными сотенными значками, необычайно веселый, праздничный. Дѣти, являющіяся на царскій смотръ, рядомъ съ своими сѣдыми дѣдами—какое это эффектное зрѣлище, какъ дышетъ это казацкою стариною, какъ напоминаетъ слова одного атамана, сказанныя имъ когда-то надежѣ-Царю. «А будетъ Тебѣ потреба въ войскѣ богатырскомъ, токмо кличь кликни,—и станутъ казаки стѣною каменной супротивъ врага Твоего. И нѣсть на свѣтѣ врага лютаго, короля державнаго, хана-лы-

царя, кой устоялъ-бы супротивъ отважности ихъ. А одолѣть врагъ, то повалятся за Тебя всѣ башки казацкія... А какъ послѣдняя свалится—*казачата придутъ*.

И не переведутся никогда багатырскія силы въ мощной казачьей семьѣ, потому что создали ихъ ни одни историческія обстоятельства, а ширь русской природы, мощь русскаго духа, которыя вѣчны и неизмѣнны. И не создать у себя казачества никакими искусственными мѣрами, никакими волшебными чарами, ни французамъ, ни нѣмцамъ.

За дѣтьми-малолѣтками, полными жизни, опять танутся ряды стариковъ, украшенныхъ сѣдинами, обвѣшанныхъ рядами крестовъ и медалей. Эти почтенныя группы—депутація отъ Терскаго войска, а впереди ихъ стоятъ станичныя атаманы съ ихъ булавами—символами власти.

Туть-же, какъ дополненіе казачьей семьи, присутствуютъ дѣвушки и женщины, пріѣхавшія съ своими мужьями и родителями со всѣхъ станицъ, чтобы взглянуть, какъ выразилась одна изъ нихъ, въ ясныя очи Царя-батюшки и Царицы-матушки. Богатые бешметы гребенскихъ казачекъ непременно голубого цвѣта, въ знакъ принадлежности ихъ къ терскому войску, и русскіе сарафаны сунженскихъ казачекъ чрезвычайно красивы и эффектны посреди однообразныхъ палахъ и черкесокъ.

Если прибавить сюда видъ служащихъ генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ войскаго сословія, видимо, съ энергіею и особою заботою устраивавшихъ торжественную встрѣчу своему Государю и своему Царственному Атаману, то это будетъ вѣрная картина того, что можно было подмѣтить въ этой поистинѣ почтенной боевой семьѣ терскихъ казаковъ.

Заботы офицеровъ видны даже въ вещественныхъ предметахъ, которые они готовятся поднести Ихъ Императорскимъ Величествамъ, Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Георгію Александровичу. Блюдо, на которомъ положены «хлѣбъ-соль», по мысли и изяществу работы, представляетъ

собою нѣчто совершенно выдающееся въ области подобныхъ предметовъ. Самое блюдо серебряное, но края его изъ чернаго дерева, и украшены рельефными, прекрасно исполненными аксессуарами казачьяго оружія и походнаго снаряженія. Каждый кинжалъ, каждая шашка, ружье и проч. вылиты изъ серебра отдѣльно и, какъ миниатюрныя модели, сами по себѣ представляютъ высокое художественное произведеніе. Вмѣсто ручекъ два миниатюрныя черкескія сѣдла. На блюдѣ надпись «Царю и Царицѣ отъ вѣрнаго Терскаго казачьяго войска». Внутренняя часть блюда не менѣ замѣчательна, какъ и его края. Въ серединѣ, на императорской порфирѣ, спускающейся изъ подъ короны, монограмма Ихъ Величествъ; сверху — государственный гербъ, окруженный знаменами и георгіевскими трубами; внизу — прекрасно вычеканенная карта Терской области съ гербомъ Владикавказа, а по сторонамъ расположены названія полковъ Терскаго войска и два рисунка: направо — кипитъ казачья тревога, налѣво — бытовья сцѣны изъ мирной, обыденной жизни: тутъ и сборъ винограда, и жатва хлѣба, и косьба, и разныя казачьи ремесла. Это минувшее и настоящее терцевъ. Солонка также серебряная, представляющая собою казацкую папаху изъ сѣрыхъ смушекъ; подъ нею сложены накрестъ кинжалъ и пистолеть старой азійской формы.

Блюдо съ хлѣбомъ и солью держитъ старшій членъ войсковой семьи, командиръ Терской казачьей бригады генераль-маіоръ Сафоновъ — старый моздокскій казакъ, потерявшій въ бояхъ отца и двухъ братьевъ, самъ раненый и много потрудившійся въ дѣлѣ перевооруженія казачьяго войска. По сторонамъ его — ассистенты, отставные полковники Баскаковъ и Веретенниковъ. Затѣмъ идутъ подарки, разставленные на маленькихъ круглыхъ столикахъ: Государынѣ-Императрицѣ — массивная серебряная фигура терскаго казака на конѣ, поставленная на пьедесталѣ, изображающемъ скалу изъ чернаго мрамора; Настѣвнику-Цесаревичу — полное казац-

кое вооруженіе: шашка, кликаль и хазыри въ серебряной оправѣ, работы казака Михайловской станицы Карасева; клинокъ шашки древній съ латинскими надписями; есть преданіе, что онъ нѣкогда принадлежалъ въ Кабардѣ князю Бекевичу-Черкасскому, погибшему подъ Хивою при Петрѣ Первомъ. Великому Князю Георгію Александровичу подносится изящный бюварь, деревянный, съ серебряною рѣзбою, работы Овчпшниковъ, съ фотографическими снимками терскихъ станицъ и сценъ изъ казачьей жизни. Вся эта группа осѣнена войсковыми знаменами, свидѣтелями боевой жизни терскихъ казаковъ, съ минуты, когда Грозный Царь приказалъ гребенцамъ «беречь свою вотчину Кабардинскую» и до нашихъ дней, когда слава терцевъ уже установилась на прочномъ незыблемомъ, пьедесталѣ.

Туть-же, въ ряду этихъ подарковъ, лежатъ приготовленные для Государя-Императора, Государыни-Императрицы и Настѣдника-Цесаревича три книги въ изящныхъ, бархатныхъ переплетахъ подъ заглавіемъ: «Терцы. Сборникъ историческихъ, бытовыхъ и географическо-статистическихъ свѣдѣній о Терскомъ казачьемъ войскѣ». Книга эта составлена ко дню прибытія Ихъ Величествъ командиромъ 2-го Сунженско-Владикавказскаго казачьяго полка, войсковымъ старшиною Ржевскимъ.

Отдаленный гулъ восторженныхъ криковъ, несшійся со стороны собора, далъ знать о приближеніи Императора. Все замолкло въ трепетно-радостномъ ожиданіи увидѣть, наконецъ, Монарха. Государь съ Императрицею вышли изъ коляски и подошли прямо къ почетному караулу отъ Переяславскаго драгунскаго полка. Молодецкій видъ драгунъ, ихъ смѣлый и открытый взглядъ, эта любовь, горѣвшая въ ихъ взорахъ, обращенныхъ на Царственную Чету, это могучее, восторженное ура, гранувшее навстрѣчу Державному Шефу, составили такую картину, которая глубокими чертами врѣжется въ память каждаго, кто ее видѣлъ. Государь

милостиво благодарилъ своихъ драгунъ и подаль руку командиру Переяславскаго полка, полковнику Джанибекову.

Но вотъ заиграла казацкая музыка, склонилось войсковое знамя, и Ихъ Величества пошли по рядамъ казацкихъ стариковъ. Покатилось по рядамъ ура, и полуумершія сердца ветерановъ затрепетали новою, юношескою жизнію; полужастывшая кровь ихъ снова закипѣла въ жилахъ, и кто внимательно посмотрѣлъ-бы въ эти минуты на изборожденные морщинами лица, тотъ подмѣтилъ-бы, какъ слеза за слезою катилась по щекамъ на сѣдые усы и бороды. И не мудрено. Въ первый разъ еще гремя привычный имъ крикъ «ура» навстрѣчу любимому Царю—до сихъ поръ онъ вырывался изъ ихъ груди только на поляхъ смертоносныхъ битвъ, неся за собою смерть и гибель врагамъ.

Почетнымъ карауломъ ветерановъ командовалъ отставной полковникъ Кудебякинъ, извѣстный цѣлой Россіи. Государыня-Императрица съ чисто материнскимъ участіемъ осчастливила ветерана вопросомъ о его здоровьи и подала ему руку, которую со слезами благоговѣнія поцѣловалъ старый, израненный воинъ.

При приближеніи Императора къ войсковымъ регалиямъ, знамена преклонились три раза, и генераль-маіоръ Сафоновъ, держа въ рукахъ блюдо съ хлѣбомъ-солью, произнесъ слѣдующую рѣчь:

Ваше Императорское Величество!

«Искони вѣрное Престолу Терское казачье войско, съ преисполненнымъ радости сердцемъ, привѣтствуетъ своего Великаго Государя, Государыню-Императрицу, первую изъ Царицъ, посѣтившую Кавказъ, и Государя Наслѣдника-Цесаревича, Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, хлѣбомъ-солью на берегахъ родного Терека.

«Представители войска—сѣдые старцы и юноши, сидящіе здѣсь на коняхъ, слѣдуя завѣту прадедовъ, три вѣка непоколебимо стоящихъ на рубежѣ Кавказа, единодушно выра-

жають нынѣ Вашему Величеству твердыя, несокрушимыя вѣрноподанническія чувства отъ всей терской казачьей семьи.

«Повели Государь,—и терцы, отъ мала до велика, безвѣтно повергнуть къ священнымъ стопамъ Твоимъ и жизнь, и достояніе на возвеличеніе Престола Вашего Императорскаго Величества и на славу отечества».

По окончаніи рѣчи, милостиво выслушанной Государемъ, полковникъ Баскаковъ обратился къ Императрицѣ и просилъ Ее принять отъ Терскаго войска изображение вѣрноподаннаго казака, «во всякую минуту готоваго стать грудью за вѣру, Царя и отечество». Затѣмъ полковникъ Золотаревъ и войсковой старшина Астаховъ поднесли подарки Наслѣднику-Цесаревичу и Великому Князю Георгію Александровичу, а супруга наказнаго атамана Е. М. Смѣкалова—букетъ Ея Величеству, въ золотомъ порт-буке съ изящною эмалевой отдѣлкою.

Обойдя остальные станичныя депутаціи и терскихъ казачекъ, Государь Императоръ пропустилъ мимо Себя оба почетные караула и дивизіонъ казачьихъ малолѣтокъ, а затѣмъ Ихъ Величества съ Августѣйшими дѣтьми удалились во внутренніе покои. Вслѣдъ за ними съ обычнымъ церемоніаломъ внесены были во дворецъ войсковыя знамена и Высочайшія грамоты, находившіяся при встрѣчѣ Государя на площади среди казачьяго круга.

Между тѣмъ стемнѣло, и тотчасъ за этимъ улицы вспыхнули разноцвѣтными огнями. Владикавказъ превратился во что то крайне эффектное, почти сказочное. Это была не та иллюминація—говорить Русскій странникъ:—которую мы привыкли видѣть за послѣднее время въ нашихъ столицахъ. Тутъ на бульварахъ, площадяхъ и главныхъ улицахъ, на триумфальныхъ аркахъ и на всѣхъ домахъ не было точки, которая не горѣла бы разноцвѣтными огнями, не было ограды или рѣшетки, детали коихъ не вырѣзывались бы непрерывными огненными линіями. А на верху надъ вашей головой цѣлое море длиннѣйшихъ флаговъ, протянутыхъ на тон-

кихъ бичеввахъ надъ домами, а надъ всѣмъ этимъ высокіе храмы, колокольни и соборъ, свѣщенные, начиная съ паперти до оконечности креста и рисующіеся на темномъ фонѣ теплой ночи огненными непрерывными контурами.

Толпы народа, ликующаго и трезваго, запружаютъ всѣ улицы. Около городского сада сплошныя неподвижныя массы. Тѣнистый густой садъ освѣщенъ до послѣдняго листочка; оттуда несутся звуки прекрасной музыки.

На слѣдующій день, еще не взошло солнце, какъ густыя толпы народа, пѣшаго и коннаго, въ щегольскихъ экипажахъ и въ простыхъ колымагахъ и дрогахъ повалили за городъ, чтобы увидѣть своего Царя передъ войсками; туда же шли воспитанники учебныхъ заведеній и станичныя школы, приведенныя съ Сунжи. Смотръ назначенъ былъ въ двухъ-трехъ верстахъ отъ города на полѣ, извѣстномъ подъ именемъ артиллерійскаго полигона. Посреди этого поля возвышался необыкновенно изящный и эффектный кіоскъ въ мавританскомъ вкусѣ, устроенный самими войсками. Металлическій куполь его, въ видѣ мопомаховой шапки, увѣнчанный стариннымъ орломъ, горѣлъ подъ лучами солнца. На открытомъ балконѣ стояло, обитое малиновымъ бархатомъ, раззолоченное кресло, предназначенное для Императрицы. Далѣе, за кіоскомъ, шла эстрада для зрителей, также устроенная войсками и съ большимъ вкусомъ убранная гирляндами и флагами. Но лучшимъ украшеніемъ поля все же служили громады Кавказскихъ горъ, которыя такъ отчетливо, такъ рельефно вырисовывались своими причудливыми вершинами на чистомъ, безоблачномъ небѣ. День былъ солнечный, жаркій, и серебрянымъ вѣнцомъ сіялъ Казбекъ подъ лучами Божьяго солнца, затмѣвая царственнымъ блескомъ своимъ всю снѣговую горную цѣпь. Подобный видъ на горы не всегда доступенъ даже для владикавказцевъ, которые

не часто любуются Казбекомъ, покрытымъ большую часть дня туманомъ и облаками. «Правда, мы, терцы, гораздо бѣднѣ кубанцевъ, но этого-то у нихъ все таки нѣтъ» — замѣтилъ одинъ казачій офицеръ, указывая на горы. Дѣйствительно, не много мѣстъ на свѣтѣ обладаютъ такими величественными природными декораціями.

Прекрасную картину военного поля дополнялъ видъ широко разкинувшагося лагеря, роскошно убраннаго зеленью и флагами.

Въ 9 съ $\frac{1}{2}$ часовъ утра войска заняли назначенные имъ мѣста. На смотру участвовали: Владикавказская прогимназія, 23 баталіона пѣхоты, 18 эскадроновъ драгунъ, 15 сотенъ терскихъ казаковъ и милиціи и 13 батарей, изъ которыхъ двѣ конныя. Всѣми войсками командовалъ командиръ 2-го Кавказскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Цеге-Фонъ-Мантейфель *).

Спокойно, увѣренно стоятъ боевые кавказскіе полки, вынесшіе на своихъ плечахъ всю тяжесть полувѣковой борьбы, переставшіе даже быть войскомъ, дѣлающимъ кампанію и превратившіеся въ сплошной воинственный народъ, который сталъ противъ другого, непокорнаго народа и, послѣ тяжелой борьбы на жизнь и на смерть, подвелъ его, какъ выражаются солдаты, «подъ руку Бѣлаго Царя». Эти боевые традиціи сохраняются въ полкахъ и понинѣ. Здѣсь, что не имя, то цѣлая эпопея кавказской войны. Назовете ли вы

*) На смотру участвовали 1-й Кавказскій саперный баталіонъ, 1-й военно-телеграфный паркъ, полки 19-й дивизіи: Крымскій, Ставропольскій, Севастопольскій и Кубанскій въ трехъ баталіонномъ составѣ; 20-й дивизіи: Тенгинскій и Навагинскій полки въ трехъ, а Куринскій и Кабардинскій въ двухъ баталіонномъ составѣ. Драгунской дивизіи полки: Нижегородскій, Сѣверскій и Переяславскій; казаки — два сводные льготные полка, каждый въ 4 сотни, дивизіонъ казачьихъ малолѣтковъ, пять сотенъ милиціи; артиллерія: шесть батарей 19, пять 20-й артиллерійской бригады и 1 и 2 батареи Терскаго казачьяго войска, всего 52 орудія.

кабардинцевъ или куринцевъ—и передъ вами встанутъ ахульгинскія скалы, ичкеринскія дебри, гехинскіе лѣса, залитые ихъ кровью, усѣянные ихъ костями; назовете ли тентинцевъ—и передъ вами возникаетъ величавый образъ простого русскаго солдата Архипа Осипова, завѣщавшаго въ минуту славной гибели одно—«помнить его дѣло». Проѣзжайте по фронту драгунской дивизіи—и вы убѣдитесь, что это цвѣтъ и гордость русской кавалеріи. Нижегородскій полкъ, отпраздновавшій уже столѣтнюю годовщину своей кавказской службы—гроза лезгинъ, чеченцевъ, персіанъ и турокъ, всѣхъ, кто только попадалъ подъ его несокрушимые удары. Про него именно можно сказать словами одного кабардинца: «только мертвые знаютъ остры ли его шашки». Сѣверцы—это плоть отъ плоти и кость отъ костей Нижегородскаго полка; это тѣ же нижегородцы, только подъ другимъ названіемъ; Переяславскій полкъ моложе ихъ на Кавказѣ, но, и въ немъ тѣ же кавказскія традиціи, тотъ-же духъ, который поведетъ его по пути старшихъ его товарищей. О кавказскихъ линейцахъ нечего и говорить: эти люди родились, росли и умирали подъ нескончаемымъ лязгъ оружія и грохотъ выстрѣловъ.

Пробило десять часовъ утра. Далекій колокольный звонъ и ура, несшіеся неудержимою волною, дали сигналъ приближенія Императора. «Смирно! на-плечо!» брякнуло оружіе, сверкнули на солнцѣ вынутыя полосы шашекъ, и тысячи людей замерли въ ожиданіи. Тишина полная. Жужжаніе комара слышно было бы явственно, если бы не этотъ отдаленный гулъ народныхъ голосовъ, который все близится и близится къ войску. Царская коляска, со всѣхъ сторонъ охваченная толпою восторженныхъ горцевъ, составившихъ непрошенный эскортъ, остановилась у праваго фланга. И вотъ, посреди тишины, отчетливо-ясно раздалась команда корпуснаго командира «на-карауль.» Еще разъ блеснули штыки, заиграла музыка, глухими перекатами покатила барабанная дробь съ рѣзкими звуками горня, и высоко, гордо развѣвавшіяся зна-

мена тихо склонились долу и почти коснулись своими полотнами земли, привѣтствуя Императора. Покатилось «ура», понесли величавые звуки народнаго гимна—играютъ «Боже Царя храни». Есть минуты, къ которымъ нельзя привыкнуть, при которыхъ что-то такое захватываетъ сердце, подступаетъ къ горлу, выжимаетъ слезы. Къ такимъ именно минутамъ принадлежитъ встрѣча войсками Государя.

Впереди всѣхъ ѣхалъ командующій Императорскою главною квартирою генераль-адъютантъ Рихтеръ. За нимъ коляска Императрицы, запряженная по-русски тройкою сѣрыхъ лошадей, сбоку коляски—величавая фигура Императора. Онъ въ общемъ генеральскомъ мундирѣ и на бѣломъ кабардинскомъ конѣ; за ними громадная конная свита. По мѣрѣ того, какъ Государь объѣзжалъ линіи, ура все усиливалось и прибывая, сливалось въ одинъ оглушительный гулъ.

По объѣздѣ войскъ, коляска Императрицы остановилась возлѣ кіоска. Здѣсь супруга корпуснаго командира генерала Мантейфеля поднесла Ея Величеству букетъ, перевитый роскошно вышитою бѣлою лентою и имѣла счастье быть приглашенною Императрицею въ кіоскъ. Войска строились для церемональнаго марша. Императоръ со свитою помѣстился возлѣ кіоска. Императрица появилась на открытомъ балконѣ и въ палевомъ костюмѣ, вся залитая горячими лучами солнца, стояла одна на виду у всѣхъ, привлекая къ себѣ не взоры, а сердца и души людей. Если бы не сковывала, эти проходившія мимо войска, желѣзная дисциплина, кажется, «ура» грянуло бы и замерло только вмѣстѣ съ жизнію этихъ людей. Такъ думалъ каждый, и каждый потомъ говорилъ объ этомъ.

Между тѣмъ командующій войсками Кавказскаго округа генераль-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ въ черкескѣ войсковаго атамана, сталъ передъ фронтомъ Владикавказской военной прогимназіи и повелъ войска мимо Императора.

Прогимназія, съ собственнымъ оркестромъ, составленнымъ изъ самихъ же воспитанниковъ, прошла развернутымъ фрон-

томъ—и первая заслужила Царское «спасибо». За нею появился корпусный штабъ, потомъ пѣхота. Полки 19-й дивизіи проходили поротно—шагъ большой, частый, но замѣчательно твердый, увѣренный; 20-я дивизія шла колоннами, и, глядя на эти колонны, можно было сказать, дѣйствительно, что эта пѣхота не маршируетъ а идетъ, да идетъ такъ, что сломить каждаго, кто осмѣлится стать передъ нею. Видъ истиннѣ грозный, внушительный. Вмѣстѣ съ 20-ю дивизіею прошолъ саперный баталіонъ, одинаково прекрасный, какъ въ строю, такъ и въ своихъ спеціальныхъ работахъ. Артиллерія пропущена была побатарейно,—сперва полевая, потомъ горная съ ея маленькими, точно игрушечными, пушками; батареи прошли замѣчательно—лошадь въ лошадь, построжка въ построжку. Славная драгунская дивизія, имѣя во главѣ ветерана кавказскихъ войнъ генераль-лейтенанта князя Амлахвари, парадировала перемѣнными аллюрами, щеголяя сортомъ офицерскихъ лошадей, которыя такъ и били въ глаза, особенно тамъ, гдѣ эскадроны проходили рысью; равеніе и спокойствіе фронта замѣчательныя. За драгунами, какъ тѣни, промелькнули легкія казачкія сотни двухъ льготныхъ терскихъ полковъ, явившихся прямо отъ домашнихъ работъ и занятій, проѣхали посотенно казачьи малолѣтки въ своемъ эффектномъ костюмѣ и, наконецъ, парадъ закончился прохождепіемъ туземныхъ милицій, предводимыхъ старымъ чеченскимъ генераломъ Арцу. Эти милиціи, явившіяся изъ своихъ домовъ по первому призыву, на собственный счетъ, не обременяя казну никакими издержками,—прошли мимо Государя, что называется струною, какъ старые казаки. Впереди кабардинцы. Здѣсь нѣтъ ни блеска, ни роскоши, по опытный глазъ тотчасъ подмѣтитъ изящество и щегольство сѣдловки и пригонки оружія. Это постоянціе аристократы Кавказа. За ними прошли сотня осетинъ и сотня ингушцевъ—люди все широкоплечіе, внушительнаго роста, съ черными обладистыми бородами, и обѣ сотни, въ обѣихъ ше-

ренгахъ, съ праваго до лѣваго фланга увѣшаны георгіевскими крестами—живыми свидѣтельствами ихъ доблестной службы Россіи; за ингушевцами проѣхали кумыи въ бѣлыхъ черкескахъ съ красными башлыками, откинутыми назадъ въ родѣ ментиковъ, и въ заключеніе всѣхъ—чеченцы, злѣе и упорнѣе всѣхъ отстаивавшіе когда-то отъ насъ свои лѣсныя трущобы.

Наслѣдникъ-Цесаревичъ присутствовалъ на парадѣ въ формѣ Терскаго эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя и проѣхалъ передъ Государемъ на правомъ флангѣ своихъ казаковъ.

Парадъ произвелъ громадное впечатлѣніе. Сколько смотровъ приходилось мнѣ видѣть на своемъ вѣку—писать. «Русскій страникъ:—и, искренно говорю, я не видѣлъ ничего подобнаго... словомъ, я не встрѣтилъ здѣсь ни одного человѣка изъ вновь пріѣзжихъ, который не былъ бы въ восторгѣ отъ здѣшнихъ частей войскъ вообще и отъ драгунской дивизіи въ особенности.»

Государь, при прохоженіи, благодарилъ каждую часть отдѣльно и затѣмъ, обратившись къ князю Дондукову-Корсакову и генералу Мантейфелю, отозвался въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ о состояніи войскъ Владикавказскаго лагеря.

Смотръ конченъ. Государь, сойдя съ коня, подошелъ вмѣстѣ съ Императрицею къ кучкѣ стариковъ-ветерановъ, уже давно находящихся въ отставкѣ. Это все слуги Императора Николая Павловича, живые памятники кавказской войны пятидесятихъ, сороковыхъ и даже тридцатыхъ годовъ, собравшіеся сюда съ разныхъ мѣстъ Кавказа, чтобы видѣть своего Монарха. Многіе изъ нихъ—истинные герои, запечатлѣвшіе своею кровью святое исполненіе долга; но особенное вниманіе обращалъ на себя древній старикъ—нижегородецъ, одѣтый въ форму тогдашняго времени, въ куртку съ хазырами и въ мѣховой высокой киверѣ съ помпономъ

и этикетами. Онъ участвовалъ въ походахъ Паскевича и былъ въ знаменитой бейбуртской атакѣ, гдѣ передъ шестью конными эскадронами Нижегородскаго полка пала цѣлая линия непріятельскихъ укрѣпленій; тутъ-же находился нижегородецъ Озеровъ, получившій въ 1853 году подъ Баяндуромъ 24 раны и извѣстный, въ свое время, по имени цѣлой Россіи.

Удостоивъ многихъ ветерановъ своими распросами и обласкавъ всѣхъ своимъ Державнымъ словомъ, Государь, отпуская стариковъ, произнесъ: «Прощайте, дай Богъ всего хорошаго.» И растроганные старики отвѣчали на царскій привѣтъ тихими слезами и благословеніями.

Затѣмъ послѣдовалъ Императорскій завтракъ, на который удостоились приглашенія всѣ высшіе военные чины, начальники отдѣльныхъ частей и нѣкоторые изъ заслуженныхъ отставныхъ офицеровъ Терскаго войска. Во время завтрака, происходившаго въ особой палаткѣ, разбитой возлѣ вѣоска, Государь-Императоръ провозгласилъ тостъ за здоровье Кавказскихъ войскъ, въ лицѣ представителей ихъ, начальниковъ частей, а затѣмъ особо обратился къ наказному атаману генералу Смѣкалову съ милостивыми словами «пью за здоровье терскихъ казаковъ.»

На обратномъ пути въ городъ, Ихъ Величества посѣтили въ слободѣѣ, за Терекомъ, церковь Тенгинскаго полка, построенную во имя апостоловъ Петра и Павла. Здѣсь, у церковной ограды, Государя встрѣтилъ командиръ полка полковникъ Щелкачевъ, старый кавказскій боецъ, командовавшій когда-то въ Кабардинскомъ полку знаменитою командой охотниковъ, а далѣе, въ предверіи храма, военное духовенство, во главѣ котораго находился благочинный 20-й дивизіи о. Романовъ, украшенный наперстнымъ крестомъ на георгіевской лентѣ съ бантомъ. Послѣ краткаго молебствія, Ихъ Величества изволили осматривать церковь. Массивная серебряная утварь, хранящаяся въ алтарѣ—драгоценный даръ полку Ав-

густѣйшаго шефа его Великаго Князя Алексѣя Александровича; тутъ же представлено было Государю Императору большое евангеліе, вѣсомъ около пуда, пожалованное полку за доблестную службу еще Императрицею Екатериною II. Отдѣлка евангелія старинная, а на нижней крышкѣ, во всю величину ея, вызолоченный двуглавный орелъ подъ Императорскою короною. Есть и еще нѣсколько старинныхъ церковныхъ вещей: дарохранильница 1734 года, напрестольный крестъ вѣсомъ въ 8 фунтовъ и водосвятная чаша, изъ которой Ихъ Величества были окроплены св. водою. Эта чаша поднесена была офицерами Тенгинскаго полка на память бывшему своему командиру генералу Баженову, который, умирая, завѣщалъ ее въ тенгинскую церковь. Но особенная, историческая замѣчательность—это образъ священно-мученика Автонома, принадлежавшій Суворову. На немъ есть надпись: «1771 года, мѣсяца сентября, 12 дня на память святаго священно-мученика Автонома Богомъ даровася славная побѣда, подъ предводительствомъ господина генерала Александра Суворова, надъ Литовскимъ Гетманомъ Огинскимъ, почему въ память оныя побѣды сей образъ вновь отъ него сооружися.» Вотъ этотъ образъ, сопровождавшій Суворова, какъ говоритъ преданіе, во всѣхъ его походахъ, и былъ подаренъ имъ Тенгинскому полку послѣ трехдневнаго боя при Треби. На этомъ образѣ виситъ серебряная медаль за персидскую войну, принадлежавшая рядовому Архипу Осипову. Послѣ взрыва Михайловскаго укрѣпленія, медаль эта найдена была въ вещахъ его, оставленныхъ въ полковомъ цейхгаузѣ и, по приговору нижнихъ чиновъ, на вѣчную память объ Архипѣ Осиповѣ, повѣшена на суворовскій образъ.

Къ достопримѣчательностямъ церкви принадлежать и длинныя мѣдныя дощечки, украшенныя сверху бѣлыми георгиевскими крестами; ихъ восемь и онѣ симметрично расположены на пилястрахъ колоннъ противъ иконостаса. На нихъ выгравированы имена убитыхъ офицеровъ 20-й пѣхот-

ной дивизіи, начиная съ 1812 года.

Послѣ церкви Ихъ Величества осматривали новыя казармы, только что построенныя для Тенгинскаго полка, а затѣмъ посѣтили военный госпиталь. Здѣсь Государь и Государыня обошли всѣ отдѣленія, не исключая даже заразнаго, отдѣленнаго въ особыя палатки и всюду приносили съ собою царственное вниманіе, ласку и участіе къ страждущимъ. Въ числѣ больныхъ находился одинъ заслуженный солдатъ, артиллеристъ Паненко, лишившійся на службѣ зрѣнія. Министръ Двора лично распросилъ больного о его положеніи и, по докладѣ Государю, Его Величество изволилъ пожаловать Паненку 300 рублей, которые въ тотъ-же день и были доставлены осчастливленному Монархомъ солдату.

Въ четыре часа пополудни Государыня Императрица принимала во дворцѣ почетныхъ дамъ и представительницъ азійскихъ племенъ Кавказа. Обласканныя Государыней и допущенныя къ Царской рукѣ, туземки рассказывали потомъ, счастливыя и радостныя, о томъ какъ Императрица милостиво хвалила природу ихъ родины, ихъ горы, ихъ національныя костюмы. Эти глубокія чувства, выразившіяся слезами счастья, княгини и представительницы народа унесутъ съ собою въ далекія горы и на этихъ чувствахъ съумѣютъ воспитать молодое поколѣніе горцевъ.

Въ тотъ-же вечеръ Ихъ Императорскія Величества вмѣстѣ съ Августѣйшими дѣтьми, посѣтили городскую ротонду, устроенную въ саду надъ самымъ Терекомъ. Какъ только смерклось, городъ загорѣлся опять блестящею иллюминаціею, но за сверкающею огнями желѣзной рѣшеткой сада царствовалъ пріятный полумракъ. Обширныя тѣнистыя аллеи были убраны матовыми шарами, которыя, распространяя слабый свѣтъ, едва освѣщали густыя толпы гуляющаго народа. Ротонда между тѣмъ наполнилась избраннымъ обществомъ. Большинство составляли офицеры кавказскихъ войскъ, «блеставшіе—какъ замѣчаетъ «Русскій странникъ»—особеннымъ

изяществомъ». «Очевидно—говорить онъ:—кавказскія традиціи живутъ и еще долго будутъ жить среди здѣшняго воинства, носящаго какой-то особенный, свойственный издавна Кавказу, высокопорядочный отпечатокъ». Между присутствующими рельефно выдѣлялось нѣсколько туземокъ, представительницъ различныхъ горскихъ племенъ. Здѣсь находились княгиня и княжна Атажукины, вдова генерала Анзорова, командовавшаго конвоемъ во времена Императора Николая Павловича, супруга драгунскаго подполковника Кусова, княгини и княжны Утьмѣвы, Хамзаева, Османова, Акушкова, Базоркина, Мальсагова, Бигаева, Касабіева и др. Всѣ онѣ были одѣты въ богатые національные костюмы: бархатные спенсоры, застегнутые длинными золотыми крючками, золотые пояса, широкіе, вышитые золотомъ, рукава, ниспадавшіе, почти до полу, и у княгинь короны изъ золотой парчи—все это придавало имъ особенно эффектный и величественный видъ.

Въ 9 часовъ вечера толпа заколыхалась. У воротъ загремѣло «ура» и понеслось вдоль аллеи по направленію къ ротондѣ. Воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній встрѣтили появленіе Ихъ Величествъ въ саду пѣніемъ «Слався, слався нашъ русскій Царь», подъ аккомпанименты своихъ оркестровъ; супруга городского головы поднесла Государышѣ букетъ изъ бѣлыхъ розъ въ серебряномъ порт-букетѣ, а городской голова, какъ хозяинъ города, привѣтствовалъ Ихъ Величества у самаго входа въ ротонду. Едва Государь, въ мундирѣ Петербургскаго драгунскаго полка, появился въ дверяхъ, какъ грянулъ хоръ музыки, составленный изъ офицеровъ-любителей отъ всѣхъ частей 2-го Кавказскаго корпуса. Царственные гости прослушали нѣсколько піесъ, обошли все помѣщеніе ротонды, купали чай, къ которому приглашены были нѣкоторыя дамы, а затѣмъ вышли на открытый балконъ и долго любовались прекрасно освѣщенными газонами сада, гдѣ яркими огненными буквами горѣла надпись: «Привѣтъ Владикавказа». Въ десятомъ часу спустился былъ фейерверкъ,

устроенный на одномъ изъ острововъ Терека. Благодаря тихой погодѣ, фейерверкъ шель блистательно, то озаряя въ глубокомъ мрачѣ недвижныя громады темныхъ горъ, составлявшихъ какъ-бы фонъ цѣлой картины, то дробясь безчисленными переливами въ волнахъ шумящаго Терека. Со множества станковъ безпрестанно взлетали снопы и букеты ракетъ и разсыпались мириадами звѣздочекъ — точно шель съ неба брилліантовый дождь. Особенно хороши были огненные декораціи, напр. три мельницы, между которыми были огненные водометы съ вертящимися колесами и летящими жаворонками, или декорація изъ римскихъ свѣчей, изображавшая арку съ воинскими доспѣхами, увѣнчанную двуглавымъ орломъ и съ надписью внутри: «Славься нашъ русскій Царь». Последнее отдѣленіе фейерверка закончилось вензелемъ Ихъ Величествъ, помѣщеннымъ между высокими колоннами, украшенными арматурой и обвитыми голубою лентой съ надписью: «Боже, Царя храни». Монументальный вензель вѣнчался гербомъ Россійской имперіи и былъ привѣтствованъ взрывомъ трехъ фугасныхъ ящиковъ съ шутихами и пчелками, и павильономъ изъ 1200 ракетъ. Во все это время оркестры учениковъ играли разныя піесы, и воспитанники пѣли патріотическія пѣсни. Народъ, окружавшій ротонду, любовался фейерверкомъ изъ сада и съ противоположнаго берега Терека.

Въ началѣ 11 часа Ихъ Величества, милостиво поблагодаривъ городского голову и его супругу за радушный пріемъ, возвратились во дворецъ. Городъ былъ залитъ огнями. Народъ, не сходявшій съ улицъ, ликовалъ и провожалъ Царя и Царицу восторженными криками. Въ это же самое время Государь Наслѣдникъ-Цесаревичъ изволилъ милостиво принять приглашеніе офицеровъ Кавказской драгунской дивизіи откупать солдатской хлѣба-соли на пути къ ихъ лагерю. Едва Цесаревичъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, сѣли въ экипажъ, какъ офицеры трехъ драгунскихъ

полковъ, расположенныхъ въ лагерѣ, явились на коняхъ и составили почетный эскортъ. За городомъ стояли конные драгуны съ зажженными факелами; по мѣрѣ проѣзда они присоединялись къ поѣзду и неслись за нимъ карьеромъ, представляя во мракѣ темной южной ночи фантастическое зрѣлище. Пѣхотный лагерь, мимо котораго пронесся поѣздъ, также горѣлъ огнями. На артиллерійскомъ полигонѣ, у особо разбитой палатки, коляска Цесаревича остановилась. Драгуны моментально сѣшлись и князь Амилахвари, какъ хозяинъ, принялъ царственныхъ гостей у входа въ палатку. Вслѣдъ за Цесаревичемъ прибыли Военный министръ, министръ Двора, генералъ-адъютанты: Рихтеръ, Черевинъ и Даниловичъ. Къ ужину собрались также всѣ представители отъ войскъ Владикавказскаго лагеря и всѣхъ азійскихъ племенъ: кабардинцевъ, кумыковъ, осетинъ, ингушей и чеченцевъ. Ужинъ былъ сервированъ запросто, по-походному: была форель, былъ пловъ, былъ шашлыкъ. Кавказскіе драгуны, счастливые вниманіемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, угощали ихъ по-кавказски — играли трубачи, пѣлись кавказскія пѣсни, была обычная «мравалжаміеръ», пѣвшаяся хоромъ, всѣми участниками пиршества, явилась завѣтная азарпеша Нижегородскаго полка, величиною съ добрую суповую чашу, отчеканенная въ память столѣтняго пребыванія полка на Кавказѣ, а за нею появились и турьи рога сѣверцевъ. Простое радушное угощеніе обратилось не въ офиціальныя приемы, а въ семейный праздникъ съ русскою открытою душою. Нечего говорить съ какими энтузіазмомъ, какими восторженными криками встрѣченны были тосты за Государя Императора, за Государыню Императрицу, за Цесаревича, за Великаго Князя Георгія Александровича, за всѣхъ высшихъ гостей, удостоившихъ драгунъ своимъ посѣщеніемъ. Цесаревичъ отвѣчалъ на это теплою задушевною рѣчью, полною глубокой искренности. «Сердечно благодарю васъ—сказалъ Онъ:—за вашъ радушный приемъ, оказанный Мнѣ и моему Брату. Счастливъ, что я нахожусь

на Кавказѣ, среди доблестныхъ драгунъ, пью за ваше здоровье и за ваше славное кавказское гостепріимство!»

Затѣмъ Цесаревичъ провозгласилъ тостъ за главноначальствующаго князя Дондукова-Корсакова, принятый долгимъ и восторженнымъ ура всѣхъ присутствующихъ. Потомъ за славныя войска Владикавказскаго лагеря и за представителей всѣхъ азійскихъ народностей. Военный министръ также сказалъ нѣсколько словъ, сопоставивъ громкіе боевые подвиги прошлаго съ прекраснымъ состояніемъ полковъ настоящаго. Графъ Воронцовъ-Дашковъ, дѣлившій съ нижегородцами хлѣбъ-соль еще въ кровавые дни кавказской войны, съ своей стороны обратился къ драгунамъ съ горячимъ привѣтствіемъ; генералъ Рихтеръ, тоже старый кавказецъ, поднялъ бокаль за обычай кучачества, изстари соединявшій на Кавказѣ войска въ одну общую семью, заставлявшій ихъ, и въ кровавыхъ бояхъ, и въ трудахъ суровыхъ походовъ, одинаково подавать другъ другу братскую помощь. Много произнесено было въ этотъ вечеръ прекрасныхъ рѣчей, тостовъ, сердечныхъ пожеланій. Мы ихъ не приводимъ, но они навсегда запечатлѣлись въ сердцахъ кавказскихъ драгунъ. Кавказскій вечеръ кончился, какъ и всегда, кавказскою лезгинкой. Въ два часа пополночи Высокіе гости отправились обратно въ городъ, сопровождаемые тѣмъ же офицерскимъ эскортомъ, тѣми же факелами и хорами драгунской музыки, встрѣчавшими на пути Ихъ Высочества.

На слѣдующій день Цесаревичъ, въ память этого вечера, прислалъ хозяину праздника генералъ-лейтенанту князю Амилахвари свой портретъ съ собственноручною подъ нимъ подписью «Николай—19-го сентября». Пройдутъ годы, но вечеръ 19-го сентября 1888 года никогда не изгладится въ сердцахъ кавказскихъ драгунъ.

На слѣдующій день, 20-го сентября, въ 9 съ 1/2 часовъ

утра, на небольшой площадкѣ передъ дворцомъ раскинулись огромные столы, вокругъ которыхъ размѣстились депутаціи отъ городовъ и обществъ Терской области и представители различныхъ азіятскихъ народностей. Хлѣбъ-соль подносятъ Государю жители городовъ: Кизляра, Моздока и Грознаго; за ними слѣдовали четыре русскія слободы—Воздвиженская, Хасавъ-Юртовская, Веденская и Шатоевская; далѣе шли представители Алагирскаго общества, затѣмъ крестьяне Кизлярскаго уѣзда, потомъ Едисейское армянское общество, моздокскіе хуторяне (черкесы и осетины), караногайцы, калмыки и, наконецъ, горскіе евреи. Съ особенными приношеніями стояли кабардинцы, осетины, ингуши, чеченцы и кумыки. При этихъ депутаціяхъ находились жалованныя знамена, а позади, въ конномъ строю, стояла милиція тѣхъ же народностей.

Тутъ же, возлѣ столовъ съ подарками, красивыми группами расположились почетные туземки въ своихъ шелковыхъ ярѣихъ костюмахъ, богатыхъ кружевами и вышивками по серебрянымъ или золоченымъ тканямъ.

Во главѣ кабардинской депутаціи находился генераль-майоръ Шипшевъ,—представитель одной изъ старѣйшихъ дворянскихъ фамилій Черкессіи. Въ минувшую войну онъ командовалъ казачьимъ полкомъ и заслужилъ георгіевскій крестъ. Изъ числа остальныхъ депутатовъ обращалъ на себя особое вниманіе сто-восмилѣтній старецъ Эль-Мурза Анзоровъ,—(другіе называютъ его Ерисрабовъ),—бывшій еще въ конвоѣ Ермолова; онъ явился одѣтый, какъ всегда, въ свой, знаменитый къ Кабардѣ, панцырь, который былъ на предкѣ его, Догужіи, въ то время, когда Грозный бралъ Астрахань; другое лицо—это Измаилъ Атажукинъ, внукъ Измаиль-бея, извѣстнаго героя Лермонтовской поэмы.

Кабардинцы подносятъ Государю хлѣбъ-соль на кругломъ низенькомъ кабардинскомъ столикѣ, на которомъ они обыкновенно обѣдаютъ; но столикъ этотъ весь покрытъ серебромъ и золотомъ; на немъ надпись: «Государю Императору отъ вѣр-

ныхъ кабардинскихъ племенъ», и затѣмъ названіе всѣхъ ауловъ Большой и Малой Кабарды. Солонка имѣетъ форму кабардинскаго чанака (деревянная, оправленная въ серебро чашка) изъ котораго пьютъ бульонъ. Кромѣ того кабардинцы подводятъ Государю двухъ коней: бѣлаго, завода Шелоха, и сѣраго завода—Хаулъ; одинъ изъ этихъ коней осѣдланъ черкескимъ сѣдломъ съ богатѣйшею золотою насѣчкой по слоновой кости.

Государынѣ Императрицѣ—полный костюмъ черкеской женщины, роскошно вышитый по бархату серебромъ и золотомъ.

Цесаревичу—пашку; клинокъ очень старый, принадлежавшій въ Кабардѣ, фамиліи Атажукиныхъ; кинжалъ съ древне-арабскимъ клинкомъ, поясъ съ приборомъ, натруска и кремневый пистолетъ каковой обыкновенно возили за поясомъ черкесы; кинжалный клинокъ замѣчательной древности; онъ выкованъ въ честь Искандера (Александра Македонскаго) и сохранялся въ Кабардѣ нѣсколько столѣтій; пистолетъ также фамильный, пережившій нѣсколько поколѣній узденей Анзоровыхъ; оправа на всемъ оружіи серебряная съ чистымъ золотомъ.

Великому Князю Георгію Александровичу—древняя дворянская пашка, булатная, принадлежавшая фамиліи Куденетовыхъ. Эти клинки обыкновенно употреблялись въ бояхъ противъ панцырниковъ.

Кромѣ того, кабардинцы подводятъ Цесаревичу и Великому князю Георгію Александровичу четырехъ лошадей, заводовъ: Атажукина, Наурузова, Лафишева и Шалварова. Горные кабардинцы подносятъ эльборусскій сыръ, выдѣлываемый въ горахъ заводомъ полковника Урусбіева.

Осегины также подносятъ хлѣбъ-соль на серебряномъ, вызолоченномъ подъ чернію столикѣ на высокихъ ножкахъ. По срединѣ стола вензель, а по сторонамъ слѣдующая надпись: «О, Великій и всеславный Царь Александръ III! Мы,

осетины, радуемся и благодаримъ Господа Бога за то, что онъ удостоилъ насъ увидѣть Тебя. Пусть всегда счастливо совершается Твой прїѣздъ къ намъ, а мы будемъ радушно Тебя принимать и съ хлѣбомъ-солью встрѣчать.»

Государынѣ Императрицѣ—башлыкъ, шитый золотомъ, и сукно на платье изъ нѣжнаго турьяго пуха, замѣчательной легкости: кусокъ въ 33 аршина вѣситъ не болѣе трехъ фунтовъ.

Наслѣднику Цесаревичу—сѣдло, обложенное слоновою костью съ золотою насѣчкой, пашку со стариннымъ клинкомъ, прїобрѣтенномъ въ Константинополѣ у одного изъ офицеровъ тѣлохранителей султана Азиса, кинжалъ съ поясомъ, натруску и хазыри—всѣ въ отдѣлкѣ кубачинской работы; затѣмъ черкеску изъ турьяго пуха и бешметъ изъ сѣрой легкой туземной матеріи.

Великому Князю Георгію Александровичу—башлыкъ изъ турьяго пуха, обложенный серебрянымъ, кованымъ галуномъ.

Небольшое Ингушевское общество, ближайшіе сосѣди Владикавказа, подносятъ Императору хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, а Императрицѣ массивный кованый поясъ, украшенный серебряными застежками филиграновой работы. На блюдѣ слѣдующая прекрасная арабская надпись:

«Да сохрани Богъ Царя нашего въ милости своей и силою своею огради Его могущество на всѣхъ путяхъ; умножи дни царства Его для совершенія великаго земнаго служенія во славу Бога и во благо народа Своего: намъ-же въ дни Его управленія даруй миръ и единеніе съ народомъ Державы великой.»

Жители Грозненскаго округа: Большая и Малая Чечня, качкалыкьовцы, ичкеринцы и жители Аргунскаго ущелья повергають къ стопамъ Его Величества хлѣбъ-соль, подносимую на деревянномъ блюдѣ, сдѣланномъ изъ чеченскаго ясеня и изяцно облаженномъ по краю серебромъ съ чернію. Кромѣ того, чеченцы подносятъ Государю—Императору ружье, пашку и бурку.

Государынѣ-Императрицѣ—бѣлую бурку съ башлыкомъ. Наслѣднику Цесаревичу—кинжалъ съ поясомъ. Великому Князю Георгію Александровичу—бурку.

Замѣчательно, что всѣ подносимые предметы работы исключительно туземныхъ мастеровъ, клинки кинжала и шапки выкованы въ Старо-Апалинскомъ аулѣ, издревле славившемся выдѣлкою холоднаго оружія; ружейный стволъ приготовлялся въ аулѣ Мискиръ-Юртѣ, серебряная оправа—въ Бачи-Юртѣ, бурки—работы извѣстнаго старорютовскаго мастера Ходы-Дзормотова. На шашечномъ клинкѣ, на ружьѣ и на блюдѣ слѣдующая надпись на арабскомъ языкѣ: «Великому Императору Александру III, по случаю посѣщенія Его Величествомъ Кавказа въ 1888 году отъ чистыхъ сердець, преисполненныхъ любовью, благоденствующаго подъ сѣнію Его Величества и обрадованнаго Его посѣщеніемъ подданнаго Ему чеченскаго народа.»

Наконецъ, кумыки, во главѣ которыхъ стоятъ князь Адиль-Хаджи-Хамзаевъ, одинъ изъ лучшихъ представителей древнѣйшей кумыкской аристократіи, и генераль-майоръ Али-Бекъ-Пензулаевъ—подносятъ хлѣбъ-соль на блюдѣ, представляющемъ собою также круглый азіатскій столикъ; столикъ этотъ желѣзный, подложенный массивнымъ серебромъ, а сверху по желѣзу отдѣланный необыкновенно изящно золотою насѣчкой и слоновою костью. Солонка обращаетъ на себя еще большее вниманіе: эта небольшая модель кумыкскаго домика, съ наружною галлереею, съ дверями и окнами. Крыша изъ слоновой кости кубачинской работы; когда она открывается видно внутреннее размѣщеніе комнатъ. Кромѣ хлѣба-соли, кумыки подносятъ Государю Императору бѣлую андійскую бурку.

Государынѣ—такую-же бѣлую бурку необычайной легкости, башлыкъ козьяго пуха, шитый золотомъ и азіатскій коверъ въ 8 аршинъ длины горской работы, отличающійся необыкновенною прочностію красокъ.

Наслѣднику-Цесаревичу—черную бурку и кинжалъ, от-

дѣланный кованымъ золотомъ.

Великому Князю Георгію Александровичу—пистолеть въ превосходной серебряной, вызолоченной оправѣ; стволъ замѣчательной древности, откованный изъ турецкаго булата.

Изъ блюдь, подносимыхъ городами и слободами, выдѣляются: моздокское эмалированное подь бирюзу, съ орломъ замѣняющимъ ручку, и кизлярское, украшенное вензелями и виноградною лозою прекрасной чеканки. Виноградная лоза — это атрибутъ мѣстной производительности, а потому и вмѣсто солонки у кизлярцевъ золоченная бочка на эмалированной подстановкѣ.

Рядъ этихъ подношеній заканчивался прекрасными моделями различныхъ кавказскихъ сооружений, сдѣланныхъ въ миниатюрѣ, но съ замѣчательною точностію во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ. Здѣсь увидите и древнія развалины грузинскихъ башенъ, и характерный стиль грузинскаго монастыря, и казачій постъ, и казачью вышку и кабардинскую саклю и проч. и проч. Вся эта талантливая, но чрезвычайно кропотливая работа исполнена подполковникомъ Вырубовымъ, начальникомъ Нальчикскаго округа и предназначена въ даръ Наслѣднику Цесаревичу.

Когда всѣ депутаціи заняли свои мѣста, Ихъ Величества съ Августѣйшими дѣтьми вышли изъ внутреннихъ покоевъ на площадь. Депутаціи поочередно подносили хлѣбъ-соль, привѣтствовали Императора короткими рѣчами. Старый кабардинецъ Эль-Мурза сказалъ при этомъ: «Мы были всегда вѣрными Тебѣ кабардинцами. Повелишь—и мы поголовно пойдѣмъ противъ враговъ Твоихъ.» Слова эти были переведены на русскій языкъ и переданы Государю генераль-маіоромъ Шипшевымъ. Его Величество поблагодарилъ старика, милостиво принявъ отъ всѣхъ подносимую хлѣбъ-соль и многихъ изъ представителей удостоилъ своими вопросами и разговорами.

По окончаніи приема депутацій, Ихъ Величества изво-

лили отправиться въ городъ для посѣщенія учебныхъ заведеній. Ихъ сопровождалъ попечитель Кавказскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Яновскій, съ которымъ Государь долго бесѣдовалъ о состоянїи и развитїи учебнаго дѣла на этой далекой азіатской окраинѣ. Счастливыя дѣти вездѣ встрѣчали и провожали Царственную Чету пѣніемъ народнаго гимна и вездѣ подносили подарки собственной работы.

Объѣздъ начался съ ремесленнаго училища графа Лорисъ-Меликова, куда собраны были ученики всѣхъ четырехъ городскихъ училищъ и Назрановской горской школы. Эта послѣдняя школа, гдѣ воспитываются дѣти ингушей, помѣщается въ 26 верстахъ отъ Владикавказа въ Назрановскомъ аулѣ; но желаніе родителей, чтобы дѣти ихъ увидѣли своего Государя, было такъ велико, что даже самые бѣднѣйшіе изъ нихъ, не пощадили издержекъ, принесли послѣднія лепты,— и школа явилась во Владикавказъ чисто и прекрасно одѣтою. У всѣхъ дѣтей, привыкшихъ ходить босиемъ и въ отропьяхъ, теперь были новыя чевяки, черныя черкески, бѣлыя бешметы и черныя папахи съ бѣлымъ суконнымъ верхомъ.

Поздоровавшись съ дѣтьми и обходя училище, Государь не разъ останавливался и внимательно разсматривалъ работы учениковъ, интересуясь болѣе всего практическою стороною ихъ дѣятельности. Результаты осмотра были прекрасныя. Государь благодарилъ смотрителя училища и милостиво соизволилъ принять приготовленные подарки:

Его Величеству было поднесено пресъ-папье въ видѣ желѣзной наковальни, укрѣпленной на натуральномъ березовомъ отрѣзкѣ.

Государынѣ Императрицѣ—корзина съ плодами изъ училищнаго сада.

Наслѣднику-Цесаревичу—наборъ слесарнаго инструмента, красиво уложенный въ дубовомъ ларцѣ, обитомъ внутри алымъ бархатомъ. Закрытый ларецъ представляетъ снаружи окно съ рѣзными украшеніями въ русскомъ стилѣ.

Великому Князю Георгію Александровичу—изящное рѣзное бюро для бумагъ и конвертовъ.

Послѣ ремесленнаго училища Ихъ Величества посѣтили классическую гимназію. Здѣсь поднесенъ былъ Государынѣ-Императрицѣ букетъ цвѣтовъ, а одинъ изъ учениковъ VIII класса, Беме, прочелъ привѣтственное стихотвореніе:

Тебя, земли родной Царица,
Россіи вѣрные сыны,
Встрѣчаемъ всѣ мы здѣсь съ любовью
Подъ сѣнью мирной тишины.
Ты здѣсь дѣтей своихъ все видишь,
Для всѣхъ Ты любящая мать,
И за Тебя, Царицу нашу,
Мы кровь готовы проливать.
Питомцы классиковъ-поэтовъ,
Мы научились отъ нихъ,
Какъ надо намъ любить отчизну
И какъ любить Царей своихъ.
Царица, вспомни лишь о насъ,
Когда Россіи нужно будетъ—
И всѣ мы явимся не медля
На Твой призывный Царскій гласъ.
Мы станемъ грудью за Россію,
Мы постоимъ за Твой Престоль,
Чтобъ вѣчно властвовалъ надъ міромъ
Россіи царственный орель.

Государыня подала молодому человѣку руку, а Государь, обласкавъ юношу, распросилъ директора объ общественномъ и служебномъ положеніи его отца.

Далѣе, посѣщено было реальное училище, гдѣ Императрицу привѣтствовалъ отъ лица своихъ юныхъ товарищей ученикъ 1-го класса Писаревъ, который, поднеся Ея Величеству букетъ изъ свѣтло-алыхъ розъ, перевитый такими же лентами, произнесъ: «Примите, Ваше Императорское Величество

эти цвѣты отъ нашихъ чистыхъ дѣтскихъ сердець.»

Какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующемъ заведеніи—военной прогимназіи, Государь и Государыня слушали оркестры, составленные изъ воспитанниковъ, которые прекрасно исполнили народный гимнъ и нѣсколько піесъ. При входѣ въ огромный залъ военной прогимназіи, съ прекрасно драпированнымъ царскимъ портретомъ, подъ которымъ большими золотыми буквами горѣла надпись: «Россія вся у ногъ Твоихъ,»—Императрица была привѣтствована двумя воспитанниками: Жариновымъ и Галгинскимъ, поднесшимъ Ея Величеству букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

Прогимназія помѣщается въ зданіи бывшаго Главнаго штаба, обращеннаго фасадомъ на бульварную площадь, гдѣ стоитъ памятникъ Архипу Осипову и капитану Лико. Этотъ памятникъ составляетъ одну изъ достопримѣчательностей Владикавказа. Подвигъ Архипа Осипова, заключавшійся въ томъ, что гдѣ-то, тамъ, въ безвѣстномъ уголкѣ міра, вѣрный высокому чувству долга, русскій солдатъ, безъ мысли о славѣ и наградѣ, выказалъ дивныя черты самопожертвованія,—извѣстенъ цѣлой Россіи; но можетъ быть не всѣмъ извѣстно, что мысль, въ лицѣ Архипа Осипова, поставить памятникъ всему кавказскому воинству, въ теченіи столькихъ вѣковъ свято охранявшему честь и достоинство Россіи,—соорудить его въ назиданіе другимъ поколѣніямъ и народамъ, принадлежала извѣстному герою кавказкой войны генералъ-лейтенанту Василю Александровичу Гейману, высказавшему ее въ первый разъ на полковомъ праздникѣ Тенгинскаго полка 29 іюня 1873 года. Всѣ присутствующіе откликнулись тогда съ полнымъ сочувствіемъ на этотъ призывъ, и лепты цѣлой Россіи стали стекаться сюда на дѣло близкое и дорогое для русскаго сердца.

Сперва предполагалось поставить памятникъ въ самой Москвѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, дабы наибольшее число русскихъ людей могло ознакомиться съ подвигомъ самоотверже-

ня русскаго солдата. Но мысль эта не перешла, однакоже, въ дѣло, и 22 октября 1881 года памятникъ поставленъ во Владикавказѣ, въ виду Кавказскихъ горъ, которыя сами по себѣ уже — исполинскій памятникъ русскому самопожертвованію.

По мысли художника, составлявшаго первоначальный рисунокъ монумента, знаменитый герой былъ представленъ съ фидилемъ въ правой рукѣ, а лѣвою — поддерживающимъ умирающаго штабсъ-капитана Лико. На четырехъ барельефахъ, окружающихъ пьедесталь, изображались слѣдующія сцены: на первомъ — отецъ Осипова, благословляющій сына на службу Царю и отечеству; на второмъ — Архипъ Осиповъ вызывается поджечь пороховой погребъ; на третьемъ — штурмъ Михайловскаго укрѣпленія, и на четвертомъ — послѣдній моментъ передъ взрывомъ. Съ лицевой стороны памятника должна была красоваться надпись: «Братцы! помните мое дѣло,» а ниже: «штабсъ-капитану Черноморскаго линейнаго № 5 баталіона Николаю Лико и рядовому Тенгинскаго пѣхотнаго полка Архипу Осипову.» Самый пьедесталь предполагалось воздвигнуть изъ сѣраго гранита, а всѣ фигуры и детальныя части отлить изъ мѣди персидскихъ пушекъ. Нельзя не пожалѣть, что этотъ прекрасный рисунокъ впоследствии былъ измѣненъ, и измѣненъ далеко не къ лучшему. Настоящій памятникъ представляетъ собою пирамиду изъ сѣро-синяго мрамора, на вершинѣ которой бронзовый одноглавый орелъ. Въ памятникъ съ одной стороны вдѣланъ образъ Спасителя; съ другой — бронзовая доска съ Высочайшимъ приказомъ, въ которомъ разсказывается подвигъ Архипа Осипова, съ третьей надпись: «штабсъ-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову,» съ четвертой: — «погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи.»

Мимо этого памятника Ихъ Величества проѣхали въ Ольгинскую женскую гимназію, гдѣ собраны были также и всѣ ученицы городского училища. Здѣсь воспитанница VI класса Ольга Добровольская поднесла Государынѣ букетъ изъ

бѣлыхъ розъ въ красивомъ порт-буке и прочла слѣдующее привѣтственное стихотвореніе:

Ты посѣтилъ насъ гость Державный.
 Нашъ Царь могучій, нашъ Отецъ;
 Тебя привѣтствуемъ, Желанный,
 Отъ глубины своихъ сердецъ!
 Къ Тебѣ съ любовью безконечной
 Стремятся русскія сердца;
 Ты на Престолѣ съ славой вѣчной
 Сидишь въ сіяніи вѣнца.
 Лучами Божьей благодати
 Твой умъ всегда былъ вдохновенъ;
 Величемъ и бессмертьемъ славнымъ
 Твой царскій трудъ запечатленъ.
 Своею твердою рукой
 Ты мощно къ славѣ Русь ведешь,
 Свободу, счастье и покой
 Съ собой повсюду Ты несешь.
 Надежда, гордость и твердыня
 Ты для російскихъ всѣхъ племенъ
 Твой гений—вѣчная святыня
 Для соплеменныхъ намъ славянъ.
 И Ты, Царица дорогая,
 Вѣнецъ Свой съ славою несешь;
 На путь добра всѣхъ направляя,
 Ты счастье поданнымъ даешь.
 Продли же жизнь Царя, о Боже,
 Со всей семьей на много лѣтъ,
 Чтобы отъ внуковъ нашихъ тотъ же
 Монархъ услышалъ бы привѣтъ.

Затѣмъ дѣвицы: Татлина, Руднева, Сапронова, Капацинская и Цеге-Фонъ-Мантейфель поднесли Августѣйшимъ гостямъ подарки:

Государю Императору—экранъ изъ бѣлаго атласа съ вен-

зелемъ и короной, вышитыми золотомъ; вокругъ вензеля гирлянда, рисованная масляными красками одной изъ ученицъ гимназіи. Рама къ экрану—работа учителя Крейча, исполненная по рисунку Федорова.

Государынѣ-Императрицѣ—скатерть, вышитая въ гладь по батистовымъ и филейнымъ квадратамъ.

Наслѣднику-Цесаревичу—портреты Ихъ Величествъ, рисованные карандашемъ ученицами гимназій.

Великому Князю Георгію Александровичу—корзина для бумагъ, исполненная по атласу тоже ученицами.

Такими же точно подарками, приготовленными руками воспитанницъ, встрѣтила Августѣйшихъ гостей и Осетинская женская школа, которою Ихъ Величества и закончили осмотръ учебныхъ заведеній. Здѣсь были поднесены:

Государю Императору—подушка шитая золотомъ.

Императрицѣ—башлыкъ осетинской работы.

Цесаревичу—кобуръ для револьвера, шитый по бархату золотомъ.

Великому Князю Георгію Александровичу—осетинская золотая тесьма для натруски.

Остается добавить, что объѣзжая учебныя заведенія, Государь Императоръ, на пути изъ ремесленной школы въ классическую гимназію, посѣтилъ братство св. Троицы, основанное по мысли почтеннаго законоучителя Владикавказскаго реальнаго училища протоіерея Мамацева, много потрудившагося надъ укрѣпленіемъ въ народѣ чувствъ благочестія и неизмѣнной преданности Царямъ—хранителямъ на землѣ Божественной Церкви. Братство это, основанное два-три года тому назадъ съ благословенія Экзарха Павла, настойчиво идетъ къ своимъ заповѣднымъ цѣлямъ. Его задача—примѣненіе высокихъ религіозныхъ началъ къ обыденной жизни, къ взаимнымъ отношеніямъ между собою людей, искорененіе вредныхъ суевѣрій и предразсудковъ, противоборство расколу.

При входѣ въ молитвенный домъ, Ихъ Величества встрѣ-

чены были церковнымъ старостою, купцомъ Андреевымъ, который, поднося хлѣбъ-соль на кипарисномъ блюдѣ, привѣтствовалъ Высокихъ посѣтителей слѣдующими словами: «братство, передъ храмомъ Царя небснаго, привѣтствуетъ своего Царя земнаго и матушку Царицу русскимъ преданнымъ сердцемъ и русскимъ хлѣбомъ-солью». Тутъ-же супруга учредителя братства А. И. Мамацева поднесла Государынѣ букетъ изъ свѣжихъ розъ.

Далѣе, въ предверіи храма, Ихъ Величества встрѣчены были самымъ протоіереемъ Мамацевымъ съ крестомъ и св. водою. «Въ семь молитвенномъ святилищѣ Живоначалной Троицы—сказалъ онъ:—воздвигнутомъ трудами и усердіемъ братіи нашей для поддержанія православія и христіанскаго благочестія въ народѣ, для развитія и укрѣпленія высокаго уваженія и преданности до самопожертвованія къ Царскому Престолу и къ членамъ Царствующаго Дома, — въ чемъ да поможетъ намъ Всесвятая Троица—привѣтствуемъ Тебя Великій Государь съ Августѣйшимъ семействомъ Твоимъ, въ чувствахъ восторженной радости, съ благополучнымъ прибытіемъ и пребываніемъ здѣсь. Свидѣтельствуемъ Тебѣ чувства нашей безграничной любви и неизмѣнной вѣрности, и молимъ Вседержителя укрѣпить Престоль Твой въ роды родовъ; непоколебимо, на страхъ врагамъ Престола, утвердить державу Твою надъ народами земли, и на многіе, продолжительныя годы славою и честію возвеличить Твое мудрое царствованіе надъ нами на счастье и благоденствіе вѣрнооданныхъ Твоихъ, число которыхъ да умножится въ тьмы темъ на защиту Царя и Престола, на огражденіе Церкви и отечества. И да пребудетъ надъ Тобою, всемилостивѣйшій Государь, и надъ возлюбленнымъ Царственнымъ семействомъ Твоимъ охраняющая благодать Господа нашего Иисуса Христа, ободряющая и согрѣвающая любовь небснаго Бога-Отца, и спасающая сила Святаго Духа всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ».

Всѣ присутствующіе, по обычаю братства, пропѣли,

«Аминь,» и затѣмъ подѣ общее пѣніе «Спаси Господи люди твоя,» Царственная семья вступила въ храмъ Живоначальной Троицы. Затѣмъ, послѣ краткаго молебствія, учредитель братства поднесъ Государю Императору книгу въ бархатномъ переплетѣ, заключающую въ себѣ краткія свѣдѣнія о дѣятельности братства, и въ золоченой рамѣ видѣ молитвеннаго дома. «Не призири, Всемилостивѣйшій Государь — сказалъ онъ: — сіе малое приношеніе наше и прими его съ обычнымъ Царскимъ снисхожденіемъ, какъ свидѣтельство нашего добровольнаго по сильнаго служенія священнымъ интересамъ Церкви и Престола».

«И Ты Царица, возлюбленная наша Государыня, — продолжалъ онъ: — не отвергни сего скромнаго дара братскаго и не лиши насъ въ дальнѣйшихъ трудахъ нашихъ Своего высокаго материнскаго сочувствія».

Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Георгію Александровичу поднесены были въ бархатныхъ переплетахъ краткія свѣдѣнія о братствѣ.

Государь и Государыня милостиво благодарили учредителя братства за его труды и удостоили приглашенія къ своему обѣденному столу.

Между тѣмъ, на дворцовой площади, подѣ яркими лучами полуденнаго солнца, шель оживленный обѣдъ, на которомъ присутствовало до 1400 человекъ. Это Терское войско угощало кавказскихъ депутатовъ и своихъ стариковъ, собравшихся по случаю приѣзда Государя. Огромные столы были уставлены деревянными вызолоченными блюдами, на которыхъ красовались цѣликомъ зажаренные бараны, горы пшеничныхъ лепешекъ, фрукты, виноградъ и цѣлыя ведра съ чихиремъ и водкой. Нѣсколько въ сторонѣ, подѣ красивымъ шатромъ, раскинутомъ на высокихъ мачтахъ, обѣдало до двухъ сотъ офицеровъ и наиболѣе почетныхъ представителей горскихъ народовъ. Здѣсь обѣдъ подавался уже по карточкѣ, изыщно отпечатанной для каждаго прибора и состоялъ изъ слѣдующихъ блюдъ:

- 1) Супъ терскихъ казаковъ.
(Кулебяка съ вязигой и цыплятами)
- 2) Дичь Терской области.
- 3) Торть казачьихъ войскъ.
- 4) Фрукты.

Въ половинѣ перваго часа на площади показался экипажъ Ихъ Величествъ, возвращавшихся съ осмотра учебныхъ заведеній. Всѣ головы мгновенно обнажились, и всѣ, какъ одинъ человекъ, грянули «ура» Государь отвѣчалъ привѣтливомъ поклономъ, и Царская семья удалилась во дворецъ, гдѣ къ этому времени былъ уже сервированъ завтракъ.

Обѣдъ продолжался. И вотъ, въ самый разгаръ этой величественной народной трапезы, ровно въ часъ пополудни, на подъѣздѣ дворца показались Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи своихъ Августѣйшихъ дѣтей. Всѣ почтительно встали, Государь пригласилъ всѣхъ садиться, и вмѣстѣ съ Императрицей, обходилъ столы, бесѣдуя со стариками и вспоминая прошлыхъ героевъ Кавказа. Тостъ, провозглашенный княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ «за здоровье Государя-Императора и Государыни-Императрицы отъ имени народовъ Сѣвернаго Кавказа,» былъ принятъ съ энтузіазмомъ. Столѣтній кабардинецъ Эль-Мурза, закованный въ свою кольчугу, продвинулся впередъ и произнесъ торжественно. «Да будетъ, Государь, Ваше царствованіе славно, и да перейдетъ имя Ваше въ потомство.» Государь пилъ за здоровье каждаго племени отдѣльно. Государыня также откушала мѣстнаго чихирю изъ поднесеннаго ей кубка. Затѣмъ представитель Терскаго войска, генераль Смѣкаловъ, провозгласилъ тостъ «за здоровье Августѣйшаго атамана!»—на что Его Высочество, поднявъ бокаль, отвѣчалъ: «пью за здоровье Моихъ славныхъ казаковъ». Когда Ихъ Величества приблизились къ казачьимъ столамъ, старая казачка съ низкимъ поклономъ поднесла Имъ кружку «родительскаго»; это—старый, лучшій чихирь, сберегаемый гребенцами про торжественные случаи. Государь ми-

лостиво принялъ и осушилъ казацкую чару, во славу Терскаго войска. Болѣе получаса Государь оставался на площади, среди пирующаго народа и, возвращаясь во дворецъ, громко произнесъ: «Прощайте! еще разъ благодарю васъ всею душою за радушный приемъ и хлѣбъ-соль».

Въ два съ половиною часа пополудни, Императрица отправилась вмѣстѣ съ Августѣйшими дѣтьми и небольшою свитой на прогулку по Военно-Грузинской дорогѣ, чтобы ближе познакомиться съ грозно-величественною природою Кавказа. Она проѣхала красивую Балту, живописный Ларсѣ, слышала могучій ревъ Терека, видѣла мрачное Дарьяльское ущелье, съ его гранитными скалами и поэтическою балней Тамары, переправилась черезъ Бѣшеную балку и любовалась деревнею Казбековъ съ готическою церковью, съ княжескимъ домомъ, такъ живо напоминающимъ своими бойницами и башнями рыцарскіе, феодальные замки старой Европы. Къ сожалѣнію, погода испортилась; шелъ мелкій дождь, было туманно; и владикавказцы искренно огорчались, что Императрица, быть можетъ, не увидитъ Казбека, окутаннаго мглою. Но тучи проходили стороною. Въ горахъ было пасмурно, — но тѣмъ рельефнѣе на темномъ фонѣ несущихся облаковъ выдѣлялась бѣлая шапка Казбека, и тѣмъ поразительнѣе являлось чудное зрѣлище монастыря, уединенно стоящаго на одномъ изъ утесовъ, подъ самымъ рубежомъ вѣчнаго снѣга.

У станціи Казбекъ, почти у подножія исполинской горы, Императрицу ожидала толпа народа, собравшагося съ окрестныхъ ауловъ. Императрица привѣтствовала всѣхъ съ тою чарующею лаской, которая привлекаетъ къ ней сердца и души людей, и, затѣмъ, обойдя красиво убранную станцію, долго любовалась съ открытой галереи очаровательнымъ видомъ на горы и окрестность.

Между тѣмъ сумерки приближались быстро. По дорогѣ во многихъ мѣстахъ вспыхнули смоляныя бочки; казачій конвой также зажегъ факелы, и при фантастическомъ свѣ-

тѣ ихъ, озарявшемъ угрюмыя скалы, Императорскій поѣздъ выѣхалъ со станціи. Въ 9 часовъ вечера колокольный звонъ съ городскихъ церквей и крики «Ура!» извѣстили народъ о возвращеніи Императрицы. Отъ Тенгинскаго лагеря поѣздъ сопровождали всѣ драгунскіе офицеры, имѣя во главѣ начальника дивизіи князя Амилахвари. По дорогѣ разставлены были хоры трубачей, встрѣчавшіе Императрицу народнымъ гимномъ.

Открытая коляска Ея, окруженная эскортомъ офицеровъ, драгунъ и казаковъ, скакавшихъ по сторонамъ съ зажженными факелами, быстро пронеслась по улицамъ города и остановилась передъ дворцомъ. Съ прибытіемъ Императрицы начался поздній царскій обѣдъ.

А тѣмъ временемъ, на площади, гдѣ происходилъ приемъ депутацій, уже началось народное гулянье. Праздникъ удался вполнѣ. Ночь была тихая, но темная; по временамъ накрапывалъ дождь. Тысячи огней въ шкаликахъ и цвѣтные бумажные фонари обрамляли площадь или, перекинутые на деревьяхъ, висѣли гирляндами въ воздухѣ. Маленькіе казачата съ большими круглыми фонарями на длинныхъ пестяхъ сновали по площади, и издали казалось, что эти шары сами плывутъ и движутся на темномъ фонѣ ночи, что имѣло очень эффектный видъ и, по словамъ «Русскаго странника» напоминало собою венеціанскій карнавалъ. Съ приѣздомъ Императрицы гулянье оживилось еще болѣе. Съ двухъ сторонъ на двухъ гребенскихъ арбахъ, запряженныхъ огромными буйволами, ввезли на площадь сорока-ведерныя бочки съ чихиремъ и поставили ихъ подъ деревьями; сюда же вынесли изъ атаманскаго дома завѣтные серебряные ковши, жалованные когда-то войску русскими Царицами,—и эти ковши, переданные народу, пошли ходить изъ рукъ въ руки. Масса разнороднаго люда, наполнявшаго площадь, столпилась возлѣ бочекъ и складныхъ столовъ съ медовыми пряниками, съ сѣмечками и другими лакомствами. И надъ всею этою разноха-

рактерною, пестрою толпою, — поистинѣ достойной кисти художника, то и дѣло взлетали ракеты, рассыпавшіяся по небу блестящими звѣздочками; по временамъ вся площадь ярко освѣщалась бенгальскимъ огнемъ, и тогда фантастическими красками окрашивались и купы деревьевъ и группы гуляющихъ. Нѣсколько хоровъ музыки играло на эстрадахъ; нѣсколько хоровъ пѣсенниковъ пѣло старья, и бытовья, и казачкія пѣсни. Казачки водили хороводы, а кругомъ шла, и русская пляска, и разудалый казачокъ и граціозная лезгинка...

Праздникъ разгорался все болѣе и болѣе. И вдругъ на площади загудѣло «Ура», на минуту остановившее праздничное движеніе. Съ параднаго крыльца сходилъ Государь вмѣстѣ съ Государыней и Августѣйшими дѣтьми, направляясь прямо къ ликующему народу. Толпа хлынула и мгновенно обступила Царя и Царицу, ловила ихъ руки цѣловала ихъ платье. Народный восторгъ достигъ своего апогея; многие плакали. Государь, медленно подвигаясь въ толпѣ и переходя отъ одной группы къ другой, остановился у казачьяго хора. Казаки превосходно исполнили народный гимнъ, и Государь выразилъ свое особенное удовольствіе по поводу того, что въ станицахъ устроены такіе прекрасные церковные хоры. За тѣмъ моздокскіе казаки пропѣли атаманскую пѣсню: «Съ краевъ полуночи», сунженцы — «Вѣнценосецъ нашъ Державный». Эту пѣсню, сложенную казаками по случаю настоящаго Царскаго пріѣзда, народъ заставлялъ повторять нѣсколько разъ.

Вотъ что пѣли сунженцы:

Вѣнценосецъ нашъ Державный,
Мы спѣшимъ къ Тебѣ съ мольбой
И къ Престолу предковъ славныхъ
Всѣ съ покорной головой.

Молимъ: въ трудную годину
Нашей родины святой,
Да хранить Тебя Создатель

Подъ десницею своей.

И поможетъ со врагами
Разсчитаться, какъ и встарь,
Чтобъ не смѣли спорить съ Вами,
Православный Государь.

Повели, мы всѣ готовы
Лечь за родину костью,
И по-русски разсчитаться
Съ иностранцами гостями.

Смѣло, дружно, съ вѣрой въ Бога
На враговъ своихъ пойдемъ;
Нашу жизнь и достоянье
Въ даръ отчизнѣ принесемъ.

Ты же Царь, намъ Богомъ данный,
Нашу Сунжу посѣти,
И съ Собою Атамана
Молодого привези;

Пусть Онъ терцевъ самъ узнаетъ
Закаленные сердца,
И что любятъ, обожаютъ
Сына также, какъ Отца.

Отсюда Государь прошелъ къ хороводамъ гребенскихъ казачекъ, которые слѣли старинную пѣсню «Царю-батюшкѣ», а затѣмъ, съ разрушенія Государя, не хотѣвшаго нарушить древнѣйшій обычай, подыали и качали на рукахъ своего Августѣйшаго атамана. Въ этомъ-то оживленномъ, ликующемъ казацкомъ кругу, гдѣ не было и тѣни какого нибудь этикета, гдѣ искреннія чувства выражались съ такимъ наивнымъ простодушіемъ, войсковою наказный атаманъ князь Дондуковъ провозгласилъ тостъ: «за драгоцѣнное здоровье Ихъ Императорскихъ Величествъ, осчастливившихъ насъ своимъ посѣщеніемъ.» Государь принялъ тостъ и выпилъ за здоровье казачества ковшъ казачьяго чихиря, поднесенный ему наказнымъ атаманомъ вмѣстѣ съ заслуженными войсковыми офицерами. Такіе же

ковши, наполненные до краевъ, были поднесены Цесаревичу и Великому Князю Георгію Александровичу. Ура уже не гремѣло; оно стояло надъ площадью однимъ общимъ гуломъ, словно голоса людей пронеслись, да такъ и замерли въ воздухѣ.

Народнымъ праздникомъ, —праздникомъ въ высшемъ и въ лучшемъ значеніи этого слова, закончилось пребываніе Государя во Владикавказѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа ночи Ихъ Величества въ открытыхъ экипажахъ, среди моря огня, заливавшего улицы и при восторженныхъ крикахъ народа, напутствованнаго ихъ сердечными пожеланіями, выѣхали изъ Владикавказа. Городъ осиротѣлъ; но память о счастливыхъ дняхъ пребыванія Царской семьи никогда не изгладится изъ памяти владикавказцевъ и будетъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе. И нагляднымъ выразителемъ этой памяти будетъ служить тотъ кіоскъ-павильонъ, изъ котораго Императрица смотрѣла на войска Владикавказскаго лагеря. Павильонъ этотъ, сооруженный средствами самихъ полковъ, подаренъ городу, и городская дума въ торжественномъ засѣданіи 8 октября опредѣлила поставить его на соборной площади, рядомъ съ фонтаномъ, и хранить, какъ драгоценную память пребыванія во Владикавказѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Въ то же время, въ память посѣщенія Императорской Четы братскаго молитвеннаго дома, по мысли учредителя этого братства протоіерея Мамацева, сооружены серебряныя хоругви, съ изображеніемъ на нихъ соименныхъ святыхъ Александра и Маріи, и дневныхъ угодниковъ, празднуемыхъ 20 сентября.

Но не въ одномъ Владикавказѣ, —эти единодушныя горячія чувства обитателей Терской области одинаково высказались въ самыхъ глухихъ уголкахъ ея, лишенныхъ радости, по своему отдаленному положенію отъ линіи желѣзной дороги, увидѣть Монарха. По всѣмъ городамъ, станицамъ и селамъ служились молебствія съ колѣнопреклоненіями, и вездѣ

устраиались народныя чествованія тѣхъ достопамятныхъ дней, въ которые Царская семья пребывала на берегахъ родного имъ Терека. Вотъ двѣ телеграммы, полученныя наказнымъ атаманомъ во Владикавказѣ 20 сентября, въ самый день народнаго казачьяго праздника, и свидѣтельствующіе о томъ строеніи, которымъ было проникнуто все Терское войско.

«Жители станицы Екатериноградской—сказано въ одной изъ нихъ:—счастливые путешествіемъ Ихъ Величествъ по Пятигорскому отдѣлу и ласковымъ, отеческимъ, царственнымъ вниманіемъ къ нашимъ дѣтямъ-ученикамъ, совершили сегодня благодарственное молебствіе Господу Богу въ храмѣ, сооруженномъ щедротами въ Бозѣ почившихъ Императрицы Екатерины Второй и Императора Николая Павловича и вознесли горячія молитвы о продленіи драгоцѣнной жизни пмѣ царствующихъ Государя и Государыни и просятъ повергнуть къ священнымъ стопамъ Ихъ Величествъ вѣрноподданническія чувства безпредѣльной сыновней преданности Престолу и отечеству.

«Въ ознаменованіи же посѣщенія Ихъ Величествами терскихъ казаковъ сооружаемъ кѣты тѣмъ иконамъ нашей приходской церкви, которымъ молились почившіе Царственные предки.»

Другая телеграмма изъ станицы Государственной.

«Совершивъ торжественное съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе Господу Богу о здравіи и долголетствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Государя-Наслѣдника, по случаю посѣщенія Ими Кавказа и благополучнаго прибытія въ Терскую область,—просимъ повергнуть къ стопамъ Ихъ Величествъ безпредѣльную преданность нашу и вѣрноподданническія чувства наши съ пожеланіями: да хранитъ Господь Ихъ Величества на царствѣ своемъ, да даруетъ Имъ здравіе и сердечную радость, да подастъ успѣхъ во всѣхъ Ихъ благихъ начинаніяхъ на счастье и славу матушки Россіи, и да сокрушитъ Господь гордыню враговъ ея.»

Кромѣ этихъ двухъ телеграммъ, прислано было еще стихотвореніе, написанное казакомъ Иваномъ Неткачевымъ и озаглавленное «Привѣтъ терскихъ казаковъ.»

Ура, Царю Владыкѣ трона!

Ура, и Царственной семьѣ!

Ура, Хранителю закона,

И всей родимой сторонѣ!

Прими Царь-батюшка отъ терца,

Въ избыткѣ вѣры и любви,

Ура! отъ искренняго сердца,

И духъ нашъ лаской оживи.

Мы шлемъ привѣтъ Тебѣ глубокой—

Что удостоилъ посѣтить

Съ Своей семьей нашъ край далекой—

И эти дни мы будемъ чтить.

Прими завѣтъ нашъ вѣковѣчный,—

Наслѣдье доблестныхъ отцовъ:

Служить Царю и Богу вѣчно—

Удѣлъ счастливыхъ казаковъ.

Мы вѣримъ, Царь, что Вседержитель

Былъ, есть одинъ всегда, вездѣ

И Всероссійскій Повелитель

Одинъ быть долженъ на землѣ.

Скажи намъ, Царь, одно лишь слово,

И мы старъ-младъ изъ казаковъ,

Какъ въ дни былые, грудью снова

Пойдемъ повсюду на враговъ.

Не отстали въ выраженіи своихъ чувствъ и депутаты нѣкоторыхъ горскихъ народовъ. Посѣщеніе Государемъ Кавказа произвело на нихъ глубокое впечатлѣніе и выдвинуло наружу тѣ затаенныя стремленія, которымъ, быть можетъ, долго бы было суждено еще таиться подъ спудомъ. Эти чувства и эти стремленія открыто выразились у кабардинцевъ и другихъ горскихъ обществъ Нальчикскаго округа на торжествен-

номъ обѣдѣ, который былъ устроенъ ими 22 сентября въ саду коммерческаго клуба, въ честь начальника области генераль-лейтенанта Смѣкалова. Здѣсь, среди обмѣна пережитыхъ каждымъ въ эти дни впечатлѣній, произнесенъ былъ знаменательный тостъ со стороны хозяевъ и гостей за то, чтобы «рѣка Баксанъ, какъ изстари, стремилась бы къ рѣкѣ Москвѣ и сливалась съ нею въ одно теченіе мирной русской жизни и культурныхъ успѣховъ.»

21-го сентября Царскій поѣздъ прибылъ на Невинномысскую станцію и здѣсь встрѣченъ былъ наказнымъ атаманомъ Кубанскаго казачьяго войска генераль-лейтенантомъ Леоновымъ. Отсюда началась уже Кубанская область.

III.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

Отъ Тихорѣцкой станціи (третья за Кавказскою станцією) Императорскій поѣздъ свернулъ съ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги на новую, только что открытую, Новороссійскую вѣтвь. Отсюда до Екатеринодара—главнаго войсковаго города кубанскихъ казаковъ, считается 127 верстъ.

Тотчасъ за поворотомъ дороги васъ поражаетъ уже иная растительность: голая, выжженная солнцемъ степи замѣняются свѣжею зеленью и кучами деревьевъ, превращающихся мало-по-малу въ рощи и цѣлые лѣса. Погода стояла жаркая. Послѣ дождливой ночи, съ громомъ и непрерывною молніею, утро наступило прекрасное, и къ полудню солнце жгло уже нестерпимымъ образомъ. По сторонамъ быстро несущагося поѣзда поминутно мелькали, то казачьи станицы, то обработанныя поля, то дубовыя рощи, то небольшія рѣчки въ низменныхъ, болотистыхъ берегахъ, заросшихъ сожженными камышами.

Но вотъ и Екатеринодаръ—послѣдній памятникъ Запорожской сѣчи, той заповѣдной, заманчивой сѣчи, откуда разливались воля и казачество на цѣлую Украйну.

Еще въ концѣ XVIII вѣка, именно въ 1792 году, когда стародавній рядъ казацкихъ поселеній шелъ только по Тереку, едва достигая верховій Кумы, на нижнюю Кубань пришло и осѣло новое казацкое войско, совсѣмъ не похожее на тѣ, что сидѣли на Терекѣ. Новые казаки ходили съ длинными, опущенными къ низу, усами, брили головы и лихо закручивали за ухо свой осѣдець. Альѣ, по-запорожски червонный, кунтушъ, широчайшія шаровары, красные сапоги, высокія шапки изъ черныхъ смушекъ съ красною тульею, и длинная—предлинная пика, которой только и было простору, что въ днѣпровскихъ степяхъ,—составляли ихъ повседневный нарядъ и вооруженіе. Это были остатки Запорожья, послѣдніе сѣчевики, собравшіеся на призывъ Государыни служить подъ именемъ Черноморскаго войска по старому казацкому уряду, но только не на старомъ, излюбленномъ мѣстѣ,—замиранный Днѣпръ не нуждался уже болѣе въ казачествѣ.

Съ тѣхъ поръ 68 лѣтъ стояло Черноморское войско живою изгородью на рубежѣ Россіи и, отстаивая Кубань, какъ отстаивало свои днѣпровскія степи, слилось наконецъ въ шестидесятомъ году съ право-фланговыми линейными казачьими полками, съ которыми соединяло его тождественность стратегическаго положенія и одинаковость условий домашняго быта и службы. Такимъ образомъ составилось нынѣшнее Кубанское войско, сочетавшее въ себѣ два чудныя качества: упорство и стойкость черноморскаго казака, съ проворствомъ и удалью казака линейскаго. Войсковымъ городомъ остался Екатеринодарь.

Основанный за сто лѣтъ до нашего времени при Карасунскомъ Кутѣ «ради войсковой резиденціи», городъ этотъ долго стоялъ особнякомъ отъ другихъ городовъ, какъ-бы оправдывая свой историческій гербъ, символы котораго только и знаменовали собою, что сторожевое поселеніе у воротъ государства. Люди торговые, промышленные и ремесленные мог-

ли имѣть въ немъ временное пребываніе, могли быть его гостями, но правъ осѣдлости и гражданства въ немъ не получали. Осѣдлое населеніе его исключительно состояло изъ однихъ казаковъ. А такъ какъ у казаковъ была поговорка, чтобы «на границѣ не строить свѣтлицы», то и городъ ихъ вышелъ не городомъ, а большимъ куренемъ, да съ такими буграми и топами, про которые и теперь добрые люди рассказываютъ, что только одна привычка казаковъ смѣло ѣздить верхомъ по самымъ опаснымъ закрытымъ неровностямъ дѣлала для нихъ возможнымъ сообщеніе по городскимъ улицамъ. Въ такомъ положеніи городъ пребывалъ болѣе 70-ти лѣтъ, пока окончаніе войны не произвело крутого поворота въ его жизни. Между нынѣшнимъ и старымъ казачьимъ Екатеринодаромъ нѣтъ ничего общаго. Тогда весь городъ состоялъ только изъ куреней (казармъ), да мазанокъ и хатъ, становившихся, какъ кому было удобнѣе; теперь вытянулись стройныя улицы съ одноэтажными, но чистенькими и красивыми домиками; тогда населеніе города едва достигало до восьми тысячъ душъ, да и то служилыхъ людей, а теперь въ немъ 40 тысячъ жителей и три ярмарки съ оборотомъ до двухъ милліоновъ. Время не пощадило даже гордости стараго Екатеринодара — его шестиглаваго войскового собора, свѣдѣтеля перваго поселенія черноморцевъ на Кубани. Этотъ Божій храмъ, съ сіяющими въ воздушной синевѣ крестами, которые, виднѣясь далеко изъ-за Кубани, служили фаросомъ для нашихъ плѣнныхъ, выбѣгающихъ изъ горъ на родную сторону, — представлялъ собою въ то же время и чудо строительнаго искусства. Кто-то справедливо назвалъ его дерзостью архитектуры. Это было огромное зданіе, способное вмѣстить въ себѣ чуть не все населеніе тогдашняго Екатеринодара, а между тѣмъ оно построено было изъ одного дерева, безъ всякаго фундамента и желѣзныхъ связей. Теперь, лѣтъ десять тому назадъ, соборъ разобрали и на его мѣстѣ поставили новый, каменный, куда изъ стараго перенесли его богатую ризницу.

Несмотря на эти видимые признаки внутреннего развитія жизни, Екатеринодаръ остался городомъ чисто военнымъ, и не только областные чиновники и городская полиція, но даже ученики реальныхъ гимназій — и тѣ щеголяютъ въ при-военныхъ имъ черкескахъ.

Сумрачный и замкнутый въ самомъ себѣ въ обычные дни, Екатеринодаръ вдругъ принарядился, принялъ праздничный, необычайно щеголеватый видъ и переполнился народомъ. Давно берега Кубани не видали такого шумнаго, оживленнаго движенія, какое вызвано было радостнымъ извѣстіемъ о томъ, что Государь уже во Владикавказѣ. Терское войско первое приняло у себя обожаемаго Монарха. Очередь теперь была за кубанцами, — и кубанцы только и мечтали о томъ, чтобы достойнымъ приѣмомъ выразить Государю тѣ пламенные чувства, которыми были переполнены и сердца, и души казачьяго народа.

И вотъ наступило 21-е сентябрю.

Екатеринодарскій вокзалъ, окруженный столѣтними дубами, помнившими еще чубатыхъ запорожцевъ, убранный и декорированный массою зелени такъ, что Императорскія комнаты представляли собою цѣлый садъ тропическихъ растений, смотрѣлъ чрезвычайно красиво. Здѣсь ожидало Государя все высшее военное и гражданское начальство области и стоялъ почетный караулъ отъ 3-го Пластунскаго баталіона, за нѣсколько только мѣсяцевъ вновь сформированнаго; тутъ-же помѣстилась и депутація съ хлѣбомъ и солью отъ города.

Весь путь отъ вокзала до Карасунской дамбы былъ занятъ учебными заведеніями, а на самой дамбѣ и Екатерининской площади высились убранныя эстрады для публики. При въѣздѣ на площадь поднималась триумфальная арка, увѣнчанная золотыми флагами, а по сторонамъ ея въ глубокихъ нишахъ стояли изображенія св. Екатерины и Александра Невскаго — двухъ патроновъ: Великой основательницы города и царствующаго Императора. Подъ образомъ Александра

Невскаго, рельефно выдѣляясь золотыми буквами по бѣлому мрамору, красовалась надпись: «Да осѣнитъ Тебя, Государь, Божіею благодатію Твой ангель-хранитель».

Подъ образомъ Екатерины надпись: «Въ память посѣщенія города Екатеринодара Императоромъ Александромъ III, Императрицею Маріею Ѳеодоровною и Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ въ 1888 году».

Далѣе отъ Карасунской дамбы по главной улицѣ, вплоть уже до дома наказнаго атамана, расположились шпалерами войска, а за ними густыя массы народа. Домъ атамана, приготовленный для помѣщенія Ихъ Величествъ—одноэтажный. Прямо изъ красивыхъ парадныхъ сѣней, которыя могутъ служить и приѣмной, вы входите въ огромный бѣлый залъ, раздѣленный широкою аркой и украшенный большимъ портретомъ Государя Императора въ кубанской формѣ. Налѣво изъ этой залы кабинетъ Государя съ массивною свѣтло-коричневою мебелью; направо—гостинная Императрицы, обитая бѣлымъ кретономъ съ голубыми цвѣтками; мебель атласная, свѣтло-оливковаго цвѣта съ полосами темнаго бархата; за кабинетомъ и гостинной слѣдуютъ внутренніе покои Ихъ Величествъ. На половинѣ Наслѣдника-Цесаревича, общей съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, только двѣ комнаты: первая представляетъ собою кабинетъ и гостинную; вторая—спальную; въ гостинной—бунчукъ, булава и прочіе знаки атаманскаго достоинства. Входъ въ это помѣщеніе ведетъ съ большого двора, красиво убраннаго цвѣточными газонами; у подъѣзда часовые изъ полка малолѣтковъ.

У дворца царитъ наибольшее оживленіе. Здѣсь на первомъ планѣ—почетный карауль, составленный изъ отставныхъ стариковъ кубанцевъ. Ветхи эти люди годами, но не душой, въ которой горячимъ ключемъ такъ и бьетъ прежняя казацкая удалъ и сила. И войсковое, состарившееся вмѣстѣ съ ними, знамя любовно осѣняетъ почтенныя сѣдины тѣхъ, кто въ молодые годы десятки лѣтъ подъ этимъ самымъ зна-

менемъ, также молодымъ и свѣжимъ, отставвали родные берега Кубани, обильно поливая ихъ своею казацкою кровью. За карауломъ идутъ войсковые, служащіе и отставные, офицеры и чиновники, а за ними—цѣлый рядъ депутацій. Первыми стоятъ представители Кубанскаго казачьяго войска, и одинъ изъ старѣйшихъ и доблестнѣйшихъ воителей его, генералъ-лейтенантъ Попко, держитъ въ рукахъ «хлѣбъ-соль» на большомъ серебряномъ эмалированномъ блюдѣ. Внутри этого блюда государственный гербъ, окруженный оружіемъ кубанцевъ, а по бортамъ его, въ большихъ овальныхъ рамахъ, художественныя изображенія запорожской рады и кубанскихъ казаковъ въ ихъ современной формѣ. На хлѣбѣ—солонка, представляющая собою отлитую изъ серебра типичную фигуру пластуна, опершагося на ружье, въ папахѣ и въ буркѣ.

За эту депутацію идутъ представители казачьихъ станицъ, потомъ городовъ: Екатеринодара, Ейска, Темрюка, Майкопа и Анапы, затѣмъ отъ селъ и колоній и, наконецъ, отъ горцевъ Екатеринодарскаго, Лабинскаго и Баталпашинскаго отдѣла. Вся эта линія замыкается отставными ветеранами Кавказской арміи, проживающими уже на покой въ Кубанской области.

Въ пятомъ часу пополудни Императорскій поѣздъ тихо остановился у платформы Екатеринодарскаго вокзала. Пластуны взяли на-караулъ. И вотъ, подъ звуки раздавшейся музыки, въ дверяхъ вагона появился Императоръ вмѣстѣ съ Императрицею. Императрица въ дорожномъ костюмѣ, Государь въ обще-генеральской формѣ и бѣлой кавказской фуражкѣ. Грянувшее ура заглушило музыку и, поглощаемые массою людскихъ голосовъ, чуть слышно несутся съ дебаркадера величественные звуки: «Боже Царя храни». Милостиво поздоровавшись съ пластунами, Государь принялъ хлѣбъ-соль, поднесенную ему городскимъ головою Климовымъ и тремя представителями отъ города.

Въ короткой рѣчи голова просилъ Императора принять

это скромное выраженіе ихъ вѣрноподданческаго чувства. «Душевно благодарю васъ за привѣтствіе—отвѣчалъ Государь: и прошу благодарить отъ Меня всѣхъ гражданъ за ихъ радужный пріемъ». Государынѣ поднесены были два букета: одинъ супругою начальника Кубанской области, другой—супругою городского головы.

Изъ вокзала Императорская Чета отправилась въ войсковой соборъ. Открытая коляска, запряженная паромъ военныхъ рысаковъ, быстро понеслась по улицамъ Екатеринодара—и взоры и сердца десятковъ тысячъ людей устремились за этою коляскою, гдѣ сидѣли Государь и Государыня; за ними ѣхалъ Наслѣдникъ-Цесаревичъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ. Громовое «ура», начавшееся у вокзала, перекатною волною пронеслось по народнымъ толпамъ и замерло только у собора, когда изъ открытыхъ дверей его навстрѣчу Императора выступило духовенство, облаченное въ свѣтлыя праздничныя ризы. Пресвященный Владиміръ, епископъ ставропольскій и екатеринодарскій привѣтствовалъ Государя рѣчью:

«Благочестивѣйшій Государь! Начавъ Свое отечески-царственное шествіе отъ сѣверной столицы, по древне-рускимъ землямъ, чрезъ край Новороссіи, достигъ Ты Сѣвернаго Кавказа. Всюду встрѣчающія Тебя, Августѣйшую супругу и Царственныхъ дѣтей, выраженія неподдѣльно-живого восторга Твоихъ вѣрноподданныхъ дѣтей, Отецъ нашъ,—свидѣтельствуютъ, что Ты и здѣсь на землѣ святорусской, какою стало царство Твое за девятьсотъ лѣтъ раньше, со дня крещенія во всенародной кievской купели. Да и предъ Тобою, Боговѣнчанный Державный вождь земли Русской, мы можемъ повторить сказанное Богопризанному вождю избраннаго народа, —«земля, на ней же стоиши, свята есть».... Но прежде чѣмъ стала святорусскою, была она, изъ вѣка въ вѣкъ, многія тысячилѣтія сряду, путемъ народовъ всей земли, ложемъ того потока, который разлился въ ширь и даль Европы, до

крайнихъ ея предѣловъ, преемственнымъ достояніемъ разныхъ племенъ, исчезнувшихъ съ лица земли во враждѣ взаимной, во мракѣ ложныхъ религій,—племень, которыхъ только одни имена сохранила исторія. Теперь отъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, среди устьевъ Кубани, до крайнихъ предѣловъ степей ставропольскихъ, отъ заоблачныхъ верховій той же Кубани, у подножія вѣчно-снѣжнаго Эльборуса, до самыхъ озеръ Манычскихъ, земля, на ней-же стоиши, свята есть. Первый освятилъ ее стопами ногъ своихъ святой Андрей Первозванный, апостоль Христовъ, прежде нежели нога его стала и десница его водрузила святой крестъ на горахъ кіевскихъ. Посѣянное имъ сѣмя благовѣстія Христова на Сѣверномъ Кавказѣ, съ первыхъ же вѣковъ христіанства начало было приносить многій плодъ во святыню: свидѣтели тому, въ безмолвіи своемъ краснорѣчивые, открываемые нынѣ въ ущельяхъ и на высотахъ Сѣвернаго Кавказа, многочисленные православные храмы до временъ и отъ временъ Юстиніана Великаго, императора Византійскаго, начертанія Животворящаго креста на безчисленныхъ памятникахъ надъ почившими въ вѣрѣ туземными православными христіанами. Освящена сія земля стопами равноапостольныхъ Кирилла и Мефодія въ своемъ апостольскомъ путешествіи къ хазарскому кагану, двукратно прошедшихъ ее по всему протяженію. Освящена была земля сія трудами и молитвами ученика Антоніева, преподобнаго Никона Печерскаго, основателя и перваго игумена Тмутараканской обители между устьями Кубани, трудами и подвигами святаго Николая, одного вѣдомаго изъ епископовъ тмутараканскихъ. Освящена была сторона сія, въ восточной своей части, страдальческимъ шествіемъ благовѣрнаго князя Михаила Тверскаго отъ устьевъ Дона, черезъ равнины ставропольскія, за горы сѣверо-восточнаго Кавказа и обратнымъ по странѣ сей шествіемъ уже Богопрославленныхъ чудесными знаменіями святыхъ мощей его.

«Теперь земля эта—святорусская земля! Такою она на-

чинала бытъ вскорѣ послѣ крещенія древней Руси, при сынѣ равноапостольнаго Мстиславѣ Владиміровичѣ князѣ Тмутараканскомѣ, побѣдительѣ племенъ Сѣвернаго Кавказа, стало бытъ, страну со всѣми условіями жизни святорусской: православными русскими князьями, православными святителями, православными храмами, православнымъ народомъ, православными обществами и иноками. Но эта ранняя свѣтлая заря скоро потухла въ наемліяхъ варваризма. Свѣтилъ ей нѣсколько свѣтъ вѣры святой, но уже безъ близкой связи съ святорусской землей. Многіе вѣка прошли съ того времени; нужна была дорогая цѣна, чтобы страна сія, уже не въ малыхъ размѣрахъ слабаго княжества Тмутараканскаго, а на всемъ протяженіи Сѣвернаго Кавказа и прилегающихъ къ нему обширныхъ степей, стала навѣки нераздѣльною частью земли святорусской, по правамъ владѣнія и по народонаселенію. Цѣна эта была цѣна крови всероссійскаго христіанскаго воинства, начиная съ донскихъ казаковъ съ ихъ отродами, и казаковъ черноморскихъ, достойныхъ потомковъ приднѣпровскаго казачества; ихъ праотцы пріяли православную вѣру въ кievской купели, правнуки же зацѣлили цѣлость ея,—и свою несокрушимую храбрость воинскую, вѣрнопреданность Царю и отечеству перенесли съ береговъ Днѣпра на берега Кубани. Дорогою цѣною былъ достигнутъ терпѣливый мирный трудъ русскаго человѣка, своими руками разработавшаго эту землю и сдѣлавшаго ее не только своею кормилицею, но и житницею для другихъ дальнихъ земель, нерусскихъ; на свои трудовые гроши щедро украсившаго ее православно-русскими святыми храмами въ городахъ своихъ, селеніяхъ и иноческихъ обществахъ, заботящихся теперь просвѣщать дѣтей своихъ свѣтомъ вѣры и науки въ духѣ святорусскомъ.

«Изъ всѣхъ царей—Гебѣ, Державный любитель и мощный хранитель мира, даровано отъ Царя-царей бытъ Державцемъ сей страны, когда, отъ края равнинъ ея, до вершинъ горнаго хребта, въ ней царствуютъ миръ и тишина, когда

народы, русскому не единоплеменные и пока еще не единовѣрные, искренно признають въ Тебѣ своего Царя-отца, считаютъ за счастье взглянуть на Тебя и Твою Царственную семью, поднести Тебѣ посильные дары—знаки своей вѣрнопоподданности, видѣть Твою высокую царскую ласку.

«Если же они таковы, что же мы, вѣковѣчные дѣти Твои?.. Повсюду видимыя Тобою груди кубанцевъ, такъ обильно украшенныя выспими знаками воинской храбрости, суть знаки того, что кубанцы, подобно своимъ предкамъ, готовы и теперь, съ несокрушимою вѣрою въ душѣ и горячею любовью въ сердцѣ, животъ свой положить за Тебя, своего Царя-отца, и за всю землю святорусскую, и что чувства эти они неизмѣнно передадутъ своему потомству. Тѣмъ наче радуемся и благодаримъ Господа, видя Твое царственное мирное шествіе во здравіи и благоденствіи, съ Боговѣнчанную Супругою, Цесаревичемъ-Атаманомъ и Его Августѣйшимъ братомъ. Молимъ и будемъ молить Господа, да будетъ и дальнѣйшее путешествіе таковымъ же, какъ было—Богоблагословеннымъ на отраду Тебѣ, Царю-отцу, на радость и другимъ дѣтямъ земли Твоей святорусской,—къ восточному берегу Чернаго моря, освященному стопами учениковъ Первозваннаго апостола, по краю Закавказскому, издревле освященному св. хитономъ Искупителя міра, подвигами св. Нины равноапостольной и многочисленныхъ святыхъ Церкви Грузинской къ берегамъ Херсонеса Таврическаго—святой купели просвѣтителя земли Русской, и паки къ сѣверной столицѣ Твоей, освященной святыми мощами и хранимой молитвами тезоименитаго ангела Твоего... Благословенъ грядый во имя Господне».

Выслушавъ привѣтствіе архіепископа и затѣмъ краткое молебствіе, Ихъ Императорскія Величества, посреди ликующаго народа, отправились изъ собора въ домъ наказнаго атамана, гдѣ для нихъ приготовлено было помѣщеніе. Здѣсь, какъ было сказано, ожидали Государя почетный караулъ и депутаціи. Появленіе Императора передъ строемъ

сѣдыхъ стариковъ было исполнено необычайной торжественности. Собравшіеся уже на закатѣ своихъ дней порадоваться торжеству, яркимъ солнцемъ загорѣвшему надъ ихъ родною Кубанью, и вспомнить славную свою старину,—эти остатки иной, уже отошедшей въ вѣчность эпохи, были исполнены одною мыслию, однимъ чувствомъ, чтобы ихъ внуки и правнуки были достойны тѣхъ милостивыхъ царскихъ пожалованій, которыя они добыли великому казацкому войску тысячами жертвъ, принесенныхъ ими на алтарь отечества. И Государь, обходя ряды и привѣтствуя этихъ стариковъ, благодарилъ въ лицѣ ихъ все старое Черноморское и Линейное казачество, слившееся подъ одно общее имя, за его вѣковую, многотрудную службу.

Еще не умолкло восторженное ура почетнаго караула изъ стариковъ, какъ Государь приблизился къ войсковой депутаціи, состоявшей изъ трехъ заслуженныхъ генераловъ. Старшій изъ нихъ, генераль-лейтенантъ Попко, державшій въ рукахъ массивное серебряное блюдо съ хлѣбомъ-солью, привѣтствовалъ Государя словами: «Ваше Императорское Величество! Кубанское казачье войско имѣетъ счастье привѣтствовать прибытіе Ваше хлѣбомъ-солью отъ всей войсковой земли. Примите Всемилостивѣйшій Государь казацкую хлѣбъ-соль нашу, какъ чистосердечное выраженіе вѣрноподданческой любви и всепреданности войска.» При этихъ словахъ Государь собственными руками изволилъ прикоснуться къ хлѣбу, въ знакъ милостиваго принятія его, и затѣмъ перешелъ къ депутатамъ отъ полковыхъ округовъ и станицъ войска. Милостиво принявъ всѣ подношенія, и удостоивъ многихъ депутатовъ своимъ разговоромъ, Государь вмѣстѣ съ Августѣйшею семьею удалился во дворецъ, надъ которымъ тотчасъ поднялся Императорскій штандартъ.

Когда стемнѣло, городъ освѣтился роскошною иллюминаціей, и народъ до поздней ночи толпился на улицахъ.

На слѣдующій день, 22 сентября, назначенъ былъ войсковой кругъ.

По обычаю, очень древнему въ казачьихъ войскахъ, въ извѣстные дни или при извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ, всѣ войсковые клейноды, все, что сохранилось въ войскѣ отъ его старины, что было собрано имъ на полѣ честныхъ заслугъ государству и свидѣтельствуетъ о доблестной службѣ и храбрости предковъ—все это съ особою церемоніею выносятся на войсковой майданъ, или площадь на показъ всему казачьему народу. «Пусть вѣдаютъ о нихъ—говоритъ историкъ Черноморскаго войска:—и мать, и жена, и малые дѣти казака, и наѣзжіе гости его. Въ этотъ день совершается соборная церковная служба, и войсковыя регаліи длиннымъ строемъ проносятся передъ народомъ и войскомъ. Народъ привѣтствуетъ ихъ съ сердечнымъ трепетомъ, войска отдають имъ честь по уставу; тамъ и сямъ скатится слеза на сѣдой усъ, тамъ и сямъ заискрится молодой взоръ»...

Вотъ такая-то именно церемонія происходила въ Екатеринодарѣ 22 сентября 1888 года, по случаю прибытія въ край Государя Императора и Августѣйшаго Атамана-Цесаревича.

Къ девяти часамъ утра всѣ наличные войсковые генералы, офицеры, чиновники, станичные атаманы и депутаты отъ всѣхъ станицъ и поселковъ собрались къ областному правленію. Ровно въ девять часовъ войсковыя регаліи были вынесены къ народу, и торжественная процессія стала устанавливаться посрединѣ улицы, между шпалерами войскъ, встрѣтившихъ свои священные клейноды воинскою почестью и гимномъ «Боже Царя храни.» Процессія направилась на соборную площадь, гдѣ былъ разбитъ большой красный наметъ для богослуженія среди войскового круга, и куда заблаговременно собраны были всѣ ученики и ученицы учебныхъ заведеній. Цѣлый лѣсъ знаменъ, съ тихо колыхавшимися полотнами, высился надъ обнаженными головами народа и какъ

бы осѣнялъ его своею историческою славою.

Впереди несутъ 12 старыхъ знаменъ, унаслѣдованныхъ Кубанскимъ войскомъ, частію отъ запорожцевъ, частію перешедшихъ позднѣе, какъ значки Хоперскаго полка, или бѣлое знамя буджакскихъ казаковъ.

За ними 18 куренныхъ мѣдныхъ перначей, потомъ 14 куренныхъ булавъ и, наконецъ, 35 куренныхъ знаменъ, съ изображеніемъ на нихъ эмблемы привязанности войска къ вѣрѣ христіанской—это крестъ съ сіяющимъ въ серединѣ его солнцемъ.

За этою первоначальною инвеститурою войска, запечатлѣвшую возрожденіе «коша вѣрныхъ казаковъ» изъ-подъ пепла сѣчи, открывается рядъ полковыхъ знаменъ, жалованныхъ казакамъ въ четыре минувшія царствованія. Всѣхъ знаменъ 32; но одно изъ нихъ, перешедшее въ войско съ Хоперскимъ полкомъ, относится къ 1738-му году, т. е. къ царствованію Императрицы Анны Іоанновны.

За полковыми знаменами слѣдуютъ войсковые клейноды: пять серебряныхъ перначей, двѣ мѣдныя вызолоченныя булавы, двѣ серебряныя, повитыя георгіевскими лентами, трубы и, наконецъ, девять войсковыхъ знаменъ, изъ которыхъ старѣйшія принадлежатъ екатерининской эпохѣ.

За этими знаками, символами атаманской власти, несутъ царскія повелѣнія, грамоты и Высочайшіе рескрипты, подтверждающіе войску его права, преимущества и обязанности, потомъ кубанскій мундиръ въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича и, въ заключеніе,—войсковую желѣзную булаву съ золотою насѣчкою. Торжественную процессію замыкаетъ самъ наказной атаманъ, шествующій съ серебряною булавою въ рукѣ и окруженный генералами, офицерами и чиновниками войска. Отъ всей этой картины такъ и вѣяло сѣдою казацкою стариною.

И мнится намъ: черезъ туманъ прозрачный

Несутся вновь Цалей и Сагайдачный...

Едва шествіе тронулось, какъ начался трезвонъ церковныхъ колоколовъ, и навстрѣчу процессіи изъ собора медленно выступило духовенство: впереди крестъ и хоругви; за ними пѣвчіе, діаконы, священники, три архимандрита въ бѣлыхъ пасхальныхъ ризахъ, и, въ заключеніе, окруженный знаками своего сана, самъ ставропольскій и екатеринодарскій владыко. Когда регалии установились въ кругъ, охвативши своимъ кольцомъ обширную площадь, преосвященный осѣпилъ ихъ крестомъ и окропилъ святою водою. Церковный трезвонъ замѣнился мѣрнымъ благовѣстомъ большого колокола. Звонили къ молебну. Вотъ отошелъ и благовѣсть. На площади глубокое напряженное молчаніе—все ждетъ Государя.

Ровно въ 10 часовъ съ соборной колокольни увидѣли царскій экипажъ и снова начался торжественный трезвонъ колоколовъ, которымъ вторили теперь восторженные крики и войскъ и народа. Государь остановился у казацкаго круга. Заколыхались старыя знамена и трижды преклонились до самой земли. Государь вышелъ изъ экипажа и, сопутствуемый атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ и войсковымъ наказнымъ атаманомъ Кавказскихъ казаковъ княземъ Дондуковымъ - Корсаковымъ, обошелъ войска и вошелъ въ кругъ. Императрица слѣдовала въ коляскѣ. На ней весь костюмъ былъ краснаго цвѣта съ чернымъ (войсковые цвѣта кубанцевъ)—и это обстоятельство, не оставшееся незамѣченнымъ, еще болѣе воспламенило восторгомъ сердца благодарныхъ казаковъ.

Когда Императоръ обошелъ всѣ войсковыя регалии и приблизился къ церковному памету, преосвященный встрѣтилъ Ихъ Величества съ крестомъ и тотчасъ началъ служеніе. Молитва Царя подъ открытымъ небомъ, посреди казацкаго круга,—какая эта была великая, святая, торжественная минута! Не долго, но горячо молилась съ Царемъ вся эта тысячная масса народа, проникнувшаяся глубокимъ безпредѣльнымъ чув-

ствомъ благоговѣнія. Это была та молитва, которая до Бога доходитъ, и которую Богъ слышитъ.

По окончаніи молебствія, едва Государь вышелъ на площадь подъ звонъ колоколовъ, гудѣвшихъ со всѣхъ городскихъ колоколенъ, какъ войсковою наказный атаманъ князь Дондуковъ-Корсаковъ поднесъ Его Величеству булаву, какъ издревле принятый знакъ атаманскаго достоинства. Государь принялъ ее, и тутъ-же, передъ мѣстнымъ кафедральнымъ соборомъ, въ виду знаменъ и регалій минувшихъ вѣковъ, въ присутствіи всѣхъ, безъ-изъятія, чиновъ и сословій Кубани, вручилъ ее своему Августѣйшему Первенцу. Государь обнялъ при этомъ и поцѣловалъ Цесаревича. Въ ту же минуту войсковые перначи выдвинулись впередъ и окружили своего Августѣйшаго атамана.

Тогда Государь, обратившись къ кругу, произнесъ звучнымъ голосомъ:

«Я счастливъ кубанцы, что вмѣстѣ съ Императрицею и Наслѣдникомъ пріѣхалъ къ вамъ. Мнѣ это желательно было давно, и наконецъ удалось. Я увѣренъ, что вы будете служить и отечеству и своимъ Царямъ, какъ прежде служили, а молодежь кубанская также храбро и честно, какъ и старики».

Впечатлѣнія подобныхъ сценъ и словъ не поддаются описанію. Ихъ нужно видѣть и слышать, чтобы пережить то, что пережили свидѣтели и участники этого памятнаго для кубанцевъ дня.

По отъѣздѣ Государя, войсковыя регаліи были отнесены обратно въ мѣсто ихъ хранилища съ тою-же церемоніею, и Августѣйшій атаманъ съ желѣзною булавою въ рукѣ, самъ замыкалъ ихъ торжественное шествіе. Вслѣдъ за знаменами Цесаревичъ вошелъ въ областное правленіе и тамъ, въ огромномъ залѣ, украшенномъ портретами стародавнихъ гетмановъ Скоропадскаго и Самойловича, сложилъ свою булаву на приготовленное мѣсто.

Послѣ войскового круга, на обширномъ дворѣ атаман-

скаго дома, депутаціи имѣли счастье поднести подарки Государю, Императрицѣ и Наслѣднику-Цесаревичу.

Подведено было девять лошадей—пять съ сѣдлами, отдѣланными по оленьему рогу серебромъ и золотомъ. Работа замѣчательная. Въ числѣ этихъ коней были два совершенно бѣлые: одного кубанцы подвели Государю, другого поручикъ Султанъ-Азаматъ-Гирей—Цесаревичу.

Кромѣ коней, Государю поднесены были оружіе, бурка и башлыкъ мѣстной работы.

Государынѣ-Императрицѣ—раскошный альбомъ съ видами и типами Кавказа, работы фотографа Ермакова. Верхняя крышка альбома украшена тонкими орнаментами, сдѣланными изъ серебряной проволоки армавирскимъ мастеромъ; по серединѣ крышки, надъ Императорскою короною, надпись: «Ея Императорскому Величеству Государынѣ-Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ вѣрноподанныхъ кабардинцевъ, абазинцевъ, ногайцевъ и карачаевцевъ Баталпашинскаго отдѣла Кубанской области.

Наслѣднику-Цесаревичу кубанцы поднесли шашку, кинжалъ и хазыри. Кромѣ того, Ему же поднесенъ былъ «Сборникъ историческихъ свѣдѣній о Кубанскомъ войскѣ, составленный членами Кубанскаго статистическаго комитета Фелицынымъ и Щербиною. Сборникъ снабженъ планомъ Екатеринодара и украшенъ нѣсколькими историческими картами, наглядно показывающими положеніе Кубанской области въ разные періоды войны и колонизаціи ее кубанскими казаками. Затѣмъ слѣдуютъ портреты нѣкоторыхъ атамановъ, фототипные снимки прежнихъ и современныхъ формъ обмундированія, рисунки войсковыхъ регалій, виды Екатеринодара и нѣкоторыхъ станицъ, сцены изъ боевой жизни казаковъ, типы горцевъ и, наконецъ, двѣ картины, изображающія войсковую раду (по Ригельману) и уничтоженіе Запорожской сѣчи. На бархатномъ переплетѣ сборника вытиснены также эпизоды изъ казачьяго быта.

Когда окончился приемъ депутацій, и Государь вмѣстѣ съ Императрицею удалились во дворецъ, за ними послѣдовала туда-же депутація кубанскихъ офицеровъ и размѣстилась въ залѣ передъ широкою нишей, красиво драпированной темно-вишневымъ бархатомъ и войсковыми значками. Въ этой нишѣ была установлена массивная серебряная группа, предназначенная для поднесенія Государынѣ Императрицѣ. Она изображаетъ сцену казачьей тревоги. На верху мраморной черной скалы сторожевой казакъ пристально изъ-подъ руки всматривается въ даль; въ торопливомъ движеніи бурка свалилась съ плечъ и красиво виситъ на выступѣ скалы; конь казака тянется вслѣдъ за хозяиномъ, словно раздѣлая съ нимъ тревожное состояніе. Ниже, въ центрѣ группы, старый бородатый казакъ выскакиваетъ изъ разсѣлины и на бѣгу торопливо пристегиваетъ кинжалъ; передъ нимъ молодая казачка досѣдываетъ коня, а маленькій внукъ надѣваетъ уздечку; еще ниже, казакъ, уже совсѣмъ готовый къ бою, вскочилъ на лошадь и, красиво изогнувшись назадъ, принимаетъ винтовку изъ рукъ своей жены, держащей на рукахъ грудного младенца. Справа—молодой казакъ, раньше всѣхъ выскочившій на тревогу,—онъ волнуется, суетится, торопитъ другихъ; дворовая собаченка, взобравшаяся на выступъ скалы, дополняетъ живую и бойкую картину боевой станичной жизни. У подножія скалы извивается по черному мрамору серебряная Кубань, дробясь о камни, и какъ бы отдѣляя группу казаковъ отъ массивнаго полированнаго пьедестала.

Группа вѣситъ девять пудовъ, изъ которыхъ три пуда чистаго серебра. Она составлена по рисункамъ извѣстнаго художника и знатока казачьяго быта Н. Н. Каразина и отлита въ мастерской Хлѣбникова скульпторомъ Сафоновымъ.

Когда Ихъ Величества приблизились къ депутатамъ,—значки мгновенно были отдернуты и офицеры, разступившись, открыли группу, прося Императрицу осчастливить ихъ приятиемъ этого подпошенія, на память незабвенныхъ дней пре-

быванія Ея Величества среди Кубанскаго войска. Въ массѣ подношеній эта группа дѣйствительно являлась выдающимся номеромъ и остановила на себѣ особое вниманіе Императорской Четы, какъ по идеи художника, такъ и по мастерской, тонкой чеканки малѣйшихъ деталей.

Въ первомъ часу пополудни, послѣ императорскаго завтрака, на который удостоились приглашенія всѣ начальники частей Кубанскаго войска и нѣкоторые почетные горцы, Государь вмѣстѣ съ Августѣйшею фамиліею прибылъ во дворецъ Екатеринодарскаго отдѣла, гдѣ кубанцы угощали обѣдомъ своихъ депутатовъ и горцевъ, съѣхавшихся въ Екатеринодаръ для встрѣчи Императора. Обойдя столы и удостоивъ разговоромъ многихъ казацкихъ ветерановъ, Государь поднялъ чару вина и громко провозгласилъ: «Пью за славное и храброе Кубанское войско.» Войсковой наказный атаманъ князь Дондуковъ-Корсаковъ отвѣтилъ тостомъ за здоровье Ихъ Императорскихъ Величествъ и Государя Наслѣдника-Цесаревича. Грянуло ура—и казаки, по древнему обычаю, подняли па руки своего Августѣйшаго атамана.

Отсюда Ихъ Величества отправились въ городъ, гдѣ посѣтили классическую гимназію, куда собраны были также всѣ ученики реального училища; потомъ женскую гимназію, гдѣ ученицы поднесли Цесаревичу подушку, на которой по голубому атласу искусно вышиты были шелками съ одной стороны гербы всѣхъ казачьихъ войскъ, а съ другой—карта Кубанской области; далѣе—войсковую профессиональную школу, основанную супругою бывшаго наказнаго атамана генералъ-адъютанта Шереметова и, наконецъ, Кубанское Мариинское женское училище. Въ Профессиональной школѣ воспитанницы также поднесли Августѣйшимъ гостямъ: черкесское сукно, перчатки, золотую тесьму для натруски и нѣкоторыя другія произведенія собственной работы. Императрица съ видимымъ интересомъ отнеслась къ руководѣльнымъ занятіямъ ученицъ, и подробно осматрѣла это полезное для края уч-

режденіе. Въ Маріинскомъ училищѣ Царственные посѣтители пробыли дольше, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ. Здѣсь одна изъ ученицъ, самая младшая по возрасту, встрѣтила Императрицу съ букетомъ цвѣтовъ и сказала пріивѣтственное слово. Затѣмъ Ихъ Величества сѣли на приготовленныя для нихъ мѣста и приказали двумъ дѣвочкамъ рассказывать басни, которыя были переданы дѣтми толково и со смысломъ; потомъ четыре воспитанницы на двухъ рояляхъ исполнили маршъ; пелинберка, дѣвица Истомина, обладающая прекраснымъ меццо-сопрано сѣбла извѣстный романсъ «Горныя вершины» и, наконецъ, воспитанницы пѣли хоровыя пѣсни, законченныя народнымъ гимномъ. Прощаясь, Императрица обласкала счастливыхъ дѣтей и раздала на память имъ цвѣты изъ Своего букета.

Кромѣ учебныхъ заведеній, Ихъ Величества посѣтили войсковую больницу и затѣмъ оружейную мастерскую Кубанскаго войска. Въ послѣдней—Государю была поднесена превосходная шапка, откованная изъ стали; Императрицѣ — изящный вѣеръ, сдѣланный изъ тонкихъ желѣзныхъ пластинокъ; Цесаревичу—арчакъ казачьяго сѣдла замѣчательной легкости; Великому Князю Георгію Александровичу—миниатюрная винтовка Бердана.

По возвращеніи изъ города, въ 4 часа пополудни, Императрица принимала во дворцѣ почетныхъ дамъ, а въ 7 часовъ былъ фамилный обѣдъ. День закончился вечернимъ чаемъ въ ротондѣ, фейерверкомъ и народнымъ гуляньемъ на площади.

Съ наступленіемъ вечера городской садъ загорѣлся безчисленными огнями, звѣздами и транспорантами, превратившими его тѣнистыя аллеи въ какую-то фантастическую галерею колоннадъ и арокъ. Лицевая сторона павильона была обставлена цвѣтными шкаликами такъ, что представляла собою видъ русскаго терема, а самая зала, украшенная бюстомъ Императора, была эффектно декорирована значками

кубанскихъ полковъ и блестящими клинками ихъ шашекъ и кинжаловъ. Императорская гостинная, отдѣланная въ видѣ патра золотистою тканью, была установлена сплошь массою тропическихъ растений.

Въ девяти часамъ, на главной аллеи городского сада столпилась такая густая масса народа, что царскій экипажъ могъ подвигаться впередъ только шагомъ; въ ротондѣ тѣсноты было не меньше. Встрѣченная восторженнымъ ура и народнымъ гимномъ, Царственная семья, привѣтливо раскланиваясь на обѣ стороны, прослѣдовала прямо въ гостинную, гдѣ купала чай, и черезъ полчаса перешла въ бесѣдку, откуда открывался очаровательный видъ на ярко иллюминированный городъ, и на площадь, кипѣвшую народомъ. Гулянье было уже въ полномъ разгарѣ. На нѣсколькихъ эстрадахъ играла музыка и шли оживленные танцы; кругомъ пѣли пѣсенники. Особенно хорошо слѣлъ хоръ казачьихъ малолѣтковъ старинную пѣсню: «По стогнамъ шумъ, повсюду торжество, и Ты среди толпы, Россіи божество.» Праздникъ закончился блестящимъ фейерверкомъ, который, въ воображеніи народа, никогда не выдаваго такую массу огня, принялъ нѣчто совершенно волшебное, сказочное.

Въ одиннадцатомъ часу Императорская семья возвратилась во дворецъ. Городъ попрежнему былъ залитъ огнями. Особенно эффектны были портреты Государя и Государыни, поставленные высоко надъ домомъ Кононова. Освѣщенные снизу и съ боковъ, они рельефно выдѣлялись изъ стлавшагося надъ городомъ сумрака ночи и производили на толпу чарующее впечатлѣніе. Тотъ, кому пришла въ голову прекрасная мысль воздвигнуть надъ толпою эти портреты,—говорить корреспондентъ Кавказа—заслужилъ не одно спасибо отъ екатеринодарской публики.

На слѣдующій день, 23 сентября, съ восходомъ солнца

длинная линия казачьихъ полковъ стройно вытянулась вдоль полотна желѣзной дороги на пути къ Новороссійску. Кромѣ мѣстнаго баталіона, на смотру участвовало только одно Кубанское казачество—три баталіона пластуновъ, гвардейскій эскадронъ, шесть конныхъ полковъ и три батареи (*). Войсками командовалъ генераль-маіоръ Рубашевскій. Народъ усьялъ все поле и любовался особенно гвардейскимъ эскадрономъ и полкомъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Красныя черкески и бѣлые бешметы конвойцевъ, и бѣлыя черкески съ красными бешметами малолѣтковъ—представляли дѣйствительно эффектное зрѣлище и рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ остальныхъ казачьихъ полковъ.

Въ 9 часовъ на мѣсто смотра прибылъ Наслѣдникъ-Цесаревичъ въ коляскѣ, запряженной тройкою вороныхъ лошадей и окруженный почетнымъ эскортомъ малолѣтковъ. У фронта Цесаревичъ сѣлъ на коня и, объѣхавъ полки, сталъ на челѣ казаковъ, ожидая Государя, который долженъ былъ прибыть по желѣзной дорогѣ.

Въ то время, какъ Цесаревичъ выѣхалъ изъ Екатеринодара, Ихъ Величества, провожаемые тысячами толпами народа, прибыли на желѣзно-дорожный вокзалъ, гдѣ встрѣчены были войсковымъ наказнымъ атаманомъ княземъ Дондуковымъ-Борсаковымъ. На платформѣ выстроены были воспитанники приготовительной школы кадетскаго корпуса, открытой только наканунѣ, въ память торжественнаго событія, происходившаго въ войсковомъ кругу 22 сентября 1888 года. Заведеніе это, удовлетворяющее одной изъ насущныхъ потребностей Кубанскаго войска, удостоилось особаго вниманія Государя, и Его Вели-

(*) Сводные Пластунскіе баталіоны: 3, 4 и 5, Л.-гв. 2-й Кубанскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвой, конный полкъ малолѣтковъ, сводный полкъ Екатеринодаро—Урупскій, и полки 2-й очереди: Екатеринодарскій, Таманскій, Кавказскій и Кубанскій; затѣмъ 1 и 3 батареи Кубанской конно-артиллерійской бригады, и конная батарея малолѣтковъ.

чество долго разговаривалъ съ директоромъ и основателемъ этой школы, капитаномъ Ракинтомъ, интересуясь цѣлью, назначеніемъ и средствами школы. Садясь въ вагонъ, Государь еще разъ обратился къ Ракинту и пожелалъ ему успѣха въ этомъ полезномъ и благомъ начинаніи.

У царскаго павильона, красиво возвышавшагося надъ мѣстомъ смотра, поѣздъ остановился. Государь на конѣ, и Императрица въ коляскѣ, сопровождаемые Царственнымъ атаманомъ, объѣхали полки и стали у царскаго павильона. Войска пошли церемоніальнымъ маршемъ. Впереди всѣхъ, на прекрасномъ буланомъ конѣ, съ атаманскою булавою въ рукахъ, ѣхалъ Цесаревичъ; за нимъ, открывая шествіе, развернутою линіею двигался гвардейскій эскадронъ, невольно переносившій мысль на далекій сѣверъ, въ столицу русскихъ Государей; далѣе шли пластуны, потомъ, пронеслась казацкая конница съ своими развернутыми сотенными значками, и прогремѣли, наконецъ, батареи... Хороши кавказскіе казаки и въ военномъ дѣлѣ и на мирномъ полѣ! «Пусть васъ Богъ благословляетъ, пусть васъ Царь жалуетъ воинственные берега Кубани и Террека, воспитавшіе такое войско для чести русскаго оружія.» Эти слова сказаны были когда-то казачьимъ писателемъ, и теперь мысленно повторились всѣми присутствующими. Государь благодарилъ каждую часть, а въ полкъ и въ батарею малолѣтковъ пожаловалъ каждому серебряный рубль съ изображеніемъ своего портрета. Восторгу дѣтей не было предѣловъ.

Такъ закончилось пребываніе Государя и Государыни среди кубанскихъ казаковъ. Въ два часа пополудни, послѣ императорскаго завтрака, на который были приглашены всѣ начальники частей, участвовавшихъ на смотрѣ, поѣздъ медленно отошелъ отъ павильона и тронулся въ путь къ Новороссійску.

IV.

ОТЪ ЕКАТЕРИНОДАРА ДО ТИФЛИСА.

Отъ Екатеринодара до Новороссійска, на разстояніи 120 верстъ, мѣстность постепенно возвышается, разнообразясь по сторонамъ, то небольшими перелѣсками и виноградниками, то обширными и частыми табачными плантаціями. У станціи Тонельной дорога приближается, наконецъ, къ подошвѣ главнаго Кавказскаго хребта, и чрезъ тунель выходитъ къ Новороссійску.

Новороссійскъ.—городъ съ блестящею будущностію. Его прекрасная бухта была извѣстна въ глубокой древности, и если бы не страшная бора, свирѣпствующая здѣсь повременамъ съ невѣроятною силою, городъ давно занялъ бы видное мѣсто въ ряду портовыхъ городовъ Черноморья. Но бора сильно повредила репутаціи Новороссійска. Изъ всѣхъ катастрофъ, памятныхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, не было ужаснѣе катастрофы, какъ 12 января 1848 года, о которой и доселѣ рассказываютъ мѣстные старожилы. Бора была страшная; всѣ суда, стоявшія въ бухтѣ, были разсѣяны или выброшены на берегъ; боролся одинъ только тендеръ «Струя»; но волны захлестнули его снасти, и тысячи замерзшихъ брызгъ мгновенно превратили судно въ ледяную глыбу, подъ которой, по-

хороненный заживо, замерзъ и погибъ весь экипажъ, состоявшій изъ 52 человекъ. Съ тѣхъ поръ о Новороссійскѣ, какъ о портовомъ городѣ, перестали думать, и только въ наше время ему суждено было наконецъ подняться опять на ту высоту, на которой видѣли его венеціанскія колоніи: въ немъ строится прекрасный портъ, къ нему провели желѣзную дорогу—и недалеко то время, когда Новороссійскъ, древній Целмезъ, займетъ подобающее себѣ мѣсто среди приморскихъ торговыхъ городовъ Россіи.

Посѣщеніе Государемъ Новороссійска, въ эпоху, такъ сказать, его возрожденія, имѣло поэтому глубокое жизненное значеніе для цѣлаго края. Городъ поднялся и выросъ въ своемъ собственномъ мнѣніи. Его красивая бухта казалась еще красивѣе теперь, когда на волнахъ ея стояла цѣлая эскадра юнаго Черноморскаго флота, вся разукрашенная флагами. На пристани Государя ожидалъ почетный караулъ отъ Екатеринодарскаго мѣстнаго баталіона; тутъ-же стояло начальство Черноморскаго округа, администрація порта и депутаты отъ города съ хлѣбомъ-солью. Хлѣбъ-соль подносится на массивномъ серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ; но особенно изящно и художественно сдѣлана солонка, представляющая собою небольшой круглый столикъ, покрытый русскою скатертью, на которомъ лежитъ ржаной хлѣбъ, закрытый также узорчатымъ полотенцемъ. Для Императрицы приготовленъ букетъ бѣлыхъ розъ въ золотомъ порт-букетѣ. Народъ сполною стѣною окружаетъ пристань, и русскіе кафтаны и армяки рабочихъ людей живописно мѣшались съ пестрыми костюмами анатолійскихъ грековъ, турокъ и кавказскихъ горцевъ.

Въ пятомъ часу пополудни, 23 сентября, Императорскій поѣздъ подошелъ къ желѣзно-дорожной пристани и остановился на берегу бухты. Какъ только показался Императоръ, вмѣстѣ съ Императрицею и Великими Князьями, всѣ головы обнажились разомъ, и громовое «ура», какъ раскаты морского прибою, впервые огласило восточный берегъ Чернаго

моря. Государь привѣтливомъ поклономъ благодарилъ народъ, обошелъ почетный карауль и милостиво принялъ хлѣбъ-соль, поднесенную Ему отъ города. Затѣмъ Царственная семья перешла на яхту, надъ которою тотчасъ развился Императорскій штандартъ. Въ ту же минуту грянулъ салютъ со всѣхъ военныхъ судовъ и, раскатившись громкимъ эхомъ по волнамъ Чернаго моря, замеръ въ окрестныхъ горахъ и ущельяхъ.

Пароходъ «Москва», на который вступилъ Государь,— былъ пароходомъ Добровольнаго флота. Онъ только лѣтомъ вернулся изъ дальняго плаванія съ полными трюмами чая, и тогда же предназначенъ былъ служить Царскою яхтой, на случай путешествія Государя на Кавказъ. Заново огрмонтированная, «Москва» явилась въ Севастополь 26 августа и въ тотъ же день, вмѣсто трехдѣтнаго коммерческаго, подняла бѣлый флагъ съ синимъ андреевскимъ крестомъ. Съ этой минуты «Москва» стала военнымъ судномъ. Командиромъ ея назначенъ былъ капитанъ 2-го ранга Радловъ, старшимъ офицеромъ— Писаревскій, одинъ изъ героевъ минувшей войны, носящій георгиевскій крестъ за взрывъ турецкаго монитора подъ Сухумомъ.

Встрѣченный на палубѣ «Москвы» главнымъ командиромъ Черноморскаго флота вице-адмираломъ Пещуровымъ и начальникомъ эскадры контръ-адмираломъ Новиковымъ, Государь осмотрѣлъ пароходъ и затѣмъ, пересѣвъ въ шлюбку вмѣстѣ съ Императрицею и Августѣйшими дѣтьми, направился къ военной эскадрѣ. Едва на шлюбку подняли Императорскій флагъ, какъ мгновенно всѣ реи высокихъ мачтъ покрылись матросами, и съ двухъ громадныхъ броненосцевъ, съ судовъ, и съ пяти кононирокъ грянуло «ура»; команды вездѣ стояли на вантахъ; музыка играла гимнъ.

Обѣхавъ эскадру, Императорская шлюбка прошла вдоль новой, еще только проектированной, набережной и остановилась у красиваго павильона, ностроеннаго рядомъ съ присталью. Павильонъ—въ русскомъ стилѣ и отдѣланъ роскошно; весь по-

толокъ его искусно задрапированъ шелковыми тканями бѣлаго и синяго цвѣта; на полу былъ цѣнный бархатный коверъ и стояла атласная мебель, а посрединѣ большой столъ съ чертежами и планами, производящихся въ портѣ работъ.

Поднявшись въ павильонъ по широкой лѣстницѣ, устланной тонкимъ краснымъ сукномъ, Императоръ разспрашивалъ подробно о предположенныхъ и сдѣланныхъ работахъ, и разсматривалъ планы и чертежи строящагося порта. Изъ павильона открывались очаровательные виды. «Какъ все здѣсь прекрасно» — выразилась Императрица, любуясь роскошной панорамой города и окрестностей, и стоявшими въ бухтѣ грозными броненосцами, и многотысячными массами народа....

Изъ павильона Ихъ Величества прошли къ берегу мола и въ ихъ присутствіи былъ поднятъ и уложенъ въ море огромный массивъ съ помощію механизма Арала. Здѣсь Его Величеству поднесены были два мраморные пресъ-папье, сдѣланные въ видѣ моделей массива, и акварельный рисунокъ художника Самокиша, изображающій укладку этого массива въ море. Поблагодаривъ строителей порта и пожелавъ, чтобы работы были окончены также хорошо, какъ они начаты, Государь возвратился на пароходъ.

Тихая теплая ночь спустилась надъ бухтой. Въ девятомъ часу эскадра вышла въ открытое море, а за нею медленно стала отходить и «Москва.» Берега, бухта, дамбы, городъ — все горѣло огнями. Вдругъ тысячи ракетъ прорѣзали темную высь неба и, рассыпавшись огненнымъ дождемъ надъ моремъ и бухтою, въ послѣдній разъ яркимъ свѣтомъ озарили величаво качавшуюся на волнахъ Царскую яхту.

Эскадра взяла курсъ на Батумъ. Народъ сталъ расходиться по домамъ. Русскіе люди набожно крестились и говорили: «сподобялъ таки Господь-Богъ увидѣть батюшку — Царя и матушку — Царицу.»

Путь до Батума—путь полный воспоминаній; кровавыя, славныя страницы кавказской войны! Это все бывшія береговья черноморскія укрѣпленія, повѣсть о которыхъ—печальный мортирологъ, достойный быть сохраненнымъ въ памяти потомства. Кому приводилось видѣть Черноморскій берегъ въ то отдаленное отъ насъ время, того поражала громадная масса могильныхъ крестовъ, тѣсившихся возлѣ небольшихъ укрѣпленій, какъ печальные свидѣтели жертвъ, ежечасно похищаемыхъ войною и болѣзнями. И эти укрѣпленія дѣйствительно смотрѣли открытыми могилами.....

Ночью эскадра миновала Геленджикъ, — тотъ Геленджикъ, для обороны котораго не доставало одной бдительности людей, а нужно было чутье сторожевыхъ собакъ, получавшихъ за то, также какъ и солдаты, казенный паекъ. Потомъ миновала селеніе Вулапское или Архино-Осиповку, гдѣ нѣкогда стояло знаменитое укрѣпленіе, въ славной гибели своей нашедшее для себя безсмертіе, и теперь обозначенное лишь чугуннымъ крестомъ, далеко видимымъ съ моря. И русскій человекъ, за видѣвъ этотъ чугунный крестъ, благоговѣнно сниметъ свою шапку и поклонится русскимъ покойникамъ. Вотъ Туапсе, или Вельяминовскій фортъ—также какъ и Михайловское, честно и славно погибшій подъ ударами горцевъ; вотъ Лазаревское—съ могилою поэта Одоевскаго, такъ поэтично описанною Лермонтовымъ:

Нѣмая степь синѣеть, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившійся надъ щитомъ,
Разскажетъ волнѣ кочующихъ внимая.

А море Черное шумитъ, не умолкая.

Далѣе за Лазаревскимъ — Даховъ посадъ, или Сочи; потомъ Адлеръ, гдѣ нашелъ преждевременную смерть въ кровавомъ бою другой писатель — Марлинскій, на сочиненіяхъ котораго воспиталось цѣлое русское поколѣніе. А вотъ, нако-

нецъ и Гагры, тридцать лѣтъ несокрушимою твердыней стоявшія у воротъ нашей приморской линіи—отсюда начинается Абхазія.

Въ 22-хъ верстахъ къ сѣверу отъ Сухума, тамъ, гдѣ грандіозные отроги Кавказа врѣзываются въ самое море, есть маленькая бухта, на берегу которой выросъ и разцвѣлъ въ короткое время монастырь св. Пантелеймона. Его основали православные монахи, вышедшіе изъ Турціи и, въ память своей прежней обители, назвали его Новымъ Аеономъ.

Выбравъ для своей отшельнической жизни заброшенный и совершенно одичавшій уголокъ Абхазіи, трудолюбивые иноки счумѣли обратить его въ цвѣтущій садъ, полный рѣдкихъ въ мірѣ цвѣтовъ и растений; они завели обширныя хозяйственныя плантаціи, открыли школу, благовѣствуютъ божественное слово Христа окрестнымъ народамъ,—и, можетъ быть, не далеко то время, когда свѣточъ христіанской вѣры смягчитъ суровыя и полудикія племена Абхазіи, по имени только считающіяся христіанами. «Земля,—на которой стоитъ монастырь:—свята есть.» Здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, съ шумомъ вырываясь изъ тѣснины скалъ, падаютъ въ пропасть каскады чистой, какъ хрусталь, горной рѣки, впервые въ предѣлахъ Кавказа раздалась вдохновенная рѣчь Андрея Первозваннаго; за нимъ благовѣствовалъ евангеліе Симонъ Кананитскій, и тутъ-же, у подножія этихъ самыхъ скалъ, пріялъ онъ мученическую смерть отъ языческихъ обитателей лѣсовъ Абхазіи. Монастырь, кромѣ Новаго Аео-на, носитъ поэтому названіе и «Симона Кананитскаго.»

Утромъ 24 сентября, миновавъ древній монастырь Пицунду, едва видѣвшійся съ моря сквозь густую листву окружающихъ его сосенъ, Царская яхта стала подходить къ Новому Аеоу. Былъ одинацатый часъ утра, погода стояла прекрасная; зеркальная поверхность моря не колыхнулась, и

Царская яхта, скользя по спокойнымъ волнамъ, плавно и величаво подплывала къ берегу. Депутаціи и тысячи народа, собравшагося въ монастырь для встрѣчи Государя, установились въ порядкѣ. Почетный карауль, составленный изъ самурзаканцевъ, развернулъ свое знамя, заслуженное вѣрностію и неколебимую преданностію русскимъ Царямъ всего самурзаканскаго народа. Въ головѣ почетнаго караула стала депутація отъ города Сухума, держа въ рукахъ «хлѣбъ-соль» на серебряномъ блюдѣ; напротивъ ея, частію въ обыкновенныхъ русскихъ платьяхъ, а въ большинствѣ въ живописныхъ абхазскихъ костюмахъ, помѣстились дамы съ букетами цвѣтовъ; затѣмъ шла депутація отъ абхазскаго народа, имѣя во главѣ генераль-маіора князя Шервашидзе; а далѣе, уже до самаго монастырскаго храма, шпалерами стоялъ народъ, щеголяя богатствомъ одежды и дорогимъ оружіемъ, ярко горѣвшимъ на солнцѣ.

Когда Государь съ Императрицею, Наслѣдникомъ и Великимъ Княземъ сошли съ парохода, и шлюбка стала приближаться къ пристани, — потрясающій взрывъ радости разомъ вырвался изъ этой многотысячной толпы и прокатился по горамъ и ущельямъ Абхазіи. На пристани Государь принялъ хлѣбъ-соль отъ городской депутаціи, а Государынѣ Императрицѣ поднесены были два букета: одинъ сестрою окружнаго начальника, полковника Введенскаго, отъ сухумскихъ горожанокъ, другой — княгиней Шервашидзе отъ имени туземокъ. Поднося этотъ букетъ, княгиня сказала на грузинскомъ языкѣ:

«Позвольте Всемилостивѣшая Государыня отъ лица абхазскихъ и самурзаканскихъ женъ и матерей привѣтствовать Вашъ пріѣздъ и подвергнуть къ стопамъ Вашего Величества чувства безпредѣльной преданности къ Вамъ и Вашему Августѣйшему семейству.»

Весь путь отъ пристани до храма св. Пантелеймона, былъ усыпанъ роскошными цвѣтами и лавровыми листьями

которые бросали молодыя дѣвушки къ ногамъ Ихъ Величествъ. Государь и Государыня въ открытой коляскѣ проѣхали черезъ триумфальную арку къ монастырю и въ предверіи храма были встрѣчены слѣдующимъ задушевымъ словомъ епископа сухумскаго Геннадія:

Благочестивѣйшій Государь! Слово Божіе говоритъ: «въ свѣтломъ взорѣ Царя—жизнь, а благоволеніе Его—какъ облако съ позднимъ дождемъ.» Для насъ, жителей сего отдаленнаго, мало населеннаго, полудикаго края и то было большимъ утѣшеніемъ, что нашъ край не разъ видѣлъ знаменія Твоего къ нему благоволенія, Твоего отеческаго попеченія о его нуждахъ духовныхъ и вещественныхъ. Вотъ Ты милостиво удостоиваешь насъ Своего лицезрѣнія. И сего мало: мы имѣемъ счастье видѣть съ Тобой Августѣйшую Царицу—Мать отечества, Твоего возлюбленнаго Наслѣдника—Надежду русской земли, и второе Твое возлюбленное Чадо. Благословенно Твое пришествіе! Сія земля нѣкогда была освящена стопами св. апостола Андрея Первозваннаго; она была орошена кровью другого апостола—Симона Кананита. Возри же на нее милостиво Царскимъ окомъ Твоимъ, да живетъ и процвѣтаетъ этотъ духовно-дремлющій край подъ теплымъ лучемъ свѣтлаго Твоего взора и да будетъ благоволеніе Твое, какъ благотворное облако съ благодатнымъ позднимъ дождемъ.»

Отслушавъ краткое молебствіе и принявъ благословеніе епископа—иконы въ драгоцѣнныхъ золотыхъ ризахъ, Царственная семья отправилась на закладку собора во имя св. Пантелеймона. Если судить по планамъ, то этотъ грандіозный храмъ долженъ представить собою современемъ чудо современной архитектуры. Государь, а за нимъ Императрица положили первые камни въ его основаніе, и Государь собственноручно, при входѣ въ церковь, водрузилъ большой деревянный крестъ. Отсюда Императоръ съ Великими Князьями прошелъ пѣшкомъ по горной тропинкѣ въ церковь Симона Кананита, а Императрица, окруженная эскортомъ почетнѣйшихъ

абхазцевъ и самурзаканцевъ, имѣвшихъ во главѣ начальника округа подковника Введенскаго, прибыла туда же въ коляскѣ. Настоятель монастыря, со всею монашествующею братіею, встрѣтилъ Ихъ Величества и при церковномъ званіи благословилъ Государя иконою Симона Кананита, Императрицу иконою Скорбящей Божій-матери, и Цесаревича образомъ святителя Николая.

Самый восхительный уголокъ Новаго Аѳона — это мѣсто гдѣ стоитъ церковь Симона-Кананита. Тѣсное ущелье, скалы, низвергающійся съ нихъ водопадъ, маленькія цвѣтущія рощи изъ олеандровъ, райскихъ яблочъ и другихъ тропическихъ растений — очаровываютъ взоры. Императорская Чета долго любовалась характерными особенностями здѣшней природы, и затѣмъ, милостиво простившись съ иеромонахами, отправились въ домъ епископа, гдѣ сервированъ былъ чай. На пути, передъ зданіемъ школы, содержимой монастырскимъ иждивеніемъ, Ихъ Величества встрѣчены были учениками, пропѣвшими по-русски народный гимнъ. Несмотря на то, что въ числѣ ихъ было только двое русскихъ, а остальные абхазцы, самурзаканцы, мингрельцы и даже сванеты. Откушавъ у епископа чай и сдѣлавъ въ Ново-Аѳонскій монастырь значительный вкладъ, Императорская Чета возвратилась на пароходъ; народъ провожалъ Ее шумными оваціями, на которыя только способно пылкое азіатское населеніе. Величіе Государя и царственная простота Императрицы равно поразили Абхазцевъ; особенно изумляло князей дорожное ситцевое платье Государыни. «Жаль, что съ нами гдѣтъ нашихъ княгинь — замѣтилъ одинъ изъ нихъ; — онѣ убѣдились бы, что носить ситцевыя платья совсѣмъ постыдно».

Эскадра еще долга стояла на рейдѣ, и уже поздною ночью прошла мимо Сухума, представлявшаго собою волшебную картину въ буквальномъ смыслѣ этого слова; онъ точно плавалъ въ огненномъ морѣ, а кругомъ — на всѣхъ горахъ пылали громадные костры, фантастическимъ свѣтомъ озарявше

дивную панораму. Это былъ воздушный привѣтъ—говорить корреспонденція «Новаго Обозрѣнія,»—посылаемый Государю вѣрными сухумцами.

Темная ночь съ мириадами звѣздъ на безоблачномъ небѣ смѣнила жаркій день свѣжестью и прохладою. Императорская семья долго оставалась на палубѣ, любуясь ярко освѣщеннымъ Сухумомъ, мимо котораго «Москва» прошла только около полуночи,—эскадра шла малымъ ходомъ, чтобы быть въ Батумъ къ 9 часамъ утра. Ночью же миновали Редутъ-кале и Поты, а къ утру на горизонтѣ стали выясняться батумскія горы и ущелья, покрытыя лѣсомъ. Вотъ и знаменитый, никѣмъ неодолимый Цихис-дзири—мрачный свидѣтель неудачъ и рядомъ съ ними, по истинѣ, геройскихъ подвиговъ кавказскихъ богатырей временъ Паскевича и послѣдней турецкой войны. За Цихис-дзири открылся и Батумъ.

Ликуетъ сегодня Батумъ—этотъ младшій изъ всѣхъ городовъ Закавказья. На его долю выпало счастье первому въ этомъ краю встрѣтить Державнаго хозяина русской земли,—и Батумъ сдѣлалъ все, чтобы создать ему достойный пріемъ. Во всю свою ширь—отъ низкаго берега до высокихъ горъ,—разукрасился онъ неисчислимымъ количествомъ флаговъ всѣхъ національностей, арками, гирляндами, цвѣтами и массою дорогихъ экзотическихъ растений. Бѣдная турецкая деревушка за десять-одиннадцать лѣтъ до настоящаго дня, Батумъ, со времени присоединенія его къ Россіи, выросъ въ цвѣтущій европейскій городъ, съ торговымъ портомъ и грозными батареями, готовыми защищать его отъ вражескаго нашествія. Разнохарактерныя толпы людей, представлявшія собою смѣшеніе лицъ, одеждъ и національностей, съ восходомъ солнца вперили свои взоры въ далекую синеву моря и ждали-не-дождались Высокихъ гостей. Было такъ тихо, что голубая, неоглядная даль, вмѣстѣ съ насупившимися позади горами, точно засты-

ла въ ожиданіи торжественной минуты, и только одни волны, глухо шумя, набѣгали на отмели веселаго берега. Но вотъ, на горизонтѣ сталъ обрисовываться силуэтъ Царской яхты. Въ 9 часовъ утра Императорскій штандартъ взвился на ея гротъ-мачтѣ, и въ тотъ же моментъ вся эскадра, точно опоясавшись бѣлыми клубами дыма, грянула изо всѣхъ орудій; гулъ салюта понесся далекимъ перекатнымъ эхомъ по горнымъ скаламъ и ущельямъ, и еще не замеръ, какъ грохнули орудія со всѣхъ батумскихъ укрѣпленій.

«Москва» медленно входила въ гавань.

Первыми привѣтствовали на пристани Батума Императорскую Чету Кутаисскій военный губернаторъ Гроссманъ, поднесшій Государынѣ букетъ цвѣтовъ, командиръ крѣпости генераль-маіоръ Колодѣевъ, одинъ изъ ветерановъ славныхъ кавказскихъ войнъ. Далѣе, подъ шелковымъ наметомъ, убраннымъ персидскими коврами и восточными матеріями, Императора встрѣтили военныя и городскія власти, консулы иностранныхъ державъ, дамы и депутаты Батума и Артвинскаго округа; послѣдніе въ своихъ восточныхъ костюмахъ, въ чалмахъ и фескахъ. Городской голова, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гавронскій, съ двумя ассистентами, поднесъ хлѣбъ-соль. «Городъ Батумъ—сказалъ онъ:—имѣетъ счастье поднести Вашимъ Императорскимъ Величествамъ хлѣбъ-соль»,—и затѣмъ, принявъ изъ рукъ ассистента букетъ цвѣтовъ, подалъ его Императрицѣ со словами: «Ваше Императорское Величество! Осчастливьте городъ Батумъ принятіемъ отъ него этого букета». Городское блюдо, поднесенное головою, —серебряное, въ ахалцыхскомъ стилѣ и отличается тремя прекрасно исполненными на немъ рисунками: въ серединѣ изображена батумская гавань; въ бухтѣ ея стоятъ паровыя и парусныя суда, а на берегу огромный резервуаръ для керосина,—эмблема главнаго продукта здѣшней отпускной торговли; вдали—живописныя горы. Въ боковыхъ медаліонахъ—видъ турецкой мечети Азизіе и надпись: «1878 г.», т. е. годъ занятія Бату-

ма русскими войсками; въ другомъ — видъ будущаго городско-го собора во имя Александра Невскаго. Солонка представляет собой кукурузникъ, какъ мѣсто храненія кукурузы — главнаго хлѣбнаго растенія этого края.

За городскимъ головою стояли представители Артвинскаго округа. Генераль-маіоръ Шерифъ-бекъ-аджарскій, отъ ихъ лица, поднесъ хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ и сказалъ по-грузински: «Осчастливте Ваше Императорское Величество принятіемъ хлѣба-соли отъ Вашихъ младшихъ дѣтей.» Артвинское блюдо въ томъ же родѣ, что и батумское: въ серединѣ его государственный гербъ, отъ котораго ниспадають внизъ лучи свѣта, озаряющіе собою часть Черноморскаго побережья, надъ которымъ изображены столбъ правосудія, крестъ и луна, какъ эмблемы христіанскихъ и мусульманскихъ подданныхъ русскаго Государя. Кругомъ арабская надпись: «Мы счастливы, находясь подъ властію столь Справедливаго, Могущественнаго и Великаго Монарха». Солонка сдѣлана изъ чистаго золота и представляетъ миниатюрную модель каюка (мѣстной лодки) съ веслами. Когда Императорская Чета обошла всѣ депутаціи и приблизилась къ дамамъ, княгиня Эристова, супруга помощника Кутаисскаго военнаго губернатора, поднесла Императрицѣ букетъ.

Съ пристани Государь вмѣстѣ съ Государынею въ открытой коляскѣ отправились къ маленькой деревянной церкви во имя Архистратига Михаила — единственному православному храму въ Батумѣ. У церковной ограды Его Величество принялъ почетный караулъ отъ Пластунскаго баталіона, а затѣмъ въ предверіи храма привѣтствовалъ былъ мѣстнымъ епископомъ Григоріемъ слѣдующею рѣчью:

«Благочестивѣйшій Государь! Въ первый разъ по возвращеніи сего, нѣкогда христіанскаго, края въ лоно православія, Всемогущій Богъ судилъ намъ лицезрѣть своего Царственнаго Искупителя, русскаго Самодержца, и Его Августѣйшую семью. Въ эту торжественную и счастливую для насъ

минуту, къ чувству безграничной благодарности за всѣ жертвы, понесенныя на пользу этого края, за всѣ щедроты и милости, на него излитыя, въ признательныхъ нашихъ сердцахъ присоединяется святое чувство любви и благоговѣйной преданности Тебѣ, нашему любвеобильному Отцу и Благодѣтелю. Да возвеселится Царь о силѣ Господней, и мы, сынове Сіони, да возрадуемся о Царѣ своемъ. Приди возлюбленный Монархъ и шествуй побѣдоносно по пути добра и свѣта по обширному Твоему царству, среди радостныхъ вѣликовъ миллионовъ любящихъ Тебя устъ, внося всюду миръ и утѣшеніе. Благословенъ грядый во имя Господне!»

Отслушавъ божественную литургію, Ихъ Величества отправились на городскую площадь, гдѣ должна была совершиться закладка новаго собора во имя Благовѣрнаго князя Александра Невскаго. На площади расположились войска батумскаго гарнизона, а на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ возникнуть храмъ истинному Богу, во свидѣтельство народамъ, отпавшимъ, подъ гнетомъ тяжкаго ига, отъ вѣры своихъ отцовъ,—стоялъ церковный наметъ, окруженный знаменами войскъ и хоругвями. Когда совершилось краткое молебствіе, и Государь, со всѣми членами своей Августѣйшей семьи, положилъ первый камень въ основаніе храма, преосвященный Григорій обратился къ нему съ слѣдующимъ словомъ:

«Двѣсти слишкомъ лѣтъ тяготѣли поклонники лже-пророка надъ православнымъ этимъ краемъ. Но пробилъ часъ радостный, и десницей русскаго Царя совершилось чудо: словно подъ мановеніемъ жезла Моисеева, разоренный край этотъ воскресъ и преобразился любвеобильнымъ попеченіемъ Твоимъ и Твоего блаженнаго Родителя; пало царство неправды и тамъ, гдѣ сотни лѣтъ господствовалъ необузданный произволъ, царствуютъ нынѣ правда и милость. Тамъ, гдѣ прозябали народы въ бѣдности и невѣжествѣ, насаждены нынѣ блага просвѣщенія, добытыя тысячалѣтнею христіанскою жизнію. Пройдутъ годы и вслѣдъ за этимъ храмомъ возсіяетъ крестъ Господень

и надъ развалинами тѣхъ дивныхъ памятниковъ христіанскаго искусства, которыми усѣянъ этотъ край,—и возсіетъ не силою меча, а силой свѣта, силой убѣжденія, силой божественной благодати. Жезлъ силы пошлетъ Ти Господь отъ Сіона и господствуй посреде враговъ Твоихъ.»

Начался благодарственный молебень. Государь и Государыня первые преклонили колѣна, а всѣдъ за ними—войска и народъ. Минута была торжественная. Тишина была полная и далеко на всю площадь слышенъ былъ голосъ преосвященнаго мѣрно и благоговѣнно произносившаго слова молитвы.

Послѣ закладки храма, когда знамена вступили въ свои мѣста и крестный ходъ удалился, Ихъ Величества пѣшкомъ прошли черезъ площадь къ царскому павильону,—и войска двинулись церемоніальнымъ маршемъ. Парадъ былъ небольшой—три роты Черноморскаго полка, сотня пластуновъ, двѣ роты Батумскаго мѣстнаго баталіона, баталіонъ крѣпостной артиллеріи и два взвода, пѣшіи и конный, пограничной стражи.

Смотръ окончился въ первомъ часу пополудни. Жара была невыносимая. Императорская фамилія возвратилась на пароходъ, куда къ императорскому завтраку были приглашены многіе представители военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, духовныя лица и туземные беки.

Несмотря на палящій зной, Государь, вмѣстѣ съ Императрицею, въ три часа пополудни снова выѣхалъ въ городъ, гдѣ посѣтилъ военный госпиталь и потомъ городской садъ, носящій имя Императора Александра III. Въ саду, находящемся подъ особымъ попечительствомъ вице-адмирала Греве, Царственные гости оставались болѣе получаса, любуясь пышною растительностію края, и въ память своего посѣщенія собственноручно посадили въ саду нѣсколько деревьевъ. Такъ, Государь Императоръ выбралъ для себя красивый экземпляръ магноліи, Императрица—аврокарію; Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ посадили гималайскіе кедры.

Выростуть эти деревья, и съ благоговѣніемъ будутъ смотрѣть на нихъ потомки нынѣшнихъ батумцевъ, вспоминая радостный день, пережитый ихъ отцами 25 сентября 1888 года.

Изъ сада Ихъ Величества проѣхали черезъ Маринскій проспектъ, Дондуково-Карсаковскую улицу и затѣмъ, вдоль городского бульвара—къ Михайловской крѣпости, у турокъ—Бурунъ-Табія. Здѣсь Ихъ Величества поднялись на брустверь и съ высоты его любовались роскошною панорамою бухты, города и окрестностей. Государь разсматривалъ подробные планы Михайловскихъ укрѣпленій, обошелъ грозныя батареи, уставленныя крѣпостными орудіями и произвелъ небольшое артиллерійское ученье. Широкая лѣстница, устроенная для вихода Государыни на брустверь, была художественно и чрезвычайно оригинально декорирована артиллерійскими предметами. Гранаты, бомбы, металлическіе патроны, пули, тесаки, пороховыя бочки—все пошло въ дѣло, и въ общемъ получилась необыкновенно красивая, эффектная картина.

По осмотрѣ Бурунъ-Табіи, Императорская Чета на особомъ желѣзно-дорожномъ поѣздѣ отправилась въ артиллерійскій городокъ, гдѣ были осмотрѣны артиллерійскіе склады и сараи береговой артиллеріи. Артиллерійскій городокъ былъ убранъ прекрасно; но особенно эффектно устроены были вензеля Ихъ Величествъ и Цесаревича. Такъ, буква А вся составлена была изъ стальныхъ винтиковъ, М—изъ мѣдныхъ и Н.—изъ мѣдныхъ и стальныхъ попережку. Ихъ Величества милостиво обратили вниманіе на эту изящную работу и выразили свое удовольствіе артиллерійскому чиновнику Коровицыну.

На обратномъ пути поѣздъ, по желанію Государя, шель тихо, и Ихъ Величества все время любовались живописными видами окрестностей и богатою южною растительностію. На пристани, между тѣмъ, собрались всѣ воспитанники учебныхъ городскихъ заведеній (въ большинствѣ турки и лазы) и привѣтствовали появленіе Государя народнымъ гимномъ «Боже

Царя храни.» Императорская Чета обласкала дѣтей и возвратилась на пароходъ.

Такъ закончилось пребываніе Царственной семьи на Черноморскомъ побережьѣ. Въ 6 часовъ пополудни Ихъ Величества милостиво простившись съ командою «Москвы», перешли въ вагоны, и поѣздъ, при громовомъ салютѣ съ Михайловской крѣпости, вышелъ изъ Батума.

Пребываніе Императора и Императрицы въ этой отдаленной, можно сказать, только что присоединенной къ Россіи землѣ, оставило въ народѣ сильное впечатлѣніе. Съ самаго приѣзда Государя народъ ни на одну минуту не расходился съ улицъ. Гдѣ бы не появлялась Императорская Чета, всюду встрѣчали ее, тѣснились къ ней тысячныя массы народа, оглашавшія воздухъ восторженными криками. Послѣ отъѣзда Государя городъ роскошно иллюминировался, и счастливые батумцы ликовали и праздновали великій день 25 сентября до глубокой ночи.

Утромъ 26 сентября Императорскій поѣздъ, на пути изъ Батума къ Тифлису, сталъ подходить къ станціи Михайлово. Здѣсь, какъ въ пунктѣ, гдѣ сосредоточиваются дороги изъ Ахалцыха, Ахалкалакъ, Ардагана и Ольты, назначенъ былъ большой смотръ и приемъ депутацій отъ сосѣднихъ уѣздовъ и племенъ, населявшихъ до войны турецкіе санджаки.

Въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Михайлова, на обширной полянѣ, лежащей почти у входа въ знаменитое Боржомское ущелье, стоялъ обширный лагерь. Бѣлыя палатки красиво были убраны зелеными гирляндами, обставлены со снами и пестрѣли тысячами флаговъ,—издали точно фаланга рыцарей, вооруженныхъ копьями, съ развѣвающимися на нихъ флюгерами. Видъ съ этого поля восхитительный. Съ одной стороны, весь залитый лучами солнца, горитъ и искрится ледяной вѣнецъ Казбека, царственно поднимающійся надъ

длинною цѣпью сѣдыхъ кавказскихъ вершинъ, мѣстами уже засыпанныхъ снѣгомъ. Съ другой стороны—встаютъ высокія лѣсистыя горы, образующія собою знаменитое въ Грузіи Боржомское ущелье. На ихъ откосахъ красиво пестрѣютъ, разбросанныя здѣсь и тамъ, грузинскія деревушки съ круглыми, полуразвалившимися отъ времени, башнями и съ бѣлыми церквами, рельефно выдѣляющимися на темномъ фонѣ сосновыхъ лѣсовъ. А у подошвы этихъ горъ, глубоко внизу, прядая черезъ камни, бѣшено несется Кура, и грохотомъ своимъ далеко оглашаетъ окрестность. Много-много на этой мѣстности разыгралось историческихъ событій. Съ небольшимъ полъвѣка тому назадъ это поле было пограничнымъ рубежомъ Россійской Имперіи. Начинаящееся за нимъ Боржомское ущелье уже принадлежало туркамъ. Первобытная глушь широко раскрывала тогда передъ путникомъ свои мощныя объятія, и съ трепетомъ сердца пускался одиночный всадникъ черезъ эти пустынные и дикія мѣста, гдѣ, какъ звѣрь, подстерегалъ свою добычу хищный лезгинъ. Но прошло полъвѣка, и Боржомъ сдѣлался «Перломъ Кавказа.» Среди угрюмыхъ скалъ и дикихъ лѣсовъ его появились дворцы и роскошныя дачи, служащія убѣжищемъ городскому жителю, истомленному лѣтнимъ зноемъ благословенной Иверіи.

26 сентября, съ ранняго утра, красивый, празднично убранный лагерь пришелъ въ необычайное движеніе. Въ этотъ день войска ожидали прибытія Императора и готовились предстать на царскій смотръ, всегда составляющій эпоху въ жизни нашихъ армейскихъ полковъ. Въ 8 часовъ утра, по условному сигналу, войска выступили изъ лагеря. Мѣрный гулъ идущей пѣхоты смѣшался съ грохотомъ орудій, съ топотомъ коней. Еще часъ—и неподвижныя, стройныя линіи войскъ рельефно выдѣлились на яркомъ фонѣ зеленого луга. Впереди стояла пѣхота, за нею построилась полевая артиллерія, а еще далѣе, въ третьей линіи, стали казаки съ конною батареею. Всего въ строю находилось 18 баталіоновъ пѣхоты, че-

тыре сотни и 102 орудія. Всѣми войсками командовалъ начальникъ 39 пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ фонъ-Шакъ, старый кавказскій офицеръ, одинъ изъ выдающихся героевъ минувшей войны, украшенный Георгіемъ на шеѣ.

Но изъ всѣхъ частей войскъ, собранныхъ для Высочайшаго смотра, обращала на себя особое вниманіе 1-я резервная туземная дружина, составленная изъ армянъ и частью грузинъ, впервые призванныхъ еще на служеніе общему отечеству ихъ—Россіи. Это самая юная часть изъ всей русской арміи; она сформирована въ минувшую осень и только въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года получила ружья. Несмотря на короткій срокъ, молодецкій видъ дружины не оставлялъ желать ничего лучшаго. Въ своихъ короткихъ черныхъ черкескахъ, перетянутыхъ ремнями, съ бурками, увязанными за спиною въ видѣ ранцевъ, они представляли дѣйствительно эффектную картину и возбуждали общій восторгъ туземцевъ, съ гордостію смотрѣвшихъ на стройные, могучіе ряды своихъ соплеменниковъ.

За полъ-часа до приѣзда Государя, войска объѣхалъ Великій Князь фельдмаршалъ Михаилъ Николаевичъ, прибывшій въ Михайлово наканунѣ, вмѣстѣ съ Великими Князьями Михаиломъ и Сергіемъ Михайловичами. Но вотъ вдали, чуть видимый глазомъ, пронесся Императорскій поѣздъ,—и тысячи сердецъ, исполненныхъ радости и счастья видѣть Августѣйшаго Монарха, замерли въ ожиданіи.

Ровно въ 10 часовъ поѣздъ остановился у станціи. Принявъ на дебаркадерѣ почетный рапортъ отъ исправляющаго должность тифлискаго губернатора камергера князя Шервашидзе, Ихъ Величества пересѣли въ приготовленные для нихъ экипажи и отправились на военное поле. При вѣздѣ въ селеніе Михайлово—въ старину Хошури,—примыкающее какъ-разъ къ станціи желѣзной дороги, Ихъ Величества проѣхали подъ триумфальной аркой, увѣнчанной статуєю славы и красиво убранной зеленью и флагами. Са-

мая деревня и станція желѣзной дороги также были разцвѣчены флагами, коврами, гирляндами и кавказскими пальмами. У мѣстной школы стояли мальчики и дѣвочки. Жители, конные и пѣшіе, толпами тянулись по всему протяженію улицъ, по боржомскому шоссе и покрывали часть военного поля, гдѣ была устроена и эстрада для зрителей. При появленіи Императора грянуло «ура» и сопровождало царскій поѣздъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

По прибытіи на военное поле, Ихъ Величества объѣхали войска. Императоръ былъ верхомъ, въ походной формѣ, въ сюртукѣ и шарфѣ; Императрица ѣхала въ открытой коляскѣ, на парѣ воронныхъ рысаковъ. Блестящая свита сопровождала Государя, и восторженное «ура» нескончаемою волной переливалось по рядамъ и линіямъ.

По объѣздѣ войскъ Ихъ Величества остановились у павильона, представляющаго видъ маленькаго дворца; здѣсь одинъ изъ строителей его, Бакинскаго полка подполковникъ Лазаревъ, поднесъ Императрицѣ букетъ цвѣтовъ. Затѣмъ начался церемоніальный маршъ. Его Высочество генераль-фельдмаршалъ провелъ передъ Государемъ свой Черноморскій полкъ; потомъ прошли два баталіона пятигорцевъ; а за ними въ густыхъ колоннахъ двинулись полки 39-й дивизіи. Стройно шли и внушительно смотрѣли длинныя линіи взводовъ этой авангардной дивизіи, содержимой постоянно въ военномъ составѣ и расположенной на далекой окраинѣ Кавказа. Впереди — бакинцы со своимъ шефомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, потомъ дербентцы, кубинцы и наконецъ Елисаветпольскій полкъ — этотъ дозорный стражъ Россіи, пріютившійся на семи-тысячной высотѣ Саганлугскихъ горъ, большую часть года засыпанный снѣгомъ. За боевыми полками прошла молодая туземная дружина — и прошла превосходно.

Тотчасъ-же за пѣхотою двинулись одна за другою восьми-орудійныя батареи 38-й и 39-й артиллерійскихъ бригадъ — доблестныя участницы и, не разъ, вернителъницы славныхъ

битвъ Кавказской арміи. Молодцами смотрѣли артиллеристы, голова въ голову шли добрые кони, и одна въ одну натягивались постропки подъ искуснымъ управленіемъ ловкихъ ѣздовыхъ.

За артиллерією проѣхалъ посотенно шагомъ сводный казачій полкъ, составленный изъ двухъ сотенъ Кубанскаго и двухъ сотенъ Горско-Моздокскаго полковъ, снятыхъ съ отдаленныхъ пограничныхъ кордоновъ Олыты и Кара-Курта. Шествіе войскъ заключилось лихою конною батареею (№ 2) Кубанскаго казачьяго войска. Государь благодарилъ каждую часть отдѣльно и затѣмъ, отозвавшись въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о состояніи войскъ Михайловскаго лагеря, благодарилъ командующаго войсками генераль-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, командира 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса генераль-лейтенанта князя Чавчавадзе и командовавшаго лагеремъ генераль-лейтенанта фонъ-Шака.

По окончаніи смотра Его Величество сошелъ съ коня и вмѣстѣ съ Государыней-Императрицей направился къ депутаціямъ, повергшимъ свои вѣрноподданническія чувства къ стопамъ Монарха. Депутаціи представлялись отъ Карсской области, Ахалцыхскаго и Ахалкалакскаго уѣздовъ. Во главѣ Карсской депутаціи находился кади—почетное духовное лицо изъ города Карса. Сѣдой, какъ лунь, почтенный старикъ имѣлъ на груди турецкій орденъ Меджидіе за услуги, оказанныя турецкому правительству въ минувшую войну, и двѣ серебряныя медали на синихъ лентахъ съ красными полосками: одна изъ этихъ медалей въ память блокады Карса въ 1855 году, другая—за храбрость при отраженіи штурма 17 сентября того-же 1855 года. Какъ живой свидѣтель минувшихъ событій, кади охотно передавалъ свои воспоминанія о тяжелыхъ дняхъ, пережитыхъ карскимъ гарнизономъ во время муравьевской блокады и о послѣднемъ штурмѣ 6 ноября 1877 года, поведшимъ за собою паденіе Карсской твердыни. Рядомъ съ нимъ стоялъ молодой Курбанъ-ага, сынъ того Аджи-Вали-

аги, который былъ казненъ турками въ 1877 году за преданность Россіи. Остальные депутаты были изъ Ардагана, Ольги, Шурагеля и Кагызмана. Особенно бросались въ глаза три курда въ своихъ красиво расшитыхъ золотыхъ бурнусахъ, накинутыхъ на плечи въ родѣ гусарскихъ ментиковъ, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія и со щитами, прикрѣпленными къ лѣвой рукѣ; были здѣсь также и представители карапаховъ, въ черныхъ остроконечныхъ шапкахъ, отъ которыхъ собственно и произошло ихъ названіе. Ахалцыхская депутація состояла изъ городского головы города Ахалцыха, двухъ членовъ городской управы и трехъ почетныхъ жителей. Изъ Ахалкалакъ были татарскіе беки, прямые потомки знаменитаго Мута-бека, взятаго въ плѣнъ при штурмѣ Ахалкалакъ графомъ Паскевичемъ и оказавшаго потомъ русскимъ громадные услуги во время войны 1828 года; затѣмъ были армяне и, наконецъ, представители сектантовъ—духоборы и малакане.

Послѣ приема депутацій послѣдовалъ Высочайшій завтракъ, къ которому были приглашены всѣ начальствующія лица, до полковыхъ и батарейныхъ командировъ включительно, а равно и нѣкоторые почетныя лица изъ депутацій. Павильонъ, гдѣ сервированъ былъ завтракъ, обращалъ на себя вниманіе изяществомъ и художественностію своей отдѣлки. Онъ состоялъ изъ двухъ легкихъ зданій, связанныхъ между собою открытою галлереею. Въ первомъ зданіи три комнаты: при входѣ вестибюль, направо—уборная Императрицы, отдѣланная чрезвычайно изящно, хотя и просто, бѣлымъ полотномъ съ русскими вышивками; налѣво—открытая ложа, убранная полосатымъ тикомъ, изъ которой Ея Величество изволила смотрѣть на проходившія мимо войска. Галлерей предназначена для Высочайшаго завтрака; во второмъ зданіи помѣщается буфетъ. Построенъ павильонъ въ чисто русскомъ вкусѣ и богато украшенъ тонкою и затѣливою рѣзбою съ конькомъ и пѣтушками; особенно хороша была галлерей, которая по своей легкости казалась просто воздушною. Весь вестибюль былъ

убранъ щитами, украшенными зеленью и военною арматурой, перевитой георгиевскими лентами. Эти щиты представляли собою какъ бы боевую хронику всѣхъ частей, участвовавшихъ на Высочайшемъ смотру, и подъ именами полковъ пестрѣли славныя названія: Гюльявердинскія высоты, Ардаганъ, Аладжа, Авляръ, Карсъ, Деве-Бойна, Арзерумъ, Цихис-дзири. Рѣдко встрѣчались имена минувшихъ войнъ: Ушаганъ, Пенякъ, Бюрюкъ-Дара, свидѣтельствуя тѣмъ о молодомъ составѣ полковъ и о тѣхъ знакахъ отличій, которыя перешли въ новыя части вмѣстѣ со старыми кадрами.

Во время Высочайшаго завтрака народъ плотною стѣною окружалъ павильонъ, едва оставляя мѣсто для проѣзда Императорскихъ экипажей. Въ исходѣ перваго часа Государь Императоръ вмѣстѣ съ Императрицею вышли изъ павильона и, при восторженныхъ крикахъ народа, бросившагося къ царской коляскѣ, отправились въ Боржомъ. Здѣсь, въ имѣннѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, въ тѣсномъ семейномъ кругу, Царская семья провела сутки и вечеромъ 27 сентября возвратилась обратно въ Михайлово. Отсюда Императорскій поѣздъ ночью отошелъ къ Тифлису.

V.

Т И Ф Л И С Ъ.

Ярко возшло надъ Тифлисомъ солнце 28 сентября и теплыми, мягкими лучами облило окрестныя скалы, просыпающіяся улицы шумнаго города и молчаливую обитель св. Давида, пріютившуюся на склонѣ величавой горы Мта-цминды. Сегодня великій день въ судьбахъ стараго, тысячилѣтняго Тифлиса. Многихъ бурь и скорбей была исполнена эта долгая жизнь маститаго старца; но къ великой чести своей, онъ, и посреди мрачнаго сонма бѣдствій, сохранилъ у себя все святое, что украшало его молодость и что освѣщаетъ его старость. И вотъ, это-то все святое, высокое и хорошее сконцентрировалось вмѣстѣ, чтобы утонуть въ одной мысли, въ одномъ желаніи взглянуть сегодня глубоко-благодарными и счастливыми очами на Вѣнценосца Россіи. Эти чувства уже пережиты и переиспытаны молодыми городами Кавказа, — и теперь очередь была за старымъ Тифлисомъ. Тифлисъ сердце Грузіи, и потому въ немъ, какъ въ сердцѣ, должны были еще живѣе откликнуться высокія чувства, одушевляющія всю Иверійскую страну, искони вѣрную своимъ царямъ, искони обращающую свои взоры, полныя ожиданія на сѣверъ. Есть нѣчто общее въ судьбахъ Россіи и Грузіи и, можетъ быть, потому-то изъ

всѣхъ національностей, вошедшихъ въ кругъ нашего отечества, не найти нигдѣ русскому человѣку столь искренней и братской дружбы, какъ въ сердцѣ грузина. И Русь, и Грузія подружались еще въ тѣ дни общей скорби, когда съ поникшимъ челомъ носили яссака въ Золотую Орду и тамъ встрѣчались. А дружба, завязанная въ общемъ несчастіи, глубока и несокрушима, какъ братство. И, дѣйствительно, когда Грузія въ минуту горькой судьбины пришлось искать опоры и помощи—она нашла ее подъ скипетромъ Русскихъ Царей, давшихъ ей покой и забвеніе прошлаго. Теперь понятны будутъ тѣ чувства, которыя подняли сегодня на ноги стотысячный городъ и двинули его навстрѣчу своему Царю.

И вотъ, съ ранняго утра все населеніе Тифлиса высыпало на улицы и заняло громадное пространство отъ Сіонскаго собора до самаго вокзала желѣзной дороги. Не было окна, балкона, галереи, или плоской кровли, гдѣ не виднѣлись бы десятки людей; даже заборы, и тѣ усѣяны были народомъ, хлопотавшимъ только о томъ, какъ можно лучше, увидѣть Царя и Царицу. Войска безъ оружія и аммуниціи стояли шпалерами; а за ними, отъ конца Елисаветинской улицы до подъѣзда вокзала, расположились ремесленные цехи и амкары съ своими знаменами и устабашами. Среди оригинальнаго убранства, присвоеннаго каждому цеху, особенно выдавался цехъ оружейниковъ, явившихся во всеоружіи древности: ихъ ржавые панцири, тяжелые шлемы, круглые щиты, аллебарды, палицы и широкіе мечи—такъ и переносили васъ въ эпоху крестовыхъ походовъ.

Когда надъ оживленными и движущимися толпами народа вѣютъ эти знамена амкаровъ—остатки средневѣкового быта, невольно приходитъ на мысль минувшая исторія Грузіи. Какъ прежде, такъ и теперь, подъ сѣнію этихъ знаменъ передъ вами идутъ представители цеховъ почтенные, сѣдые устабаша; въ ихъ памяти еще свѣжи рассказы отцовъ о тѣхъ тяжелыхъ временахъ, когда военныя тревоги невольно

превращали мирныхъ амкаровъ въ воинственныхъ наѣздниковъ, и когда эти самыя значки и знамена вѣяли не только надъ мирными процессіями, но и на поляхъ сраженій; когда мастеровые бросали ремесла и брались за оружіе, при грозной вѣсти о близости полчищъ персидскаго шаха или нашествія лезгинъ. Теперь настали другіе времена, и устабаши уже не поведутъ на брань съ врагами отчизны своихъ покорныхъ амкаровъ; но зато ихъ оружіемъ создается благоденствіе края.

Въ то время, какъ народъ располагался по пути царскаго шествія, на дебаркадерѣ желѣзной дороги собирались представители власти и интеллегенціи Тифлиса. Здѣсь были генераль-адъютанты: Шереметевъ, князь Меликовъ и свѣтлѣйшій князь Дадіани; потомъ, только что прибывшіе изъ Петербурга: оберъ-церемоніймейстеръ Двора князь Долгоруковъ, оберъ-гофмаршалъ князь Трубецкой, и главноуправляющій Собственною канцелярією Ея Величества по учрежденіямъ Императрицы Маріи статсъ-секретарь Дурново; тутъ же находились: исправляющій должность тифлискаго губернатора камергеръ князь Шерванидзе, тифлисскій комендантъ генераль-маіоръ Эрнстъ, попечитель Кавказскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Яновскій и другія высокопоставленныя лица. Въ роскошномъ залѣ, посреди массы тропическихъ растений, гирляндъ и живыхъ цвѣтовъ, размѣстились представительницы высшаго тифлискаго общества. Богатыя туземныя костюмы и скромныя, безъ всякой претензіи на роскошь, европейскія платья, смѣшавшись въ контрастѣ устойчиво-старыхъ и переменчиво-новыхъ модъ, эффектно пестрили общую картину.

На самой платформѣ выстроился почетный караулъ изъ князей и дворянъ Тифлисской губерніи. Въ головѣ его—маститый предводитель дворянства генераль-лейтенантъ князь Багратіонъ-Мухранскій. Онъ—въ отставномъ мундирѣ, съ Георгіемъ на шеѣ,—славная память славнаго участія на челѣ

гренадерской бригады въ Башъ-кадыкъ-ларской битвѣ. Почетный караулъ одѣтъ въ роскошные національные костюмы. Бархатные всѣхъ цвѣтовъ полукафтаны (куладжа) оторочены куннымъ мѣхомъ, шелковые бешметы, атласныя широкія, шумящія при каждомъ движеніи, шаровары, бѣлыя замшевыя сапоги съ золотыми застежками—и на головахъ высокія барашковыя папахи. Оружіе, пояса, перевязи и патронташи—все такъ и горитъ серебромъ и золотомъ. Шельъ, золото и бархатъ, преобладающіе въ костюмѣ грузина, менѣе всего напоминаютъ боевую простоту одежды кавказскаго горца, но и подъ этимъ паружнымъ блескомъ, какъ въ старину, такъ и теперь, бьется мужественное горячее сердце. Оно положило отпечатокъ на типичное, энергическое лицо грузина и, глядя на этотъ почетный караулъ молодыхъ грузинскихъ дворянъ, зритель невольно отдается цѣльности пріятнаго впечатлѣнія.

За почетнымъ карауломъ стоятъ: уѣздные предводители дворянства, городской голова, члены управы, гласные. Дворянство и представители города подносятъ Государю хлѣбъ-соль. Оба блюда массивныя, серебряныя; но городское украшено фресками въ старо-армянскомъ церковномъ стилѣ, и самые рисунки орнаментовъ взяты съ развалинъ древняго храма въ городѣ Ани. На этомъ блюдѣ—Тифлисскій гербъ: двѣ руки, держащія крестъ св. Нины, попирающій полумѣсяцъ; въ углахъ креста—львиныя головы. Въ переводѣ съ геральдическаго языка получится мысль: «Тифлисъ мужественно и побѣдоносно поддерживалъ вѣру».

Въ вокзалѣ и на дебаркадерѣ идетъ гулъ отъ несмолкаемаго говора все прибывающей и прибывающей публики... А тѣмъ временемъ Императорскій поѣздъ уже вышелъ изъ Мцхета и подходитъ къ Тифлису. Сѣрѣя, липенныя растительности горы обступаютъ кругомъ глубокую котловину, надъ которой несется Кура, и взору, только что любовавшемуся живописными окрестностями Батума и Кутаиса, не на чѣмъ остановить свое вниманіе. Но вотъ сигнальный рожокъ

возвѣстить, что поѣздъ миновалъ уже послѣдній полустанокъ. Все смолкло, и взоры всѣхъ обратились въ ту сторону, откуда должны прибыть желанные Гости.

Трудно описать тотъ моментъ, когда Государь вмѣстѣ съ Императрицею вступилъ на платформу. Среди благоговѣйной тишины пронеслась команда, караулъ отдалъ честь—и въ ту же минуту долго сдерживаемое, дружное «ура», вырвавшееся изъ тысячи грудей, повалилось по дебаркадеру. Государь поздоровался съ почетнымъ карауломъ и приблизился къ губернскому предводителю. Князь Багратіонъ-Мухранскій поднесъ отъ дворянства хлѣбъ-соль. Государь милостиво принялъ ее и сказалъ: «Благодарю васъ, князь, я очень радъ, что мнѣ удалось наконецъ побывать на Кавказѣ».

Затѣмъ хлѣбъ-соль была поднесена отъ города, при чемъ городской голова Матиновъ привѣтствовалъ Государя слѣдующею рѣчью:

«Городъ Тифлисъ, поднося хлѣбъ-соль, повергаетъ въ стопы Вашего Императорскаго Величества безграничную признательность свою за то высокое счастье, какое Вашему Величеству благоугодно было оказать населенію нашего края настоящимъ посѣщеніемъ.

«Велика радость многоплеменнаго, но одинаго въ вѣрно-подданическихъ чувствахъ, населенія нашего города лицезрѣть вмѣстѣ съ Вашимъ Величествомъ Всемилостивѣйшую нашу Государыню-Императрицу съ Августѣйшею семьею.

«Государь! Древній христіанскій городъ благословляетъ пріѣздъ Вашихъ Императорскихъ Величествъ и молитъ Всевышняго да продлитъ Онъ драгоцѣнную жизнь Вашу на славу отечества и дальнѣйшее преуспѣяніе вѣрноподданнаго Вамъ края, великодушно принятаго предками Вашего Императорскаго Величества подъ сѣнь Россійской державы, съ которой онъ соединенъ отнынѣ неразрывными нравственными узами».

Поблагодаривъ городского голову за выраженные имъ чувства, Государь направился въ залъ. Тамъ привѣтствовала Импера-

трицу супруга генераль-адъютанта Шереметева и поднесла Ея Величеству роскошный букетъ изъ живыхъ розъ; такія же букеты поднесены были супругою предсѣдателя судебной палаты Гончаровой и супругою городского головы—Матиновой.

Едва Государь показался на крыльцѣ, какъ разомъ ожила вся площадь и грянувшее «ура» смѣшалось съ нестройными визгливыми звуками зурны, безъ которой не обходится ни одно торжество грузина. Грузины, армяне, татары и персіяне—все многотысячное населеніе Тифлиса, радовалось посвоему съ простотою библейскою, но и съ страстнымъ восторгомъ. Глядя на эту единодушно ликующую толпу, такъ и хотѣлось сказать съ неизвѣстнымъ поэтомъ:

Среди Кавказскихъ горъ, давно Тебѣ покорныхъ,
Прими привѣтъ, Державный Властелинъ,
Отъ обитателей долинъ нагорныхъ
И жителей заоблачныхъ вершинъ.
Здѣсь много расъ и вѣръ—но всѣмъ Ты Царь одинъ—
И въ вѣрѣ въ мощь Твою здѣсь нѣту иновѣрца!
И каждый шлетъ отъ искренняго сердца
Привѣтъ Тебѣ, Державный Властелинъ.

Быстро понеслась царская коляска, запряженная парой великолѣпныхъ воронихъ рысаковъ и, миновавъ у самаго въѣзда въ городъ триумфальную арку, повернула на Михайловскую улицу. Эта, самая длинная и широкая улица, перевитая теперь сотнями гирляндъ, пореброшенныхъ съ одной стороны на другую, въ перспективѣ сливалась въ одинъ зеленый шатеръ, какъ бы поддерживаемый колоннадою безчисленнаго количества флаговъ. Отъ Воронцовскаго памятника, величаво стоящаго надъ быстрою Курюю, открылся весь оригинально-живописный, полувосточный Тифлисъ—столица Закавказскаго края. Грузинскіе дома съ плоскими крышами и террасами, безчисленные балконы и галереи, громадныя каменные зданія и церкви въ армяно-византійскомъ стилѣ, перемѣшиваются съ высокими минаретами мечетей и съ ку-

полообразными крышами бань и каравансараявъ. И надъ всѣмъ этимъ царить св. Давидъ—эта, по выраженію Грибодова, поэтическая принадлежность Тифлиса.

Императорскій путь шель черезъ Михайловскій мостъ, Барятинскую улицу, замыкающуюся къ сторонѣ Головинскаго проспекта легкою, полувоздушною аркою, потомъ черезъ Почтамскую улицу и Эриванскую площадь—къ старому городу. Здѣсь опять триумфальныя ворота надъ которыми рельефно выступала надпись: «Старый городъ бьетъ челомъ» и цифра 468—годъ основанія Тифлиса. За этою аркой, отдѣляющей европейскую часть города отъ азіятской, начинается армянскій базаръ и ѣхать пришлось по кривымъ, извилистымъ и до того узкимъ улицамъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ трудомъ могутъ разѣхаться два экипажа. Вотъ она, настоящая, историческая часть Тифлиса! вотъ онѣ плоскія крыши, усталыя ковры, и бѣлыя чадры туземныхъ красавицъ, и пискливая зурна, и брянчанье дайры и стукъ несмолкаемаго накара...

Церковный звонъ, раздавшійся съ колокольни Сіонскаго собора, все приближающіеся крики ура, и выбивающаяся изъ силъ азіятская музыка дали знать, что Государь уже въ старомъ городѣ. Тогда экзархъ Грузіи преосвященный Палладій, въ сопровожденіи своихъ викаріевъ, архимандритовъ и аллавердынскаго епископа, торжественною процессією вышелъ изъ храма и сталъ на площадкѣ, покрытой краснымъ сукномъ.

Какъ только экипажъ остановился, и Императорская Чета вышла изъ коляски, преосвященный Палладій осѣнилъ Ихъ Величества св. крестомъ и обратился къ Государю съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

«Благочестивѣйшій, Великій Государь Императоръ!

«Въ глубокомъ благоговѣнномъ благодареніи Господу Богу, передъ симъ святилищемъ древняго знаменитаго храма Сіонскаго, стрѣтаемъ Тебя, Всемилостивѣйшій нашъ Отецъ

отечества, и съ чувствомъ несказанной радости имѣемъ счастье привѣтствовать Тебя отъ лица всей Иверіи.

«Подъ Твоею Богомъ благословенною Державою, благоденствуя со всѣми Твоими вѣрноподданными, какъ дѣти одного необъятно-великаго семейства, покоясь яко-же древній израиль во дни Соломона подъ виноградомъ своимъ и смоковницами, пользуясь миромъ, спокойствіемъ и довольствомъ—чего еще мы могли просить отъ Господа? Единаго—да возвеселимся радостью предъ лицомъ Твоимъ. И Господь услышалъ праведныя желанія сердець нашихъ! И на насъ, сущихъдалече, знаменася свѣтъ лица Твоего.

«Да, не ясно-ли являютъ эти трудныя и далекія Твои путешествія по обширнымъ областямъ исполинской Твоей державы, простертыя даже до горъ, морей и ущелій Кавказа, что Ты, Великій Государь, царственными своими заботами и отеческимъ попеченіемъ объемлешь одинаково всѣ народы, Богомъ Тебѣ врученныя, что Ты желаешь знать Свое царство не только по свѣдѣніямъ, восходящимъ къ Престолу Твоему, но и Своимъ личнымъ усмотрѣніемъ, желаешь Собственнымъ взоромъ видѣть людей и дѣла, чтобы непосредственными мановеніями все направлять къ правдѣ, къ пользѣ, къ порядку, къ благу и совершенству. Поистинѣ труды и подвиги Твои неустанные—нашъ покой, наша безопасность, наше благоденствіе и счастье.

«Кавказъ, нѣкогда грозный и тревожный, а нынѣ мирный, славный доблестями и побѣдами,—дорогая жемчужина въ Царскомъ вѣнцѣ Твоемъ и одна изъ лучшихъ областей Твоего необъятнаго царства. Просвѣти же лице Твое благоволительно на народы Иверіи, царелюбивыя, радостно торжествующіе Твое пришествіе, что зрится воочію въ этихъ волнахъ стремящагося къ Тебѣ народа, въ этихъ восторженныхъ взорахъ, въ этихъ торжественныхъ восклицаніяхъ. Многострадавшая страна сія видитъ въ Тебѣ Великаго Благодѣтеля своего, видитъ въ Тебѣ свой миръ и свое благоденствіе,

горить къ Тебѣ вѣрнопопданническою преданностію и любовью и готова за Тебя на всѣ жертвы. Милостивое Твое посѣщеніе нашего края неизгладимо запечатлѣется въ радостныхъ и благодарныхъ сердцахъ нашихъ и будетъ передаваться изъ рода въ родъ съ благословеніями.

«Преискренняя наша радость возвышается еще тѣмъ, что мы удостоились и лицезрѣнія Твоей Августѣйшей супруги Благочестивѣйшей Государыни-Императрицы, Матери отечества. Это великое необыкновенное счастье даруется отдаленному нашему краю еще въ первый разъ. А вотъ, юные, но уже мужающіе Сынове Ваши—первенцы, яко насажденія масличныя, цвѣтуція отрасли благословеннаго корене, довершаютъ нашу радость. Подъ высокимъ и мудрымъ руководствомъ, обходя землю, они поучаются и приобрѣтаютъ мудрость.

«Сердца наши и очи всецѣло обращены къ Вамъ, да насладимся зрѣніемъ Царственныхъ добротъ Вашихъ, и да будетъ радость наша о Васъ радостна и Вамъ. Преисполненная же радость наша да сольется теперь съ теплою сердечною молитвою. Престоль Твой, Благочестивѣйшій Монархъ нашъ, да будетъ выну осѣненъ покровомъ божественнаго Провидѣнія, и Держава Твоя крѣпка и могущественна. Царь царствующихъ да исполняетъ во благихъ всѣ желанія Твоего любвеобильнаго сердца и невредимо вездѣ и всегда во всѣхъ путехъ Вашихъ хранитъ Тебя—Зидителя нашего благоденствія, нашу силу и славу, Твою Августѣйшую супругу—наше счастье, Наслѣдника-Цесаревича—нашу надежду, и весь Царствующій Домъ.

«Видите свойственнымъ Вамъ царскимъ путемъ въ сіе древнее святилище, и Всевышній благословитъ Васъ благословеніемъ пренебеснымъ отъ Сіона святаго своего.»

По окончаніи рѣчи, пѣвчіе запѣли тропарь «Спаси Господи люди твоя»—и подъ эту побѣдную церковную пѣснь Императоръ вступилъ подъ своды тысячилѣтнаго храма. От-

слушавъ краткое молебствіе, Ихъ Величества благоговѣнно приложились къ чудотворной иконѣ Сіонской Божіей Матери и къ кресту просвѣтительницы Грузіи—святой Нины. Этотъ чудный крестъ, врученный ей въ сонномъ видѣніи самою Богоматерью, сплетенный изъ виноградныхъ лозъ и перевитый волосами Нины—первая святыня, первая драгоценность, дарованная небомъ грузинскому народу. Преосвященный Палладій выбралъ и для благословенія Царской семьи иконы наиболѣе драгоценныя для Грузіи. Такъ, Государю-Императору поднесенъ былъ образъ Сіонской Богоматери, Государынѣ-Императрицѣ—икона св. Нины, Цесаревичу—Иверской Божіей Матери, и Великому Князю—св. Георгія Побѣдоносца, древняго покровителя Иверскаго царства, отъ имени котораго произошли и самыя названія Грузины и Грузія (Гурджи и Гурджистанъ).

Принявъ благословеніе, Ихъ Величества осматривали церковныя рѣдкости грузинскаго экзархата, хранящіяся въ соборѣ, и на этотъ разъ разложенныя на особомъ столѣ около амвона. Здѣсь были митры католиковъ и епископовъ самтавскихъ и аллавердскихъ, древніе вышитые саккосы, омофоры, плащаницы, воздухи, палицы, панагіи, богато вышитыя сандаліи католиковъ, съ изображеніемъ на нихъ скорпіоновъ, печать католиковъ и рукописныя священныя книги съ миниатюрами.

Хорошъ и величественъ Сіонскій соборъ съ почившими на немъ 14 вѣками, отъ которыхъ такъ и вѣтъ на васъ святынею религіозною и минувшею историческою славою. Здѣсь, по правую сторону алтаря, стоитъ и гробница съ обезглавленнымъ трупомъ князя Циціанова—первая драгоценная жертва, которую принесла Россія для охраненія усыновленной Грузіи.

Изъ Сіонскаго собора Ихъ Величества прослѣдовали во дворецъ черезъ Дворцовую улицу, сплошь задрапированную дорогими персидскими тканями. На концѣ ея, почти у сама-

го дворца, стояла также арка, увѣнчанная короной, изъ-подъ которой тяжелыми складками ниспадала внизъ трехцвѣтная матерія; по обѣ стороны улицы тянулись щиты, на которыхъ рельефно выдѣлялись надписи изъ русскихъ пословицъ и поговорокъ: «Богу угодное — Царю пріятное», «безъ Царя — народъ сирота» и т. д. Весь путь былъ усыпанъ зеленью. Передъ самою аркою изъ Камоевской церкви вышло навстрѣчу армянское духовенство съ хоругвями и колокольнымъ звопомъ. Государь обнажилъ голову, Государыня перекрестилась. У дворца стоялъ почетный караулъ отъ лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка, встрѣтившій Державнаго Шефа громовымъ «ура»! Это «ура», какъ электрическая искра мгновенно передалось тысячной массѣ народа — и вся эта масса, не сумѣвшая сдерживать дальше своего восторга, прорвала цѣпь и, какъ вода пробившая плотину, хлынула на тротуары, счастливая, радостная, что можетъ наконецъ наглядѣться на своего Государя. Императоръ, въ мундирѣ Эриванскаго полка, стоялъ рядомъ съ Императрицею, и мимо нихъ проходилъ молодецкій почетный караулъ Эриванцевъ. Государь громко благодарилъ гренадеръ и, милостиво поклонившись народу, вошелъ во дворецъ.

Двухъэтажное роскошное зданіе тифлискаго дворца, съ давнихъ поръ занимаемое правителями края, было теперь приспособлено для пріема Высокихъ гостей. Широкое *entré* южнаго подъѣзда, поддерживаемое рядомъ колоннъ и обращенное въ роскошный садъ, полный прекрасныхъ пальмъ и другихъ экзотическихъ растений, ведетъ въ Собственную половину Ихъ Величествъ. Въ верхнемъ этажѣ, налѣво, дежурная комната, направо — кабинетъ Государя, обставленный превосходною рѣзною орѣховою мебелью. Посрединѣ большой письменный столъ и кресло, принадлежавшіе нѣкогда князю Воронцову. За этимъ историческимъ столомъ обдумывались планы, писались проекты и приводились въ исполненіе великія мысли маститаго правителя, мощно двинувшаго Кавказъ на путь

прогресса и цивилизації. И столъ и кресло пріобрѣтены княземъ главноначальствующимъ при назначеніи его на Кавказъ. По боковой стѣнѣ помѣщается богатая бібліотека князя, занавѣшенная дорогимъ текинскимъ ковромъ, стѣнныя комнаты покрыты портретами Царской фамиліи и сослуживцевъ князя, въ періодъ его многолѣтней государственной службы.

Изъ царскаго кабинета выходъ въ турецкую комнату, устланную персидскими коврами и уставленную низенькими восточными диванами. Здѣсь каждая вещица своего рада chef—d'oeuvre, какъ справедливо замѣчаетъ корреспондентъ «Правительственнаго Вѣстника». Передъ выходными дверями — статуя рыцаря въ полномъ вооруженіи, въ шлемѣ и желѣзныхъ доспѣхахъ времянь крестовыхъ походовъ; на стѣнахъ богатѣйшая коллекція серебряныхъ блюдь—память пребыванія князя въ Болгаріи, когда города и села встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью, какъ радостнаго вѣстника первыхъ началъ свободной государственной жизни юнаго народа; драгоцѣнныя коллекціи старинной бронзы, древнихъ вазъ, сосудовъ, музыкальныхъ инструментовъ, и еще болѣе драгоцѣнное оружіе Востока, въ числѣ котораго есть экземпляры, какіе трудно встрѣтити даже и въ знаменитыхъ музеяхъ. Всѣ эти драгоцѣнности собственность князя и собраны имъ во время многолѣтней и разнообразной его службы и путешествій. Въ этой же комнатѣ, подъ особымъ стекломъ, хранится гусиное перо, которымъ Вильямсъ подписалъ капитуляцію Карса 16 ноября 1855 года—событіе въ которомъ выдающаяся роль принадлежала князю Дондукову-Корсакову.

За турецкую комнату слѣдуетъ голубая гостиная, украшенная тремя большими картинами Судковскаго, изображающими морскіе виды и заставленная пальмами и массою растений. Далѣе—кабинетъ Императрицы. Это знаменитая во дворцѣ индійская комната, столько же богатая, сколько и оригинальная по своему художественному, восточному убранству. Роскошь этой комнаты, съ ея палисандровою мебелью покры-

той точно кружевами тончайшею ажурною рѣзьбой, съ ея стѣнами, обитыми штофомъ, и массою другихъ индійскихъ вещей, видимо собранныхъ съ любовью и знаніемъ дѣла, если не превосходить, то и не уступить знаменитому турецкому кабинету. За индійскою комнатою идутъ уже внутреннія апартаменты Ихъ Величествъ.

Другая половина дворца занята парадными комнатами: здѣсь бѣлая балльная зала въ два свѣта, убранная по угламъ группами огромныхъ пальмъ и фікусовъ, украшенная двумя большими царскими портретами; рядомъ съ этою залою желтая гостинная, а направо—персидскій залъ, замѣчательный лѣнными работами по зеркальному фону; весь потолокъ его въ сталактитахъ, также съ зеркальными вставками.

Входъ въ апартаменты Наслѣдника съ сѣвернаго подъѣзда. Роскошная бѣлая мраморная лѣстница украшена чрезвычайно рѣдкимъ экземпляромъ громадной пальмы, осѣняющей всю верхнюю площадку лѣстницы. Въ этомъ отдѣленіи двѣ комнаты. Пріемный залъ Цесаревича, при входѣ въ который стоитъ бунчукъ хивинскаго хана, отбитый мангишласскимъ отрядомъ въ бою подъ стѣнами Хивы 28 мая 1873 года,—увѣшенъ портретами всѣхъ правителей края, начиная съ перваго изъ нихъ генерала Кнорринга; рядомъ—кабинетъ и спальня Цесаревича, общія съ его Августѣйшимъ братомъ. Отсюда двѣ большія зеркальныя двери ведутъ въ два небольшие садика, украшенные фонтанами.

Императорская свита размѣщена во флигеляхъ и въ боковыхъ пристройкахъ этого монументальнаго зданія.

Въ три часа пополудни во внутреннихъ апартаментахъ дворца состоялся пріемъ чрезвычайнаго посла персидскаго шаха, принца Хессамусъ Сельтанэ, занимающаго въ Персіи должность правителя Гилянскій области. Принцъ—двоюродный братъ шаха, прибылъ въ Тифлисъ за нѣсколько дней до пріѣзда Государя, чтобы привѣтствовать Его Величество отъ ли-

ца своего повелителя. Вручая Императору шахское письмо, онъ произнесъ:

«Его Величество, мой благодѣтель и государь, въ ознаменованіе совершенно истинной сердечной дружбы съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, въ настоящемъ достопримѣчательномъ случаѣ возложилъ на меня исполненіе наилучшаго порученія—принести Августѣйшей Особѣ Вашей поздравленіе по случаю пріѣзда въ сопредѣльный съ Персидскимъ государствомъ край. Я счастливъ, что былъ выбранъ для исполненія такого великаго порученія, споспѣшествующаго усиленію дружбы между двумя Вѣнценосными Особами. Вотъ письмо, писанное на Высочайшее Имя Вашего Императорскаго Величества, въ которомъ выражена частичка сердечныхъ намѣреній Его Величества, моего августѣйшаго повелителя».

За чрезвычайнымъ посломъ представился въ особой аудіенціи верховный патріархъ, католикосъ всѣхъ армянъ, Макарій. Онъ также привѣтствовалъ Государя слѣдующею рѣчью:

«Ваше Императорское Величество! почитаю себя счастливымъ, что на сѣлонѣ дней моихъ вновь удостоиваюсь представиться Вашему Императорскому Величеству, и вѣрноподданническія чувства, какъ свои собственныя, такъ и моего духовенства и паствы моей, повергнуть къ подножію Престола Великаго Государя моего, и вмѣстѣ съ тѣмъ всеподданнѣйше поздравить благоприносящее посѣщеніе Вашимъ Величествомъ Кавказскаго края. Я убѣжденъ, Государь, что сей торжественно-знаменательный день Всемилостивѣйшаго посѣщенія Вашего Императорскаго Величества оживитъ и яще укрѣпитъ въ умахъ и сердцахъ юнаго поколѣнія моей паствы и всѣхъ кавказскихъ христіанскихъ народовъ чувства богочитанія, благочестія и преданности Престолу великой Россіи, какъ то учитъ законъ Божій. И такъ позвольте мнѣ, Государь, повторить слова царя-пророка Давида: Да сохранишь Тебя Господь отъ всякаго зла, да сохранитъ душу Твою, да сохранитъ Господь входъ Твой и исходъ Твой,

отнынѣ и во вѣки. Аминь».

По окончаніи аудіенціи, Государь вмѣстѣ съ Императрицею, перешли въ бѣлый залъ, гдѣ Ихъ Величествамъ представились: экзархъ Грузіи съ православнымъ духовенствомъ, духовенство католическое, главный лютеранскій пасторъ, мусульманскій шейхъ-уль-исламъ, иностранные консулы и высшіе чины гражданскаго управленія. Отсюда Императорская Чета прослѣдовала въ персидскій залъ, гдѣ были собраны депутаціи отъ Тифлисской, Эриванской и Елисаветпольской губерній. Тутъ же стоялъ и почетный караулъ изъ грузинскихъ князей и дворянъ.

При входѣ въ персидскій залъ, предводитель дворянства князь Багратіонъ-Мухранскій привѣтствовалъ Ихъ Величества слѣдующею рѣчью:

«Всемиловѣйшій Государь!

«Въ древнемъ престольномъ градѣ Иверской земли имѣю счастье повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства вѣрноподданнической любви беззавѣтно Вамъ преданнаго и вѣрнаго грузинскаго дворянства.

«Великій Государь! Вѣрность царямъ унаслѣдована нами отъ нашихъ предковъ и доказана самоотверженною преданностію Престолу Вашего Императорскаго Величества.

«За вѣру и Царя»—было начертано на знамени грузинскаго дворянства въ продолженіи многовѣковой его исторической жизни. За вѣру и за Царя готово оно и нынѣ, по одному Вашему слову итти на подвиги, на смерть.

«Посѣщеніе Вашимъ Императорскимъ Величествомъ здѣшняго края—счастіе, выпавшее нынѣ на нашу долю—обновляетъ насъ духовно, оживляя новыми силами священный союзъ между Престоломъ Вашего Императорскаго Величества и нашими сердцами.

«Пребываніе же среди насъ Вашего Императорскаго Величества, Всемиловѣйшая Государыня, даруя намъ доселѣ невѣдомую радость: впервые созерцать Мать-Царицу, пре-

исполняетъ насъ глубокою признательностью за трудъ, подъятый Вами для посѣщенія столь отдаленной окраины.

«Въ благодарной памяти народа не изгладится свѣтлое воспоминаніе о дняхъ пребыванія среди насъ Царственной семьи.

«Въ этотъ торжественный часъ каждый изъ вѣрнопо-
данныхъ Вашему Императорскому Величеству грузинъ, вмѣстѣ со всѣми остальными сынами осчастливленнаго Кавказа, привѣтствуетъ Васъ отъ всего сердца.

«Каждый изъ нихъ, при видѣ Державнаго своего Повелителя, гордъ мыслию: «Ты нашъ Государь, въ Тебѣ наша сила и спасеніе.»

—«Благодарю васъ, господа, за сердечный приѣмъ—отвѣчалъ на это Государь:—Я очень радъ, что Мнѣ удалось пріѣхать въ вашъ край вмѣстѣ съ Императрицей. Грузинское дворянство всегда отличалось вѣрностію и запечатлѣло это своею кровью.»

Депутаты Эриванской и Елисаветпольской губерній поднесли хлѣбъ-соль на серебряныхъ блюдахъ. Елисаветпольское блюдо вызолоченное, съ эмалевыми украшеніями и гербомъ Елисаветпольской губерніи, на черномъ полѣ мечъ съ двумя бѣлыми георгіевскими крестами; на эриванскомъ—воспроизведены фотографическіе портреты трехъ Императоровъ: Николая I, Александра II и нынѣ благополучно царствующаго Государя. Между портретами четыре медальона съ изображеніями: взятія Эривани и введенія въ краѣ судебной реформы, городского положенія и общей воинской повинности.

Принявъ хлѣбъ-соль и удостоивъ милостивымъ разговоромъ всѣхъ представлявшихся лицъ, Императорская Чета въ 4 часа пополудни удалилась во внутренніе покои.

Вечеромъ зажглась блестящая иллюминація и, словно огромнымъ пожаромъ, охватила весь городъ, представлявшій на каждомъ шагу зрѣлища одно другого красивѣе, одно другого эффектнѣе. Горѣлъ огнями высокій Авлабаръ, сверкали

Салалаки, эффектно выдвигались из мрака темные вершины и гребни горъ, очерченные огненными линиями громадныхъ костровъ. Рядъ фонарей обозначалъ тропу къ св. Давиду; самый монастырь казался какимъ-то миниатюрнымъ свѣтящимся замкомъ, повиснувшимъ въ воздухѣ. Эриванская площадь, Головинскій проспектъ, Дворцовая улица были буквально залиты свѣтомъ. Но посреди этого моря огня, среди безконечнаго ряда транспорантовъ, щитовъ, царскихъ бюстовъ, окаймленныхъ блестящими огненными звѣздами, или вензелей, искусно сооруженныхъ изъ свѣчей и плашекъ, — особенно бросался въ глаза и привлекалъ къ себѣ массу народа портретъ Государя, выставленный въ окнѣ одного изъ ювелирныхъ магазиновъ. Портретъ былъ окруженъ зеленымъ вѣнкомъ, среди листьевъ котораго сверкало множество настоящихъ брилліантовъ. Движеніе въ улицахъ было громадное. Несмолкаемый гулъ голосовъ восторженной толпы по временамъ, какъ раскатомъ грома, вдругъ покрывался могучимъ «ура», которое также внезапно смѣнялось пѣніемъ народнаго гимна или задравнымъ «мравалжаміеръ,» распѣваемой толпой подъ звуки не совѣмъ гармонической, но родной, любимой зурны.

Такъ закончился первый день пребыванія Государя въ Тифлисѣ.

На слѣдующій день, 29 сентября, утромъ назначенъ былъ Высочайшій смотръ войскамъ Тифлискаго гарнизона.

Не многочисленныя войска — всего девять баталіоновъ пѣхоты, одинъ эскадронъ, юнкерское училище и кадетскій корпусъ, подъ общею командою начальника 38-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Гурчина, выстроились за Муштаидомъ, на Дидубійскомъ полѣ, гдѣ возвышался красивый павильонъ, украшенный шелковыми тканями и затѣйливою рѣзбою. По угламъ карнизовъ его выдѣлялись изображенія «Кавказскаго» креста, а между ними была начертана надпись

«Царствуй на славу намъ, на страхъ врагамъ».

По прибытіи на Дидубійское поле въ 10 часовъ утра, Государь пересѣлъ на коня и рядомъ съ коляскою Императрицы объѣхалъ линію. Императора сопровождала блестящая свита, среди которой рѣзко выдѣлялась характерная фигура персидскаго принца въ бѣломъ мундирѣ, унизанномъ брилліантами. По объѣздѣ войскъ, Государыня приняла букетъ, поднесенный супругою корпуснаго командира княгинею Чавчавадзе, и поднялась въ павильонъ. Войска пошли церемониальнымъ маршемъ. Государь благодарилъ каждую часть, но въ особо милостивыхъ выраженіяхъ отозвался о туземной армянской дружинѣ—этой новой и самой младшей предстазительницы русской арміи *).

Съ Дидубійскаго поля Ихъ Величества отправились прямо въ 1-ю классическую гимназію—старѣйшее учебное заведеніе Тифлиса, основанное еще Циціановымъ, подъ именемъ Благороднаго училища. На обширномъ дворѣ его собраны были ученики обѣихъ классическихъ гимназій, гражданской прогимназій, реального училища и Александровскаго учительскаго института.

Подъ звуки оркестра и пѣніе хора: «многи лѣта, многи лѣта православный русскій Царь»,—Государь встрѣченъ былъ у параднаго подъѣзда попечителемъ учебнаго округа тайнымъ совѣтникомъ Яновскимъ и директоромъ гимназій дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Марковымъ. Въ гимназій Ихъ Величества посѣтили домовую церковь, замѣчательную своими иконами, написанными въ древне-грузинскомъ стилѣ извѣстнымъ княземъ Гагаринымъ, реставрировавшимъ Сіонскій соборъ, и отсюда перешли въ актовъ залъ, эффектно декорированный и обставленный царскими портретами и

*) На смотру участвовали: конный жандармскій эскадронъ, кадетскій корпусъ, конекское училище, четыре баталіона Гладикавказскаго полка, три—Таманскаго, 5-й Кавказскій резервный баталіонъ и 3-я резервная туземная дружина.

бюстами. Передъ самыми входными дверями его красовался громадный, двухсаженный транспорантъ съ аллегорическою картиною, изображающую Россію и Грузію: молодая царственная женщина въ коронѣ и порфирѣ возсѣдаетъ на тронѣ и держитъ въ лѣвой рукѣ раскрытую книгу, на страницахъ которой четко славянскими буквами написано: «Ни ради приращенія силъ, ни для корысти приѣмлемъ бремя правленія царства Грузинскаго, но едино ради человѣколюбія и защиты закона»; правая рука женщины съ лавровымъ вѣнкомъ распростерта надъ группою дѣтей,—а надъ ними, въ далекой, но ясной синевѣ, виденъ городъ, обильный Божіими храмами. Это Москва—сердце Россіи. Другая молодая женщина, одѣтая въ національный грузинскій костюмъ стоитъ колѣнопреклоненная съ младенцемъ на рукахъ, который простираетъ свои руки къ Россіи. На заднемъ фонѣ картины кипитъ борьба, а впереди разливается свѣтлая заря и стоитъ мальчикъ, который только что начерталъ на особомъ свиткѣ знаменательный 1801 годъ. Вся эта прекрасная работа исполнена преподавателемъ гимназіи Хламовымъ.

Въ дверяхъ актовaго зала воспитанникъ 1-го класса Владиміръ Опочининъ поднесъ Императрицѣ букетъ отъ лица гимназіи; затѣмъ, струнный оркестръ учениковъ сыгралъ нѣсколько піесъ, а молодой грузинскій князь Эрнстовъ прочелъ передъ Государемъ свое стихотвореніе:

Ликуюмъ мы! Монархъ нашъ съ нами!

Молитву къ Вышнему творя,

Кавказъ съ своими сыновьями

Пріялъ Великаго Царя.

Взгляни, Монархъ, передъ Тобою

Сыны Кавказа—молодца,

Склонясь стотысячною толпою,

Встрѣчаютъ своего Отца.

Мы всѣ Твои... лишь мановеньемъ.

И дружно гранемъ на врага,

За Русь умремъ въ одно мгновенье—
 Она, какъ мать намъ дорога.
 Къ престолу Божію молитвы
 За Русь святую шлетъ Кавказъ;
 Любовь свою на полѣ битвы
 Онъ ей доказывалъ не разъ.
 Терпѣли долго мы невзгоды,
 Терзали варвары насъ встарь,
 Но вотъ настали счастья годы,
 И взялъ къ Себѣ насъ Русскій Царь.
 Съ тѣхъ поръ нашъ край въ тиши развился
 И благоденствуетъ народъ;
 Кавказъ въ одно съ Россіей слился,
 Благословляя Царскій родъ.
 Повѣрь, Монархъ, къ Тебѣ любовью
 Пылаютъ наши всѣ сердца,
 И рады мы своею кровью
 Бороться за Тебя-Отца.
 Всѣ мы отъ мала до велика
 Молитвы шлемъ съ Россіей всей:
 Да сохранить Тебя Владыко,
 Всесильный Царь земныхъ царей.

Потомъ другой ученикъ, Глокке, прочелъ слѣдующее стихотвореніе:

Гряди во имя Божіе нашъ Царь Державный!
 Кавказъ подъ мудрымъ скипетромъ Твоимъ цвѣтеть.
 И Грузіи народъ, издревле православный,
 Забылъ про вражескій тяжелый, долгій гнетъ.
 Вездѣ, по всей странѣ, временъ древнѣйшихъ храмы
 Полны грузинъ благоговѣнною толпой,
 Въ дыму кадиль струятся къ небу еиміамы,
 И молить за Тебя народъ счастливый Твой....
 Какъ садъ роскошный, Алазанская долина
 Точить изъ спѣлыхъ гроздей искрометный сокъ,

Любимое питье веселаго грузина,
 Когда разгуль его свободенъ и широкъ....
 Въ густой тѣни чинаръ, подъ знойнымъ небомъ юга
 Свершаетъ мирный пахарь свой обычный трудъ,
 И съ пѣснями проводить онъ часы досуга,
 И дни его безъ страха, безъ тревогъ текутъ.
 Гдѣ прежде общее царило запустѣнье,
 И бранный звонъ меча на брань сзывалъ народъ,
 Теперь уже укоренилось просвѣщенье,
 Чтобъ принести родной странѣ желанный плодъ....
 Взгляни, Великій Государь, съ какой любовью
 Вездѣ привѣтствуетъ народъ Твой славный путь,
 И доказать готовы всею своею кровью,
 Какъ дорогъ намъ нашъ Русскій Царь. И смѣло
грудь

Подставимъ мы въ бою подъ вражескія пули
 Въ защиту родины и нашего Царя,
 Въ которомъ мы всю крѣпость духа почерпнули,
 Любовью пламенной и вѣрою горя.

Милостиво выслушавъ эти привѣтствія, Ихъ Величества
 перешли въ рисовальный классъ, гдѣ послѣ осмотра учениче-
 скихъ работъ, преподаватель естественныхъ наукъ Шавровъ
 поднесъ Государынѣ-Императрицѣ шкатулку съ образцами
 коконовъ и шелка собранныхъ въ Закавказскомъ краѣ; за-
 тѣмъ попечитель округа тайный совѣтникъ Яновскій поднесъ
 Государю Императору альбомъ фотографическихъ видовъ съ
 лабораторіи, въ которой занимались изученіемъ шелковод-
 ства ученики Александровскаго института; а Цесаревичу —
 альбомъ фотографическихъ видовъ первой гимназіи. Такой же
 альбомъ былъ поднесенъ и главноначальствующимъ княземъ
 Дондуковымъ-Корсаковымъ Великому Князю Георгію Алексан-
 дровичу.

Изъ рисовальнаго класса Императорская Чета вышла во
 дворъ, гдѣ ученики: 2-й гимназіи Кохановъ, и реального

училища— Семеновъ, поднесли Императрицѣ букеты, а ученикъ Александровскаго института Дунинъ-Борковскій обратился къ Государю съ слѣдующими словами:

«Ваше Императорское Величество! Благоволите прослушать стихотвореніе, написанное въ честь Вашего, дорогого для всѣхъ насъ, посѣщенія; стихотвореніе это, можетъ быть, слабо въ литературномъ отношеніи, но зато имѣетъ цѣлью выразить тѣ безпредѣльныя, горячія чувства вѣрноподданнической любви, которую мы, институтцы Александровскаго учительскаго института, питаемъ къ Вашему Императорскому Величеству и Вашему Августѣйшему семейству.»

Государь милостиво соизволилъ дать согласіе, и Дунинъ-Борковскій прочелъ слѣдующее стихотвореніе:

Славу, ребятушки,
 Нашему Батюшкѣ,
 Пойте Царю!
 Руси хранителю
 Золь истребителю,
 Государю.
 Правды блюстителю,
 Благъ совершителю
 Благодаря,
 Русь безпредѣльная,
 Русь нераздѣльная
 Грянемъ Ура.
 Царю чтобы царствовать,
 Славно бы властвовать
 На всей Руси!
 Съ нимъ нашу дѣльную
 Русь безпредѣльную,
 Боже, спаси!
 Вѣчно Державная,
 Русь православная
 Вся торжествуй!

Въ Немъ возвышаешся,
 Въ Немъ прославляешся, —
 Съ нами ликуй!
 Мы Царя-Батюшку
 Съ Царицею-Матушкой
 Ждали давно —
 Нынѣ увидѣть Ихъ,
 Нынѣ услышать Ихъ
 Намъ суждено.
 Рѣчью свободно
 Пѣсню народною
 Почтимъ Царя!
 Мы, Его дѣтушки,
 Грянемъ, ребятушки,
 Дружно Ура.

Обойдя всѣ заведенія, Государь, подъ звуки ученическаго оркестра, пропустилъ мимо себя воспитанниковъ, и въ половинѣ двѣнадцатаго часа, вмѣстѣ съ Императрицею, отбылъ изъ гимназіи въ Закавказскій дѣвичій институтъ.

Въ институтѣ Императорскую Чету встрѣтили статсъ-секретарь Дурново и почетный опекунъ генераль-лейтенантъ Сицагинъ. Здѣсь, такъ же какъ и въ гимназіи, Ихъ Величества посѣтили церковь и актовъ залъ. Двѣ малыя институтки поднесли Государынѣ букеты; затѣмъ нѣсколько воспитанницъ исполнили на четырехъ рояляхъ рапсодію Листа; хоръ институтокъ спѣлъ «казачью колыбельную пѣсню», а воспитанницы младшихъ классовъ продекламировали басни Крылова. Въ актовомъ залѣ институтки поднесли Ихъ Величествамъ собственной работы подушки, вышитыя шелками по древне-грузинскимъ и ассирійскимъ узорамъ, а Цесаревичу вышитый портфель съ вензелемъ Его Высочества.

Изъ института Царственная Чета вернулась во дворецъ, откуда, послѣ императорскаго завтрака, отправились на закладку новаго институтскаго зданія. Это зданіе, судя по его

планамъ, смѣшаннаго грузино-армянскаго стила и должно послужить украшеніемъ Тифлису. Церемонія прошла съ необыкновенною торжественностію; служилъ самъ экзархъ со всѣмъ духовенствомъ; пѣли институтки, сливая дѣтскія голоса свои съ звучнымъ архіерейскимъ хоромъ... А кругомъ, подъ жгучими лучами солнца, стояла тысячная масса народа съ обнаженными головами, какъ бы застывшая въ нѣмомъ благоговеніи. Когда окончилось молебствіе, Ихъ Величества собственноручно положили въ небольшое углубленіе, сдѣланное въ фундаментѣ, нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ монетъ и прикрыли ихъ сверху вызолоченною металлическою доскою съ слѣдующею надписью:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Кто приметъ одного изъ таковыхъ дѣтей во имя Мое, тотъ Меня приметъ. Благослови же, Господи, благослови домъ сей, чтобы онъ былъ вѣчно предъ лицомъ Твоимъ.»

Когда доска была вмазана, Государь, Императрица и Великіе Князья положили въ основаніе первые камни изъ эриванскаго прозрачнаго мрамора съ золотыми надписями; съ такими же надписями, но изъ итальянскаго мрамора положили камни: экзархъ Грузіи, Военный министръ, главноначальствующій князь Дондуковъ-Корсаковъ, статсъ-секретарь Дурново и почетный опекунъ Сипягинъ.

Церемонія закончилась благодарственнымъ молебствіемъ. Приложившись къ св. кресту и проводивъ крестный ходъ, Ихъ Величества цѣшкомъ перешли въ заведеніе св. Нины,—этотъ вѣчный памятникъ сердечной доброты и благотворительности незабвенной для Тифлиса покойной княгини Надежды Андреевны Дондуковой-Корсаковой. Маленькій приютъ, заложенный въ сороковыхъ годахъ княгиней Воронцовой, подъ попеченіемъ княгини Надежды Андреевны въ нѣсколько лѣтъ выросъ и развился въ большое учебное заведеніе, съ правами семиклассной гимназіи. Теперь въ немъ 250 живущихъ и 150 входящихъ воспитанницъ. Въ заведеніи св. Нины Ихъ Вели-

чества посѣтили новую церковь, воздвигнутую почившею княгиней намѣсто старой, тѣсной и обвѣтшалою; потомъ обошли все зданіе, также отстроенное вновь, только благодаря ея энергіи и неусыпной заботливости, при чемъ, состоящій при главноначальствующемъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Поляковъ, постоянный сотрудникъ княгини въ дѣлахъ благотворительности, имѣлъ счастье объяснять Государю все, что касалось до заведенія, и обратилъ вниманіе Его Величества на обширный дворъ, весь устланный асфальтомъ и представляющій такимъ образомъ родъ открытой, громадной рекреационной залы. «Мнѣ нравится—изволилъ выразиться Государь,—что здѣсь все такъ просто и такъ практично-хорошо устроено.» Поклонившись въ церкви иконѣ св. Нины—даръ заведенію въ Бозѣ почившей Императрицы Александры Теодоровны, Ихъ Величества осмотрѣли работы по рисованію и руководѣлью ученицъ, слушали хоръ ихъ, пропѣвшій нѣсколько арій изъ «Жизни за Царя» и «Евгенія Онѣгина», и милостиво приняли приготовленные дѣвцами подарки—вышитыя диванныя подушки и туфли для Государыни. Поблагодаривъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ князя Дондукова-Корсакова и супругу генераль-адъютанта Шереметева, принимающихъ близкое участіе въ судьбѣ этого заведенія, Ихъ Величества, при общемъ пѣніи воспитанницъ «Мравалжаміеръ», пѣшкомъ перешли въ дѣтскій пріютъ, основанный въ память Императора Александра II. Здѣсь Государю-Императору и Цесаревичу поднесены были воспитанницами пріюта охотничьи ягтажи, а Государынѣ и Великому Князю Георгію Александровичу—шелковыя полотенца, вышитыя по текинскимъ орнаментамъ. Осчастлививъ малютокъ царственной лаской, Ихъ Величества вернулись во дворецъ, гдѣ въ пятомъ часу пополудни, на половинѣ Императрицы, состоялся пріемъ тифлисскихъ дамъ.

Съ наступленіемъ сумерокъ сотни тысячъ иллюминаціонныхъ огней снова залили своимъ свѣтомъ весь городъ, и чѣмъ ближе отъ окраинъ къ центру, тѣмъ этотъ свѣтъ дѣлался

все ярче и, наконецъ, на Головинскомъ проспектѣ выросталь до фантастическаго блеска. Всѣ дома горѣли здѣсь отъ земли до маковки дымовыхъ трубъ, и взоръ, очарованный волшебной панорамой изъ «тысячи одной ночи,» не зналь на чемъ остановить свое вниманіе.

Но скоро движеніе многочисленной народной массы, сгустившейся, наконецъ, до невозможности пройти по улицѣ, останавливается передъ обширнымъ трехэтажнымъ домомъ губернскаго предводителя дворянства князя Багратіона-Мухранскаго. Сегодня въ этомъ домѣ тифлисское грузинское дворянство даетъ балъ въ честь Царственныхъ гостей, и съ минуты-на-минуту ожидаютъ сюда прибытія Императорской Четы.

Весь домъ иллюминованъ и представляетъ собою нѣчто въ родѣ волшебнаго замка. Изъ широкихъ, ярко освѣщенныхъ сѣней, разукрашенныхъ тропическими растеніями, пологая лѣстница, покрытая алымъ бархатомъ, ведетъ въ аванъ-залу, убранныю съ восточною роскошью; на ступеняхъ лѣстницы размѣстился почетный караулъ отъ грузинскихъ князей и дворянъ. Это подъѣздъ—царскій. Но почти съ такою же роскошью убраны и другія *entrées*, по которымъ сплошной вереницей поднимались въ бельэтажъ сотни приглашенныхъ лицъ. Черезъ широкія двери гости вступали въ обширный и высокій залъ, оклеенный дорогими золотистыми обоями съ нѣжно-розовыми и голубыми полосками; изъ залы палѣво двое дверей вели въ апартаменты, приготовленные собственно для Царственныхъ гостей; вправо—цѣлая анфилада гостинныхъ, убранныхъ коврами, а далѣе—столовая, уставленная дорогими закусками и винами. Вся прислуга одѣта въ старинные, національные грузинскіе костюмы.

Въ 9 часовъ всѣ комнаты были переполнены публикой, особенно непроницаемою стѣною столпившейся въ танцевальномъ залѣ, гдѣ изящество прихотливаго Востока и тончайшее искусство Запада, смѣшавшись въ туалетахъ дамъ и мушинъ,

кажется, оспаривали первенство другъ у друга. Художникъ съ самымъ изысканнымъ вкусомъ не съумѣлъ бы разобраться среди этой массы кружевъ, лентъ, золота и драгоценныхъ камней.

Но вотъ гулко прокатились «ура» по Головинскому проспекту. Хозяева бала—князь Багратионъ-Мухранскій и г-жа Магалова, уѣздные предводители дворянства и почетнѣйшіе грузинскіе князя поспѣшили къ выходу навстрѣчу Царственнымъ гостямъ. Черезъ нѣсколько минутъ широко распахнулись двери и, подъ звуки народнаго гимна, въ залу вступилъ Государь подъ руку съ Императрицею; за ними слѣдовали Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Государь былъ въ мундирѣ лейбъ-Эриванскаго полка; Императрица—въ бѣломъ бальномъ платьѣ, съ лучезарною бриллиантовою діадемою на головѣ и въ жемчужномъ колье. Въ рукахъ Государыни былъ дорогой букетъ, поднесенной хозяйкою бала, супругою уѣзнаго предводителя дворянства госпожею Магаловой. Такой же букетъ изъ живыхъ фіалокъ, поднесенъ былъ Ея Величеству въ залѣ поручикомъ Эриванскаго полка княземъ Сидононовымъ-Эристовымъ, дирижировавшимъ танцами.

Едва послѣдній звукъ гимна замеръ въ воздухѣ, какъ струнный оркестръ Терскаго войска грянулъ полонезъ. Шестіе открылось оберъ-церемоніймейстеромъ княземъ Долгорукимъ съ фрейлиною Ея Величества графиней Голенищевой-Кутузовой. Въ первой парѣ шествовала Государыня-Императрица съ княземъ Багратиономъ-Мухранскимъ; во второй—Государь-Императоръ съ княгиней Кетиваной Орбелиани; за ними: Наслѣдникъ-Цесаревичъ съ супругою помощника главноначальствующаго Е. Б. Шереметевой, Великій Князь Георгій Александровичъ съ княгиней Меликовой, князь главноначальствующій съ г-жею Магаловой, и графъ Воронцовъ-Дашковъ съ княгиней А. А. Амилахвари. За полонезомъ слѣдовали вальсъ и кадрили, въ которой приняли участіе и Великіе Князья. Но вести танцы, даже и въ столь обширной залѣ, было

очень трудно, такъ какъ вся собравшаяся публика столпилась въ кучу, и вниманіе всѣхъ приковано было къ одному пункту—къ апартаментамъ Ихъ Величествъ, гдѣ Августѣйшіе гости кушали чай. Но вотъ раздались первые звуки лезгинки, и едва грузинскіе князья, взявшись за руки, образовали свободный кругъ для танцующихъ, какъ Государь вмѣстѣ съ Императрицею появились въ залѣ и стали возлѣ круга. Началась лезгинка. Сколько жизни и пластики въ этомъ характерномъ танцѣ, Богъ вѣсть когда спустившимся въ долины Карталиніи съ высокихъ горъ Лезгистана. Глядя на эти легкія, живыя и граціозныя движенія, невольно приходили на память стихи Лермонтова:

То вдругъ помчится легче птицы,
 То остановится, глядитъ,
 И влажный взоръ ея блеститъ
 Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
 То черной бровью поведетъ,
 То вдругъ наклонится немножко.....
 И по ковру скользитъ, плыветъ
 Ея божественная ножка.

Государь и Государыня удостоили танцующихъ привѣтливаго вниманія и, послѣ короткаго промежутка, пожелали снова видѣть лезгинку. Тогда энтузіазму грузинъ не стало предѣловъ. Мѣрные удары въ ладоши, въ тактъ зурнѣ, раздались во всемъ залѣ, и чередующіяся пары старались превзойти другъ друга въ легкости и граціи. Музыканты пришли въ совершенный экстазъ. Сидя, почти лежа на полу, рассказываетъ «Русскій странникъ»:—съ какимъ то остервененіемъ бьетъ безстрастный на видъ грузинъ по своему двойному барабану, какъ мѣха раздуваются щеки зурниста, съ визгомъ и звономъ гудитъ бубенъ подъ ловкими ударами пальцевъ, присѣвшаго отъ внутренняго восторга на карточки, музыканта; въ воздухѣ носится неизмѣнно одинъ и тотъ-же темпъ,— и эти звуки имѣютъ дѣйствительно какую-то магическую,

разжигающую власть надъ присутствующими....

Почти два часа Ихъ Величества оставались на балѣ, и затѣмъ, милостиво простившись съ хозяевами, около 12 часовъ отбыли во дворецъ.

Передъ отъѣздомъ Августѣйшихъ гостей тифлисскіе дамы, княгини: Меликова, Гагарина, Чавчавадзе, Мухранская и другія поднесли Государынѣ Императрицѣ на память о сегодняшнемъ балѣ серебряный мангалъ съ двумя шампурами, обыкновенно служащій для приготовленія шашлыка; миниатюрные, художественно сдѣланные національные музыкальные инструменты Грузіи—чѣнури, тари и т. п. и, наконецъ, букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, составленный изъ зеренъ и сѣмянъ различныхъ сельско-хозяйственныхъ растений края; эта послѣдняя, въ высшей степени замѣчательная, мозаичная работа исполнена княжною Меликовой и, по своей оригинальности, обратила на себя общее вниманіе.

По отъѣздѣ Императорской Четы, грузины, полные восторга и благодарности, спѣшили дѣлиться другъ съ другомъ впечатлѣніями сегодняшняго вечера. Шумъ и говоръ наполнили всѣ комнаты; оживленіе, охватившее публику, выразилось въ нескончаемыхъ тостахъ въ честь Державныхъ гостей, и русское «ура» смѣшалось съ застольною грузинскою пѣснью «мраволжаміеръ.» Въ залѣ шли танцы безъ перерыва; стройныя оркестры смѣнялись азіатской музыкой,—и на арену выступали теперь маститые, сѣдовласые представители старѣйшихъ княжескихъ фамилій. Въ буфетахъ кахетинское черпалось ковшами и лилось буквально рѣкою. Въ сосѣдней комнатѣ были сазандары; они пѣли про доброе старое время, и щемлящая грусть ихъ напѣвовъ, унося вашу мысль въ сѣдую старину, еще болѣе заставляла цѣнить настоящее, еще болѣе располагала къ неудержимымъ порывамъ восторга и счастья...

Только въ четыре часа стали пустѣть балыныя комнаты, и гости, расходясь по домамъ, уносили съ собой впе-

чатлѣнія, которыя никогда не изгладятся въ сердцѣ грузина.

Пока Императорская фамилія оставалась на балѣ, народъ ликовалъ на улицахъ, и время отъ времени стѣны княжескаго дома потрясались взрывами народнаго восторга. Городъ горѣлъ и сверкалъ огнями; но вся прелесть этой волшебной ночи заключалась не въ яркости иллюминаціи, но въ тѣхъ оригинальныхъ и характерныхъ сценахъ, которыя то и дѣло приходилось наблюдать на улицахъ. Народъ точно забылъ о ѣдѣ и отдыхѣ. Толпы его или стояли сплошными стѣнами, или переносились съ мѣста на мѣсто, туда, гдѣ была хотя малѣйшая надежда посмотрѣть на Государя. Вотъ съ бубнами и зурною медленно протискивается сквозь народъ веселая компанія грузинъ,—и впереди сѣдой тулумбашъ съ огромнымъ бурдюкомъ подъ мышкою; онъ поминутно наполняетъ стаканъ и предлагаетъ его встрѣчному и поперечному.

—На пей, и кричи: «гаумарджось хелмципесь!» (Да здравствуетъ нашъ Государь!)

И этотъ сѣдой тулумбашъ, и эта женщина, съ раннего утра до позднего вечера съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ ожидающая проѣзда Императорской Четы, и эти разудалые кинто, по цѣлымъ часамъ воввашіе днемъ съ бюститителями порядка за право стоять на солнцепекѣ, и эти мальчишки, взбирающіеся на деревья и стаскиваемые оттуда выбившимися изъ силъ городовыми—все это нисколько не нарушаетъ порядка, все это на мѣстѣ, и какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ общему фону прекрасной картины.

И дай Богъ—говоритъ корреспондентъ «Новаго Обозрѣнія»: —чтобы чувства, волнующія цѣлый Тифлисъ, не остались чуждыми и нашимъ Высокимъ посѣтителямъ. Пусть воспоминанія Ихъ о насъ будутъ такъ же свѣтлы, какъ тепла наша искренность и чиста наша любовь.

Третій день пребыванія въ Тифлисѣ Царственныхъ гостей начался посѣщеніемъ Ихъ Величествами Навтлуга — самой отдаленной, но едва ли не самой живописной окраины города. Тамъ предполагено было посѣтить военный госпиталь, Надеждинскую общину сестеръ милосердія, Надеждинскій дѣтскій пріютъ и Надеждинскій домъ призрѣнія бѣдныхъ.

Путь лежалъ черезъ Авлабаръ, поднимающійся надъ городомъ красивыми террасами и увѣчанннй на самой вершинѣ монументальными зданіями военныхъ казармъ. Вся авлабарская гора, отъ низа до самаго верха, пестрѣла цвѣтными одеждами народа, буквально унижавшаго и улицы и плоскія кровли домовъ. И посреди тысячи развивавшихся флаговъ и массы зелени, обильно декорировавшей на этотъ разъ голыя авлабарскія скалы, — вся эта картина, облитая яркими лучами утренняго солнца, представляла необычайно живой и эффектный видъ.

На Циціановскомъ подъемѣ ожидали царскаго проѣзда сотни молоканскихъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ заплетенными въ косы цвѣтами и лентами. Всѣ онѣ пѣли божественные псалмы, какъ бы знаменуя торжественность и святость царскаго шествія. Когда Императорская коляска поравнялась съ этою группою, молодая дѣвушка съ низкимъ поклономъ поднесла Императрицѣ букетъ, а нѣкоторыя повергли къ стопамъ Ихъ Величествъ скромныя подношенія: это были подушки и полотенца, вышитыя ихъ собственными руками.

Достигнувъ Навтлуга, царскій экипажъ, черезъ красиво устроенную изъ цвѣтовъ и зелени галерею, въѣхалъ въ госпитальный дворъ, гдѣ у параднаго подъѣзда Ихъ Величества встрѣчены были инспекторомъ госпиталей на Кавказѣ генералъ-лейтенантомъ Дудинскимъ, начальникомъ 24-й мѣстной бригады, военно-окружнымъ медицинскимъ инспекторомъ и главнымъ врачомъ военнаго госпиталя. Сестра милосердія г-жа Юргенсонъ поднесла Императрицѣ букетъ изъ розъ, перемѣшанныхъ съ левкоями.

Посѣтивъ хирургическій залъ и операціонную палату, Ихъ Величества пѣшкомъ прошли черезъ прекрасный госпитальный садъ въ военно-фельдшерскую школу. Изъ госпиталянаго сада, живописно раскинутого на полугорѣ, Царственная Чета любовалась прелестными видами, открывающимися отсюда, съ одной стороны, на Ортачальскіе сады, прорѣзанные синею лентой Куры, съ другой—на снѣговую цѣпь Кавказскихъ горъ, изъ-за которыхъ величественно поднималась гигантская вершина Казбека. У входа въ садъ стояли воспитанницы частнаго учебнаго заведенія баронессы Тизенгаузенъ и дѣти, служащихъ въ госпиталѣ. Малютки, одѣтые въ свѣтлыя платья, привѣтствовали Ихъ Величествъ крикомъ ура и усыпали путь ихъ цвѣтами. Въ это время случился одинъ эпизодъ, рисующій понятіе мѣстнаго грузинскаго населенія о вновь введенной воинской повинности, и по своей оригинальности заслуживающій полнаго вниманія. Изъ толпы прорвался какой-то молодой человекъ и, на колѣняхъ подползая къ Государю, громко просилъ милости. Главноначальствующій предложилъ Его Величеству слѣдовать далѣе, взявшись самъ разобратъ въ чемъ дѣло. Опросивъ молодого грузина черезъ переводчика, князь Дондуковъ-Корсаковъ доложилъ Государю, что, вынимая въ прошломъ году жребій, онъ не попалъ въ дружину, а когда потребовалъ, чтобы его приняли охотникомъ, желаніе его не могло быть исполнено, потому что не было вакансіи. Теперь онъ просилъ, чтобы Государь приказалъ принять его куда будетъ угодно, такъ какъ, по его понятіямъ, онъ не имѣетъ права не служить своему Государю.

Государь былъ крайне удивленъ характерностію этой просьбы. И, дѣйствительно, нельзя не сказать, что воинская повинность въ той формѣ, въ какой она введена, вполне популярна въ христіанскомъ населеніи. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить наборъ нынѣшняго года, который совершился не только безнедоимочно, но массу требованій о зачисле-

чіи въ охотники пришлось оставить безъ удовлетворенія.

Ученики фельдшерской школы, выстроенные передъ зданіемъ училища, встрѣтили Государя прекраснымъ оркестромъ, составленнымъ изъ самихъ воспитанниковъ, исполнившихъ народный гимнъ съ замѣчательнымъ музыкальнымъ искусствомъ.

Обойдя школу и стоявшую за нею служительскую команду, Ихъ Величества посѣтили госпитальную церковь, потому отдѣленіе госпиталя, гдѣ находятся палаты внутреннихъ и заразныхъ болѣзней, и пѣшкомъ отправились отсюда въ Надеждинскую общину сестеръ милосердія.

Путь былъ буквально усыпанъ цвѣтами. Всѣхъ поражала та простота, которая окружала Государя, то отсутствіе блестящей обстановки, въ которой рисовало Царя воображеніе народа. Было что-то неизъяснимо трогательное, древне-патріархальное въ этомъ шествіи пѣшкомъ, посреди тысячной массы народа, невозбранно, со всѣхъ сторонъ, тѣснивагося къ любимому Монарху. Въ общинѣ Царственную Чету встрѣтили сестры милосердія и старшая изъ нихъ поднесла Императрицѣ букетъ.

Эта община, призванная на великое христіанское служеніе больнымъ и раненымъ воинамъ, такъ же какъ и дѣтскій пріютъ и домъ призрѣнія бѣдныхъ—памятники все той же благотворительности покойной княгини Н. А. Дондуковой-Корсаковой, о которой память никогда не изгладится въ сердцахъ благодарныхъ тифлисцевъ. Изъ общины, вновь устроенной и обновленной покойною княгиней, Царственная Чета отправилась въ экипажахъ черезъ весь Навтлугъ въ Надеждинскій дѣтскій пріютъ, недавно открытый Тифлискимъ благотворительнымъ обществомъ въ память почившей княгини Надежды Андреевны. Теперь въ немъ воспитываются уже 18 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ. Пріютъ помѣщается въ каменномъ двухэтажномъ домѣ, красиво опоясанномъ открытыми галереями. Видъ съ этихъ галлерей превосходный; воздухъ

чистый и свѣжій, а на обширномъ дворѣ разводится скверъ для дѣтскихъ игръ и прогулокъ. Ко времени царскаго прїѣзда въ этомъ прїютѣ собраны были воспитанники трехъ городскихскихъ школъ (Николаевской, Авлабарской и Навтлугской) и почти всѣ школы Тифлискаго благотворительнаго общества. Предсѣдательница этого общества Евдокія Борисовна Шереметева съ вице-предсѣдательницей княгиней А. А. Амилахвари и со всѣми попечительницами школъ приняли Императорскую Четугу у подъѣзда; здѣсь-же находились попечитель учебнаго округа тайный совѣтникъ Яновскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ Поляковъ. Въ ихъ сопровожденіи Высокіе посѣтители подробно осмотрѣли все зданіе и потомъ вышли на дворъ, гдѣ до девятисотъ дѣтей встрѣтили ихъ стройнымъ пѣніемъ народнаго гимна. Здѣсь воспитанницы Надеждинскаго прїюта поднесли Императрицѣ букетъ цвѣтовъ и двѣ накладки на подушки, изящно расшитыя шелками, а Государю-Императору вышитое полотенце. Прощаясь, Ихъ Величества выразили полную признательность дѣйствіямъ Тифлискаго благотворительнаго общества, а во вновь учрежденный прїютъ, для открытія въ немъ школы, пожертвовали изъ собственныхъ средствъ три тысячи рублей.

Пребываніе въ Навтлугѣ закончилось посѣщеніемъ Надеждинскаго дома призрѣнія бѣдныхъ, куда Ихъ Величества прошли изъ прїюта, окруженные сотнями дѣтей, тѣспившихся со всѣхъ сторонъ къ Высокимъ посѣтителямъ. Домъ призрѣнія бѣдныхъ основанъ также княгиней Надеждой Андреевной Дондуковой-Корсаковой и въ настоящее время въ немъ содержится на средства благотворительнаго общества 66 престарѣлыхъ и больныхъ людей, преимущественно отставныхъ военныхъ и ихъ женъ, получающихъ даровое помѣщеніе и кусокъ хлѣба. Попечитель этого дома М. Н. Рейтеръ встрѣтилъ Ихъ Величествъ съ хлѣбомъ и солью на точеномъ орховомъ блюдѣ, работы воспитанниковъ прїюта. Осмотрѣвъ помѣщеніе и остановившись передъ портретомъ Надежды Ан-

древны, Государь замѣтилъ: «она оставила здѣсь хорошую память»,—и затѣмъ еще разъ въ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ князя-главноначальствующаго за все, что сдѣлано въ Тифлисъ для успокоенія бѣдныхъ.

Въ часъ пополудни Императорскій поѣздъ вернулся изъ Навтлуга.

Въ этотъ самый день персіяне, проживающіе въ Тифлисъ, праздновали рожденіе шаха. Толпы ремесленниковъ съ цѣховыми значками, съ музыкой и зурной, продефилировали по улицѣ мимо дворца и направились къ персидскому консульству. Здѣсь, послѣ прочитанной молитвы о здравіи шаха, консулъ выяснилъ народу двойное значеніе сегодняшняго праздника, совпавшаго какъ-разъ съ пребываніемъ въ городѣ Русскаго Императора. Гость, провозглашенный имъ за двухъ Монарховъ сосѣднихъ дружественныхъ державъ, былъ встрѣченъ русскимъ народнымъ гимномъ и персидскимъ маршемъ. Народу разносили шербетъ и разныя сласти.

Въ исходѣ второго часа Ихъ Величества, послѣ фамильнаго завтрака, посѣтили Кавказскій музей, представляющій собою замѣчательное собраніе матеріаловъ для изученія флоры, фауны и этнографіи Кавказа, а также постепеннаго развитія внутренней жизни и производительности этого края, въ чемъ бы онѣ не выразались. Его богатыя геологическія коллекціи, прекрасный зоологическій кабинетъ съ отдѣломъ живыхъ звѣрей и птицъ, содержимыхъ во дворѣ въ огромныхъ клеткахъ, кавказскіе гербаріи, отдѣлы нумизматики и древностей, занимающіе шесть комнатъ, этнографическіе залы, гдѣ передъ зрителемъ проходитъ цѣлый рядъ кавказскихъ народностей и типовъ, гдѣ можно наблюдать мельчайшіе подробности одежды туземцевъ, ихъ вооруженія, домашней утвари, образцы ихъ произведеній, все, что имѣетъ отношеніе къ производительнымъ силамъ страны, и, наконецъ, замѣчательныя стѣнныя фрески, изображающія то мионы и сказанія древнихъ о кавказскихъ странахъ, то портреты великихъ

исторических дѣятелей Грузіи, какъ напр. Давида Возобновителя или царицы Тамары—все это заслуживаетъ не поверхностнаго описанія, а серьезнаго изученія предметовъ, а потому въ рамки настоящей статьи и войти не можетъ. Довольно сказать что Ихъ Величества оставались въ музеѣ часъ и двадцать минутъ, внимательно осматривая всѣ его достопримѣчательности, при чемъ въ этнографическомъ залѣ, тамъ, гдѣ помѣщается художественная фигура грузинскаго кинто, и лежитъ громадный бурдюкъ, могущій вмѣстить до тысячи-пятисотъ бутылокъ вина,—Царственные гости удостоили принять отъ директора музея дѣйствительнаго статскаго совѣтника Радде фрукты и пробовали старое вино мѣстнаго производства.

Оставляя музей, Ихъ Величества, на память Своего посѣщенія, начертали свои автографы, и затѣмъ, пѣшкомъ, черезъ дворъ музея, прошли въ Ольгинскую женскую гимназію, гдѣ, кромѣ воспитанницъ этого заведенія, собраны были ученицы женской прогимназіи, гимназіи Серпинѣ и Тифлисскаго епархіальнаго женскаго училища. Отъ каждаго изъ этихъ заведеній, Императрицѣ поднесены были букеты, а одна изъ ученицъ гимназіи Александра Сташевская, привѣтствовала Императорскую Чету слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Привѣтъ нашъ всей семьѣ Державной

Несемъ, любовію горя,

Къ стопамъ Царицы православной.

Къ стопамъ Великаго Царя.

Мы чудный мигъ переживаемъ:

Отъ счастья бьются всѣ сердца—

Мы, дѣти, среди насъ встрѣчаемъ

Царицу-мать, Царя-отца.

О, Царь! во вѣки не забудемъ

Про милость царскую Твою,

И горячо молиться будемъ

За всю Державную семью.

Въ актовомъ залѣ Ихъ Величества осматривали работы ученицъ и милостиво приняли дѣтскіе подарки. Женская гимназія поднесла Государынѣ-Императрицѣ *carre pıeds* для лондо Ея Величества—это атласный коверъ, окаймленный плюшемъ и усѣянный искусственными цвѣтами; на одномъ углу его золотыми буквами надпись: «Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ отъ горячо любящихъ ее ученицъ Тифлисской Великой Княгини Ольги Θεодоровны гимназіи»; Великой Княжнѣ Ксеніи Александровнѣ—ящикъ, обитый темносинимъ бархатомъ съ двумя письменными вазами и плато, на которомъ исполнены рисунки изъ кавказской жизни; Великой Княжнѣ Ольгѣ Александровнѣ—дѣтскій обѣденный сервизъ, разрисованный ученицами по фарфору сценами изъ басенъ Крылова.

Епархіальное женское училище поднесло Государю икону, сотканную изъ разноцвѣтныхъ шелковъ и шерстей: на голубомъ полѣ иконы изображенъ св. Великій Князь Александръ Невскій со знаменемъ въ рукахъ, въ тотъ моментъ, когда онъ собирается на рѣку Неву противъ шведовъ; Государынѣ—плюшевую подушку, покрытую сверху массой искусственныхъ цвѣтовъ.

Прослушавъ пѣніе воспитанницъ, подъ аккомпаниментъ музыки, Ихъ Величества спустились въ садъ, гдѣ хоръ ученицъ Серпина пропѣлъ слѣдующій привѣтственный гимнъ:

Въ день торжественный, священный,
 Въ дорогой и свѣтлый день
 Раздаются восклицанья
 Дорогихъ Тебѣ дѣтей.
 Теплымъ чувствомъ, теплымъ словомъ
 Полонъ дѣтскій нашъ привѣтъ,
 Подъ роднымъ Твоимъ покровомъ
 Здѣсь ни зла, ни горя нѣтъ.
 Здѣсь мольбы лишь только слышишь
 Нашихъ искреннихъ сердецъ:

Да хранить Тебя Всевышній,
Августѣйшій нашъ Отецъ.

Въ четыре часа пополудни Ихъ Величества оставили гимназію и отправились для осмотра Военно-историческаго музея.

Этотъ музей возникъ по мысли князя Дондукова-Корсакова—одного изъ старѣйшихъ, оставшихся въ живыхъ, представителей боевого Кавказа. Мысль князя главноначальствующаго—сохранить въ памяти потомства все, что еще уцѣлѣло отъ славнаго минувшаго времени кавказской войны, встрѣтила полное одобреніе Государя Императора и вызвала горячее сочувствіе въ обществѣ. Рѣшено было изобразить въ цѣломъ рядѣ картинъ наиболѣе важныя историческія моменты кавказской войны, собрать портреты выдающихся кавказскихъ вождей, боевые трофеи, добытые въ бояхъ кавказскими войсками, разныя вещи, принадлежавшія извѣстнымъ кавказскимъ дѣятелямъ, и, наконецъ, составить по возможности полную военно-историческую бібліотеку изъ тѣхъ сочиненій, которыя касаются Кавказа и кавказской войны. Военный музей, какъ хранилище вѣковыхъ кавказскихъ традицій, безъ сомнѣнія долженъ имѣть громадное воспитательное значеніе для цѣлага края, потому что не однѣ только доблести войскъ, а доблести и цѣлыхъ народовъ преемственно передаются въ преданіяхъ. Сохранить эти преданія, значитъ сохранить народу исторію его собственной жизни для назиданія и пользы позднѣйшаго потомства. А кто-то справедливо сказалъ, что великая будущность ожидаетъ тотъ народъ, который не разрываетъ связи со своимъ прошедшимъ.

Ко времени царскаго пріѣзда, музей еще не былъ открытъ; только одна половина здапія его, готовая вчернѣ, наскоро была приспособлена, чтобы помѣстить въ ней готовыя картины, портреты и нѣкоторые трофеи. Музей еще не богатъ своими коллекціями; но и то, что уже имѣется въ немъ, заслуживаетъ полного вниманія. Кромѣ большихъ, во весь ростъ,

портретовъ русскихъ Государей, начиная съ Петра Великаго и кончая портретомъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, художественно исполненными мѣстнымъ тифлискимъ художникомъ Колчинымъ,—стѣны музея были украшены десятью большими картинами, работы художниковъ Рубо, Самокиша и Айвазовскаго; надъ этими картинами вышлся цѣлый рядъ портретовъ, а по угламъ стояли знамена, изъ которыхъ три—памятники славной Асландузской побѣды Котляревскаго, а остальные взяты во время персидской войны Паскевича.

На особомъ столѣ разложены были планы музея, проекты надписей на его наружныхъ стѣнахъ, и тутъ же лежали въ красивыхъ сафьянныхъ папкахъ описанія каждой картины и каждого портрета, составленные по приказанію князя Дондукова-Корсакова, въ краткомъ, но, по возможности, полномъ, живомъ и ясномъ изложеніи.

Изъ остальныхъ вещей, уже поступившихъ въ музей, такъ сказать, при самомъ его основаніи, нельзя пройти молчаніемъ двухъ витринъ, изъ которыхъ въ одной хранятся три шапки, принадлежавшія князю Воронцову, чернильница и подозрная труба, сопровождавшія графа Паскевича во всѣхъ его походахъ по Персіи и Турціи, и, наконецъ, ключи покоренныхъ крѣпостей: Аббасъ-Абада, Эривани, Тавриза и Ардебиля. Въ другой витринѣ—большой серебряный альбомъ, поднесенный графу Николаю Ивановичу Евдокимову его сослуживцами въ эпоху покоренія Западнаго Кавказа(*), и тутъ же находятся шапка покойнаго графа и кинжалъ, которымъ онъ былъ раненъ. Кинжалъ этотъ съ черною рукояткою довольно солидныхъ размѣровъ, и на широкомъ клинкѣ его написана золотомъ арабская молитва; шапка—въ простыхъ замшевыхъ пожнахъ, обдѣланныхъ галунами; но клинокъ—

(*) Этотъ альбомъ и вещи покойнаго графа были пожертвованы въ Кавказскій музей графиней Евдокимовой.

настоящій терсмеймунъ, который самъ по себѣ уже составляетъ цѣнное приобрѣтеніе для военнаго музея.

Чтобы выяснитъ значеніе этихъ вещей, расскажемъ одинъ эпизодъ изъ жизни покойнаго графа Николая Ивановича Евдокимова. Это было въ 1840 году. Графъ былъ тогда еще подполковникомъ и приставомъ Койсубулинскаго общества. Разъ онъ получилъ извѣстіе о появленіи въ Унцукулѣ мюридовъ и, тотчасъ прискакавъ въ аулъ, потребовалъ отъ жителей выдачи возмутителей. Но Евдокимовъ еще не окончилъ свою рѣчь, какъ подкравшійся сзади горецъ ударилъ его кинжаломъ, который прошелъ насквозь черезъ спину, грудь и животъ. Отпрянуть, почувствовавъ ударъ, выхватить шапку, обернуться къ врагу и срубить его, какъ говорятъ на Кавказѣ—было для раненаго дѣломъ одного мгновенія. Разрубленный отъ плеча до середины груди, горецъ мертвымъ рухнулъ къ ногамъ Евдокимова. Но и со стороны Евдокимова это было послѣднее напряженіе воли: онъ запнулся, былъ подхваченъ старшинами и отнесенъ на квартиру. Крѣпкое здоровье покойнаго графа перенесло эту страшную рану, а унцукульцы, закаленные въ бояхъ и разбояхъ, не могли налюбоваться ударомъ, смотря на разрубленнаго собрата—и въ результатѣ выдали всѣхъ мюридовъ. Такова исторія кинжала и шапки, лежавшихъ въ витринѣ военнаго музея.

Къ предметамъ, уже описаннымъ, есть предположеніе прибавить изъ Кавказскаго музея еще нѣсколько вещей, имѣющихъ чисто военное значеніе, какъ напр. священное знамя хевсуровъ, называемое «дроша,» за которымъ народъ слѣдуетъ безпрекословно, когда его поднимаетъ священникъ; двѣ горскія пушки, отбитыя въ Дагестанѣ, и сѣкира Букъ-Магомета, взятая при штурмѣ аула Шелеги 18 января 1852 года. Эта сѣкира—памятникъ такого кроваваго боя, который не имѣетъ себѣ подобнаго во всей исторіи кавказской войны. Въ аулѣ Шелеги засѣли 80,—а по словамъ другихъ 40 мюридовъ, подъ начальствомъ Букъ-Магомета; ихъ штурмовали

три баталіона лучшей кавказской пѣхоты. И пока эта горсть отчаянныхъ защитниковъ была истреблена и сѣкира Букъ-Магомета попала наконецъ въ руки побѣдителей—войска потеряли 22 офицера и болѣе пятисотъ нижнихъ чиновъ.

Наружныя украшенія военнаго музея, долженствующія соответствовать памятникамъ мужества и храбрости войскъ, хранимымъ въ стѣнахъ его, также еще не готовы; но и теперь уже вокругъ музея грозно стоятъ, приготовленные для ограды, чугуныя и мѣдныя пушки, добытыя войсками при покореніи Ардагана, Карса и Арзерума. А на одной изъ наружныхъ пилястръ виситъ доска, на которой начертаны важнѣйшія событія кавказской войны съ 1832-го по 1844-й годъ. Это образецъ тѣхъ досокъ, которыми будутъ покрыты наружныя стѣны музея, и на которыхъ золотыми буквами будетъ начертана боевая хроника Кавказа, начиная съ заложенія крѣпости Терки и кончая боемъ въ Закаспійскомъ краѣ подъ Кушкою.

Императорская Чета посѣтила военный музей ровно въ четыре часа пополудни. При входѣ, Ихъ Величествамъ представлены были члены комиссіи по сооруженію музея, а также художники, находившіеся въ Тифлисѣ: Рубо, Самокишъ, корнетъ Мезенцевъ, Колчинъ и другіе. Государя Императора сопровождалъ князь главноначальствующій, который лично объяснялъ Его Величеству эпизоды, изображенные на картинахъ, какъ живой свидѣтель почти всѣхъ минувшихъ событій. Особенно долго останавливался Государь у картинъ «взятіе Геокъ-Тепе» и «атака нижегородскихъ драгунъ подъ Кюрюкь-Дара»—гдѣ князь главноначальствующій, командовавшій въ то время драгунами, получилъ тяжелую рану.

Обойдя музей и пожелавъ ему въ будущемъ достигнуть той высокой цѣли, которая, такъ сказать, была начертана на его знамени, Императорская Чета отправилась для осмотра кадетскаго корпуса.

Фасадъ корпуса былъ украшенъ громаднымъ пятисажен-

нымъ щитомъ, задрапированнымъ сплошь матеріею алаго цвѣта. На щитѣ двуглавый орелъ держитъ въ лапѣхъ земной шаръ, а на крыльяхъ его изображены Императорскія регаліи. Весь вестибюль, парадная лѣстница и верхняя площадка устланы персидскими коврами и уставлены тропическими растеніями. При входѣ Ихъ Величествъ, самый маленькій кадетъ, Каневскій, поднесъ Императрицѣ букетъ изъ бѣлыхъ розъ, резеды и левкоевъ,—и съ этимъ букетомъ Императрица вечеромъ явилась на народное гулянье.

Въ корпусѣ Государь поинтересовался музыкальными успѣхами кадетъ, и оркестръ воспитанниковъ прекрасно исполнилъ піесу Шумана «въ морѣ»; потомъ кадеты хоромъ пропѣли: «Богомъ Царь благословенный», «Ты пойдѣ во зеленый лугъ», и «Черноброва-чернока». Пѣніе хора произвело на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе, и Государь изволилъ замѣтить, что музыкальная часть въ Тифлисѣ, какъ и вообще на всемъ Кавказѣ, развита прекрасно. Когда Государь сѣлъ уже въ экипажъ, Военный министръ вернулся въ вестибюль и еще разъ передалъ директору корпуса генераль-маіору Острогорскому благодарность Ихъ Величествъ.

Корпусъ былъ послѣднимъ учебнымъ заведеніемъ осмотрѣннымъ въ Тифлисѣ.

Въ семь часовъ пополудни во дворцѣ состоялся парадный обѣдъ, на который удостоились приглашенія: чрезвычайный персидскій посоль, всѣ высшія военныя и гражданскія власти, духовенство, какъ православнаго, такъ и иновѣрческихъ исповѣданій, представители дворянства, иностранные консулы и почетнѣйшія дамы Тифлиса. Всѣхъ приглашенныхъ было 212 особъ. Когда Ихъ Величества вступили въ столовую залу, высокопреосвященный экзархъ Грузіи благословилъ царскую трапезу и занялъ мѣсто за обѣденнымъ столомъ напротивъ Государя-Императора. Во время обѣда играли два хора военной музыки. Первый тостъ былъ провозглашенъ Государемъ за здоровье персидскаго шаха, въ честь дня рож-

денія Его Величества; затѣмъ Государь въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ князя главноначальствующаго, губернскаго предводителя дворянства и городского голову за привѣтъ и радушный приѣмъ, встрѣченный Имъ въ Тифлисѣ, и поднялъ бокаль за грузинское дворянство, за городъ, за процвѣтаніе Кавказа со всѣми его народностями. Князь Дондуковъ отвѣчалъ тостомъ за драгоцѣнное здоровье Ихъ Величествъ—и громовое «ура», вмѣстѣ со звуками народнаго гимна, огласившее залу, отдалось на площади и было подхвачено многотысячною толпою народа.

Между тѣмъ городъ, какъ и въ предшествовавшіе дни, роскошно иллюминировался. Но на этотъ разъ ярче другихъ горѣла Михайловская улица, по которой Государь долженъ былъ проѣхать въ загородный садъ «Муштаидъ», гдѣ было назначено народное гулянье и фейерверкъ. Точно широкимъ огненнымъ потокомъ вливалась эта улица въ огненное море Муштайда, представлявшаго собою уже нѣчто совершенно волшебное. Высокая триумфальная арка съ надписью: «Добро пожаловать», такъ и горѣвшая пламенемъ, приводила въ садъ, а отсюда огненные рѣшетки, огибая аллеи, указывали путь къ царскому павильону, залитому ослѣпительнымъ блескомъ электрическихъ фонарей и солнць.

Самый павильонъ устроенъ былъ въ восточномъ вкусѣ. Черезъ главный подъѣздъ, въ видѣ узорчатой арки, входятъ въ большія сѣни съ расписнымъ плафономъ и съ полукруглыми нишами, убранными сталактитомъ. Отсюда входъ въ главный залъ «Дарбазъ», покрытый девятью куполами; налѣво—Императорская гостинная; направо—буфетъ съ прохладительными напитками и фруктами. Изъ зала есть выходъ на галерею, гдѣ устроена царская ложа; а далѣе, уже надъ самую Курю, галерея заканчивается роскошною бесѣдкой. Весь павильонъ внутри расписанъ орнаментами въ арабскомъ стилѣ; на полу и стѣнахъ тысячные персидскіе ковры; всюду мягкая азіятская мебель, турьи рога, старинное оружіе.

Громадная семитысячная масса народа запружаетъ садъ и стоитъ неподвижной стѣною, не имѣя возможности податься ни взадъ, ни впередъ.

Въ исходѣ десятаго часа отдаленный гулъ восторженныхъ криковъ народа, несшійся со стороны Михайловской улицы и по аллеямъ Мухтаида, возвѣстилъ о приближеніи Государя. Городской голова Матиновъ, со всѣми именитыми представителями города, встрѣтилъ Ихъ Величества въ сѣняхъ павильона и поднесъ Императрицѣ роскошный букетъ.

Моментъ появленія Императора передъ народомъ въ открытой ложѣ былъ поистинѣ торжественъ. Вся эта семитысячная толпа, какъ одинъ человѣкъ, грянула «Ура», которое вслѣдъ за тѣмъ смѣнилось не стройнымъ, но потрясающимъ пѣніемъ всею толпою русскаго народнаго гимна. Съ прибытіемъ Государя началось народное гуляніе. На небольшой площадкѣ, только остававшейся свободной передъ царскою ложей, танцовали лезгинку; ее смѣнило пѣніе подъ звуки тихой чонгуры, полное оригинальности и той неизъяснимой своеобразной прелести, которая такъ пріятно поразила Ихъ Величества на балѣ грузинскаго дворянства, произвели и здѣсь на Царственныхъ гостей хорошее, отрадное впечатлѣніе. Уже нѣсколько разъ смѣнились танцующіе пары, уже нѣсколько пѣсень пропѣли сазандары, вспоминая старое время грузинскихъ царей, когда Ихъ Величества спустились въ садъ и, сквозь густыя толпы народа, прошли къ пирующимъ амкарамъ. Здѣсь ремесленный голова Науменко и мѣщанскій староста Будаговъ просили Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича удостоить ремесленные цехи принятіемъ отъ нихъ приготовленныхъ подарковъ. Цесаревичу поднесены были бѣлая папаха и богатое оружіе: пашка, кинжалъ съ поясомъ и серебряные хазыри тифлисской работы; а Великому Князю Георгію Александровичу турьи рога, азарпеши, кула и деревянные стаканы—все въ превосходной серебряной оправѣ съ эмалью.

Отсюда Ихъ Величества направились къ бесѣдкѣ, устроенной въ концѣ галлерей; но пройти сквозь столпившуюся многотысячную массу народа было весьма затруднительно: Государь и Государыня, охваченные живыми, восторженными волнами народа, медленно подвигались впередъ, но мѣрѣ того какъ народъ, употребляя страшныя усилія, раздвигался направо и налево, чтобы открыть узкую дорогу для царскаго шествія. Князь главноначальствующій въ виду неимоверной тѣсноты обратился къ Государю со словами: «Извините, Ваше Величество, нравы у насъ патріархальныя; но нигдѣ правитель не можетъ быть такъ, спокоенъ какъ среди этого народа.» Государь былъ видимо тронутъ простымъ безыскусственнымъ выраженіемъ народной любви и на горячія привѣтствія громко повторилъ нѣсколько разъ: «Благодарю всѣхъ за радушіе и сердечный пріемъ.»

Какъ только Ихъ Величества достигли, наконецъ, бесѣдки—сигнальная ракета дала условный знакъ къ началу фейерверка. Сотни ракетъ, взлетѣвшихъ снопами и букетами, цѣлыя стаи жаворонковъ, павлиныя хвосты и огненные водометы, плывшія по рѣкѣ и разрывавшіяся съ ужаснымъ шумомъ и трескомъ, чередовались съ красивыми декораціями и съ огненнымъ водопадомъ, низвергавшимся въ Куру съ двадцати-пяти саженой скалы. Особенно хороша была старинная грузинская свадьба, пронесшаяся на плотахъ по Курѣ съ зурною, цѣніемъ и плясками. Освѣщенная бенгальскимъ огнемъ, эта свадьба дѣйствительно была чрезвычайно эффектна и вызвала шумныя оваціи со стороны народа. Но вотъ открылась огненная колоннада, и на ея аркахъ ярко загорѣлись вензеля Ихъ Величествъ и Цесаревича подъ Императорскими коронами. Въ этотъ моментъ все, что было въ Муштаидѣ, разомъ обнажило головы и тысяча голосовъ грянули гимнъ «Боже-Царя-храни.» Большинство народа не знало даже по-русски; но знакомые священныя звуки торжественнаго гимна неслись отчетливо и плавно,—«это отъ избытка

сердца глаголили уста», какъ говорить евангеліе. Это была великая, святая минута, въ которой сказалась та внутренняя связь между Царемъ и народомъ, которую ни разорвать, ни поколебать никогда никому не удастся. Такія минуты въ жизни народа не часты, но если бы ихъ подсмотрѣли тѣ, кто еще сомнѣвается въ могучей силѣ всеобъединяющей взаимной любви народа и Царя, то, можетъ быть, и съ ними повторилась бы исторія того восточнаго мага, который шельзловить пророка и, увидѣвши, сталъ благословлять его.

Въ полночь Императорская семья оставила ликующій Муштайдъ и возвратилась во дворецъ. Яркая иллюминація, въ послѣдній разъ освѣтившая Тифлисъ, потухла; народъ сталъ расходиться по домамъ, чтобы съ зарею снова собраться ко дворцу,—туда, гдѣ были его думы и сердце.

Наступило 1-е октября — день отъѣзда Государя изъ Тифлиса. вмѣстѣ съ зарею поднялся на ноги весь городъ, и тысячныя толпы спѣшили занимать тѣ улицы, по которымъ долженъ былъ прослѣдовать царскій поѣздъ. Между тѣмъ, у подъѣзда дворца выстроился почетный караулъ изъ грузинскихъ князей и дворянъ, и расположились амкары со своими знаменами, и сюда-же собрались представители всѣхъ учреждений, генералитетъ и штабъ и оберъ-офицеры тифлискаго гарнизона. Ровно въ 8 часовъ утра Государь въ дорожномъ сюртукѣ и Государыня въ простомъ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ и сѣрой кофточкѣ, вышли изъ дворца и, милостиво попрощавшись со всѣми присутствовавшими, сѣли въ экипажъ. Едва коляска, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей, тронулась съ мѣста, какъ загудѣли церковные колокола, заиграла музыка, и громовое «ура», вмѣстѣ съ сердечными пожеланіями народа, понеслись вслѣдъ Августѣйшимъ путешественникамъ.

Императорскій поѣздъ направился черезъ Авлабаръ по

кахетинской дорогѣ въ Цинондалы.

Экипажи уже скрылись изъ виду, а толпа все еще стояла, какъ очарованная, сисясь различить не мелькнетъ-ли на горизонтѣ еще разъ бѣлая фуражка Государя или зонтикъ Государыни.

А въ опустѣвшихъ стѣнахъ стараго города, подъ сводами тысячилѣтняго храма, молился колѣнопреклоненный маститый экзархъ Грузіи, испрашивая Божьяго благословенія на Царственную Чету, на Августѣйшихъ дѣтей, и на всю страну ихъ. Народъ, возвращаясь домой, заходилъ въ Господніи храмы, и скоро Сіонскій соборъ переполнился молящимися.

Говоря о пребываніи Государя въ Тифлисѣ нельзя не упомянуть о двухъ подношеніяхъ, которыя сдѣланы были Ихъ Величествамъ частными лицами. Такъ гг. Картвеловъ и Меунаргія поднесли, изданную ими, старинную грузинскую поэму «Барсовая кожа», съ пересказомъ ее на русскій языкъ—обширное изящное изданіе, иллюстрированное картинами художника Зичи; госпожа С. М. Измирова—великолѣпный коверъ, на которомъ по малиновому бархату вышита разноцвѣтными шелками и золотомъ картина, изображающая крещеніе Руси. Картина скомпанована очень удачно, исторически вѣрна и въ своихъ деталяхъ отличается художественнымъ исполненіемъ. На коврѣ надпись: «Въ память девятисотлѣтняго юбилея крещенія Руси св. Владиміромъ, 28 сентября 1888 года. Тифлисъ».

Пребываніе Государя въ Тифлисѣ ознаменовалось многими и щедрыми наградами: чрезвычайный персидскій посолъ принцъ Хессамусъ-Сальтанъ получилъ орденъ Бѣлаго Ора, осыпанный брилліантами; губернский предводитель дворянства князь Багратіонъ-Мухранскій—александровскую ленту; городской голова Матиновъ—орденъ св. Владиміра 3 ст. Отставной полковникъ князь Константинъ Багратіонъ-Мухранскій возведенъ

въ званіе егермейстера Двора Его Императорскаго Величества, званіе камергера пожаловано тифлисскому уѣздному предводителю дворянства—Магалову, а званія камеръ-юнкеровъ: князю Андроникову, свѣтлѣйшему князю Грузинскому и князю Александру Багратионъ-Мухранскому

Кавалерственными дамами ордена св. великомученицы Екатерины малаго креста пожалованы: супруга помощника главноначальствующаго на Кавказѣ Евдокія Борисовна Шереметева, княгиня Кетевана Георгіевна Джамбакуріанъ-Орбелиани и княгиня Александра Макаровна Меликова.

Княжны: Марія Сумбатова, Нина Меликова, Елена Шервашидзе, Варвара Аргутинская-Долгорукова и Нина Челобаева пожалованы фрейлинами Ея Величества.

Многія лица получили чины, ордена и Высочайшіе подарки, а всѣ грузинскіе князья и дворяне, участвовавшіе въ почетномъ караулѣ, произведены въ прапорщики милиціи.

Быстро пронеслись три счастливые дня, въ которые Тифлисъ чествовалъ великимъ праздникомъ Державнаго хозяина русской земли; но эти три дня неизгладимо врѣзались въ сердце туземнаго населенія. «Пусть память о пріѣздѣ Монарха въ нашъ край—говоритъ армянская газета «Мшакъ» будетъ соединена съ глубокимъ нашимъ убѣжденіемъ, что Онъ своимъ присутвіемъ далъ намъ могущественный стимулъ еще болѣе пріобщиться къ обще-человѣческой культурѣ, точно такъ, какъ, за сто лѣтъ тому назадъ, начало русскаго владычества у насъ дало намъ возможность сдѣлать первые шаги на пути обще-человѣческаго образованія».

«Много живетъ еще среди насъ стариковъ—говоритъ другая газета,—которые помнятъ печальныя и ужасныя событія изъ прошлаго Тифлиса. Съ востока не разъ приходили властители; но жители бѣжали отъ нихъ, спасая жизнь и покидая достояніе. Теперь само населеніе Кавказа стремится въ Тифлисъ навстрѣчу Сѣвернаго Властителя, несущаго съ собою свѣтъ, охрану спокойствія, миръ и благоденствіе. Сча-

стливъ Тифлисъ, удостоенный впервые видѣть у себя русскую Императрицу,—и это небывалое до сихъ поръ событіе служить лучшимъ доказательствомъ того, насколько Кавказъ близокъ къ Царскому сердцу».....

«Сѣдой Тифлисъ,—читаемъ въ третьей армянской газетѣ, Ардаганкъ:—имѣлъ счастье съ хлѣбомъ и солью и криками «осанна» принять у себя Русскаго Самодержца и Его Августѣйшее семейство. Это третій разъ, какъ Русскіе Самодержцы посѣщаютъ Кавказъ. Дѣдъ нынѣшняго Государя-Императора въ октябрѣ 1837 года посѣтилъ землю Араратскую, освобожденную Имъ отъ ига магометанскаго и лично изволилъ помолиться въ св. Эчмиадзинскомъ храмѣ; приснопамятный Родитель Государя, посѣтивъ Кавказъ въ сентябрѣ 1871 года, нашелъ его умиротвореннымъ и уже освобожденнымъ отъ вѣковаго крѣпостнаго рабства. Нынѣ нашъ край осчастливленъ посѣщеніемъ Императора Александра III, милостями котораго уроженцы нашего края получили права гражданства. Взрослые изъ нашихъ сыновей имѣли счастье привѣтствовать Государя съ ружьями на плечахъ, оказавъ Ему воинскія почести; молодые, находящіеся въ учебномъ возрастѣ,—встрѣчали Его на улицахъ и въ школахъ, моля о благоденствіи Царя, проникнутаго милосердіемъ и состраданіемъ къ воспитывающемуся юношеству».

Въ такихъ же горячихъ, полныхъ искренней любви, выраженіяхъ отзываются о пріѣздѣ Государя и газеты грузинскія. «Посѣщеніе Государя—говорится въ одной изъ этихъ газетъ:—показываетъ ясно, что несмотря на нашу отдаленность отъ русскаго центра, мы все-таки близки къ сердцу Государя и не лишены Его Высокаго вниманія, покровительства и заботливости»....

«Нашу непоколебимую преданность—продолжаетъ та же газета:—мы унаслѣдовали отъ славныхъ и доблестныхъ предковъ нашихъ, имена которыхъ начертаны въ исторіи и освящены преданіями. Мы не богаты; у насъ нѣтъ ни золота, ни

серебра, но зато у насъ есть сокровище болѣе этого цѣнное—это безграничная преданность наша Царю. И этимъ драгоценнымъ сокровищемъ, этимъ нерукотворнымъ нашимъ достояніемъ, «мягкимъ какъ ткань, и крѣпкимъ, какъ кованое желѣзо», мы устилаемъ путь нашему Надежѣ-Государю.

«Эта вѣра наша, вмѣстѣ съ нашею самоотверженною преданностію, срослась и окрѣпла, войдя въ плоть и кровь нашу, и стала непоколебимою твердыней, на которой многострадальная Грузія водрузила знамя своей защиты, свой оплотъ и свою надежду. И эта защита, этотъ оплотъ, и эта надежда—нашъ обожаемый Монархъ.

Таковы отзывы грузинской и армянской прессы.

VI.

ВЪ КАХЕТІИ.

Кахетія, куда изъ Тифлиса направился Императорскій поѣздъ, издревле считалась самоцвѣтнымъ камнемъ и лучшимъ перломъ въ тяжелой коронѣ грузинскихъ царей. Это былъ маленькій рай, завѣтнымъ мѣстомъ котораго можно было считать Циондалы, находившіеся въ семи верстахъ отъ Телава, на крутомъ берегу Чобахура, впадающаго въ Алазань. Здѣсь, какъ въ центрѣ страны, сосредоточивалось издревле вся внутренняя жизнь Кахетіи. Но этотъ маленькій рай былъ похожъ на тѣ виноградники, которые растутъ на лавѣ и пеплѣ Везувія. Только Кахетіи угрожали не подземныя стихійныя силы, а хищныя и буйныя сосѣди ея — лезгинны, набѣги которыхъ были такъ-же губительны, какъ и огненные лавы вулкана. Только одна Алазань отдѣляла Кахетію отъ ея исконныхъ враговъ, и эти враги были такъ близко, что мысль объ оборонѣ никогда не оставляла кахетинца, какъ не оставляли его кинжалъ и винтовка, да, пожалуй, еще прирожденная ему веселость и довольство своею судьбою. Кто-то прекрасно нарисовалъ типъ кахетинца въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Я знаю, тамъ, за вашими горами,
По-старинѣ, въ саду кудрявыхъ лозъ,

Ты любишь пить съ веселыми гостями,
И уставлять ковры нобатами изъ розъ.

И весело тебѣ, когда рабы собирають
Вашъ виноградъ; когда по цѣлымъ днямъ
Въ давилянхъ толкотня, и мутныя стекають
Струи вина, журча по длиннымъ жолобамъ.

Ты любишь пулями встрѣчать гостей незван-
ныхъ,
Лезгинъ, изъ ближнихъ горъ, забравшихся въ сады,
И любишь гарцовать, когда толпой на рьяныхъ
Коняхъ спѣшите вы на пиръ въ Алаверды.

И весело тебѣ, что твой кинжалъ съ насѣчкой,
Что мѣткое ружье въ оправѣ дорогой,
И что твой конь звенить серебряной уздечкой,
Когда онъ ржетъ и пляшетъ подъ тобой...

Миновали грозы; но кахетинецъ остался тѣмъ-же, чѣмъ
былъ въ то стародавнее время, уже застилающееся туманомъ
забвенія.

Едва пронеслась вѣсть, что Государь выѣхалъ изъ Ти-
флиса, какъ вся Кахетія поднялась и двинулась къ Нему на-
встрѣчу. Все переполнилось однимъ восторженно-радостнымъ
чувствомъ, той нескончаемою, не знающею себѣ ни границъ,
ни предѣловъ, преданностію къ Тому, Кто одинъ держитъ въ
Своихъ рукахъ судьбы сотни милліоновъ людей, одинаково,
безъ различія вѣрованій и національностей, устремляющихъ
на Него взоры, полные любви и упованія. Смотришь на эту
народную толпу, и дума за думою проносится въ головѣ о
прошлыхъ, невозвратно минувшихъ событіяхъ прекрасной
Кахетіи, теперь успокоенной и взлелѣянной подъ мощнымъ
покровомъ русскихъ Монарховъ. Тамъ за этимъ высокимъ
гамборскимъ переваломъ, растилаются виноградныя долины,
орошаемыя красивою Алазанью, тамъ стоятъ Цинондалы—
эта поэтическая принадлежность Кахетіи, тамъ старый Сиг-
нахъ съ гробницею просвѣтительницы Грузіи Нины, и цар-

ственный Телавъ съ остатками прежняго грузинскаго величія, и та горная цѣпь, что поднимается гранитною стѣной на дальнемъ горизонтѣ, полная сказочныхъ подвиговъ и богатырскихъ битвъ. Тамъ каждый клочекъ земли добытъ былъ кровью и закрѣпленъ за Россією жизнію сотенъ ея сыновъ, имена и заслуги которыхъ, извѣстны только одному Богу. Но всѣ они, и прославленные и незамѣченные молвою, имѣютъ равное право на благодарность потомства. Ихъ самоотверженію обязаны тѣмъ, что умиротворенная Кахетія имѣетъ нынѣ счастье встрѣчать на своихъ, полныхъ историческихъ воспоминаній, поляхъ русскаго Царя и русскую Царицу.

На половинѣ дороги между Тифлисомъ и Гамборами, около деревни Уджарма, откуда открывается великолѣпная картина на долину Юры и окаймляющія ее лѣсистыя горы, стоялъ небольшой павильонъ, изящно убранный зеленью. Здѣсь поѣздъ остановился, и Государь удостоилъ князя главноначальствующаго принять отъ него завтракъ. Во время завтрака играла музыка Терскаго казачьяго войска, въ ночь высланная сюда изъ Тифлиса.

Послѣ завтрака Императорскій поѣздъ останавливался въ Гамборахъ, гдѣ стоятъ двѣ батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады,—тогда находившіяся въ Тіонетскомъ лагерѣ. Здѣсь Государь осмотрѣлъ вновь устроенныя для батарей помѣщенія и только что освященную новую церковь.

Изъ Гамборъ начинается подъемъ на перевалъ, лежащій на пять съ половиною тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря и раздѣляющій долины Куры и Алазани. Отсюда въ обѣ стороны открывается роскошная панорама, которую не можетъ охватить самый дальнозоркій глазъ. Позади—Карталинія, гдѣ по лощинамъ и скатамъ обнаженныхъ горъ живописно раскинулись и старыя монастыри, и крѣпости, и древнія башни, и бѣдныя деревушки, издали представляющіяся глазу грудой развалинъ—до того онѣ характерны своею безпорядочною постройкою. Впереди—свѣтлая Алазань серебряною нитью

легла по долину и, извиваясь между зелеными кучами благоухающих садовъ и рощъ, очаровываетъ взоры; въ самомъ центрѣ картины величественно поднимается Алавердынскій монастырь, извѣстный цѣлой Грузіи, а за нимъ бѣлѣютъ низенькіе, уютные домики Телава. Передъ Высокими путешественниками разомъ открылась вся роскошь очаровательной Кахетіи—долины розъ и винограда. И впечатлѣніе было такъ сильно, что Государь, любуясь дивною панорамой, сказалъ: что это лучший и живописнѣйшій видъ, какой Онъ когда либо видѣлъ.

Въ Телавѣ Императорскій поѣздъ прибылъ въ пять часовъ пополудни. Проѣхавъ черезъ триумфальную арку, царская коляска остановилась у входа въ Успенскій соборъ, гдѣ густая масса народа затопила всю площадь. При колокольномъ звонѣ со всѣхъ телавскихъ церквей, вышелъ навстрѣчу къ Державной Четѣ преосвященный Виссаріонъ, епископъ алавердскій, и привѣтствовалъ Ихъ Величества слѣдующею рѣчью:

«Ливуй Кахетія и радуйся Телавъ!

«Исполненный глубокихъ думъ, грядетъ нашъ Царь съ Семейю днесь къ тебѣ. Радуемся и торжествуемъ отъ всей души и благодарно славимъ Бога, взирая на свѣтлую лѣпоту лица Твоего, видя въ немъ безграничную доброту души Твоей. Глубоко чувствуемъ и безмѣрно высоко цѣнимъ Ваши царскія милости и щедроты. Горячо и искренно отъ преданныхъ царскому Престолу сердець благодаримъ за всѣ изліянные на край нашъ дары и благодѣянія. Но вмѣстѣ и снова питаемся надеждою, что не изсякнетъ и не оскудѣетъ, а паче приумножится и распространится источникъ Вашихъ милостей обитателямъ сего края.»

Гряди нашъ Царь, гряди слава наша!

Гряди Царица наша!

Гряди надежда наша;

«Возвратуемся и возвеселимся благовѣрные сынове и дщери Кахетіи. Передъ нами нашъ Царь съ Семейю, помазан-

никъ Христовъ—вѣнчаный Александръ. Аминь.»

Отслушавъ краткое молебствіе и поблагодаривъ милостивымъ поклономъ народъ, Ихъ Величества, не останавливаясь въ Телавѣ, прослѣдовали дальше въ Собственное имѣніе Свое—Цинондалы.

Весьма интересную и въ то же время оригинальную картину представлялъ путь отъ Телава къ Цинондаламъ, сплошь залитый живыми волнами народа, встрѣчавшаго поѣздъ восторженными криками и усыпавшаго дорогу цвѣтами. Старая Грузія, Грузія времянь Ираклія, конечно, не приминула бы при этомъ торжествѣ собрать сотни и тысячи барановъ, чтобы ихъ свѣжею, дымящеюся кровью украсить путь, по которому шествовалъ Царь, какъ это было въ обычаяхъ персовъ. Но въ теченіи послѣдняго столѣтія, съ тѣхъ поръ какъ русскій Императоръ Александръ Первый прикрылъ своею царственною порфирой обнаженую, измученную Грузію, нравы измѣнились во многомъ, и грузинскій народъ встрѣчалъ теперь своего Вѣнценосца уже не кровавою жертвой, а цвѣтами и зеленью.

Въ шесть часовъ пополудни Императорская семья прибыла въ Цинондалы. Это большое имѣнье, издревле принадлежавшее князьямъ Чавчавадзе, теперь перешло въ удѣльное вѣдомство и Государь-Императоръ сталъ такимъ образомъ кахетинскимъ помѣщикомъ. Въ Цинондалахъ Ихъ Величества встрѣчены были всѣми служащими, съ управляющимъ въ головѣ, который поднесъ Государю хлѣбъ-соль, а Государынѣ—букетъ роскошныхъ кахетинскихъ цвѣтовъ.

Наслѣдующій день, 2-го октября, когда Государь, отслушавъ божественную литургію въ цинондальской церкви, возвращался съ Царственною семьею во дворецъ, случилась сцена, ярко характеризующая понятіе мѣстнаго населенія о Царѣ, какъ о помазанникѣ Божіемъ. При самомъ выходѣ изъ церкви какая-то грузинка бросилась къ Государю съ большимъ ребенкомъ на рукахъ и умоляла Его только взгля-

нуть, чтобы ребенокъ ее выздоровѣлъ. Государь сказалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ, прибавивъ, что Ояъ не творить чудесъ, но надѣится, что Богъ поможетъ ея младенцу. Осчастливленная, ободренная ласкою, женщина отошла съ глубокою вѣрою въ силу царскаго слова. И по вѣрѣ далось ей.

Весь этотъ день Ихъ Величества провели въ семейномъ кругу, посреди роскошной природы Кахетии. И, дѣйствительно, трудно себѣ представить что-нибудь величественнѣе и роскошнѣе вида, открывающагося съ балкона цинондальскаго дома, на цвѣтущую долину Алазани съ безчисленными садами и селами, на величавую древность алавердынскаго собора и на снѣговья горы Лезгистана.

3-го октября, послѣ завтрака, Императорская семья на почтовыхъ лошадяхъ отправились въ Карданахъ, имѣніе графа Сергѣя Дмитриевича Шереметева. На дорогѣ, въ с. Велисихѣ, Ихъ Величества были встрѣчены сигналахскимъ уѣзднымъ начальникомъ и массою народа; самая деревня была декорирована флагами, зеленью и цвѣтными тканями такъ, что даже мосты на почтовой дорогѣ были устланы туземными коврами и убраны лимонными деревьями. Старшина селенія поднесъ Государю хлѣбъ-соль на деревянномъ блюдѣ, и на такомъ же блюдѣ мѣстная землевладѣлица княгиня Джандіери поднесла Ихъ Величествамъ фрукты.

Въ Карданахъ царскій поѣздъ прибылъ въ пятомъ часу пополудни и Императорская семья, встрѣченная помѣщикомъ графомъ Шереметевымъ, остановилась въ его домѣ. Вечеромъ, во время ужина, вся Алазанская долина была иллюминирована пылающими кострами, и съ высотъ, на которыхъ расположенъ помѣщичій домъ, видъ представлялся очаровательный.

На слѣдующій день, 4 октября, Ихъ Величества въ 9 часовъ утра отправились въ городъ Сигнахъ, чтобы посѣтить величайшую святыню Грузіи—Бодбійскій монастырь, гдѣ покоится святая Нина—первая просвѣтительница древней Иверіи.

При въѣздѣ въ городъ, у стѣны, обрамляющей возвышенность, на которой стояла старая крѣпость, а теперь расположено городское училище,—Государя ожидалъ почетный караулъ отъ мѣстной Сигнахской команды; тутъ же находились: исправляющій должность тифлисскаго губернатора камергеръ князь Шервашидзе, военныя власти, городская депутація съ хлѣбомъ и солью, ученики городского училища и женская приходская армянская школа.

Въ 9 часовъ и 40 минутъ, по дорогѣ къ Сигнаху, показалась длинная вереница царскихъ экипажей. День былъ чрезвычайно жаркій. Государь, въ бѣломъ кителѣ, вышелъ изъ коляски вмѣстѣ съ Императрицей и, поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, принялъ отъ города хлѣбъ-соль, а Императрица—букетъ, поднесенный дѣвицею Серебрякянцъ. Сигнахъ городъ не особенно древній; въ немъ нѣтъ никакихъ любопытныхъ историческихъ памятниковъ, а потому Императорская Чета посѣтила только старинную церковь, и затѣмъ, поднявшись по лѣстницѣ, устланной алымъ сукномъ, въ зданіе городского училища, долго любовалась съ его балкона прекраснымъ видомъ на Алазанскую долину.

Бодбийскій монастырь.—цѣль путешествія Ихъ Величества, лежитъ въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Сигнаха. Вся дорога къ нему занята была сплошною массою народа, собравшагося съ обоихъ береговъ Алазани, чтобы видѣть царское шествіе на поклоненіе древнѣйшей святыни Грузіи, не посѣщаемой вѣнценосцами уже въ теченіи цѣлаго столѣтія, со времени послѣдняго царя Багратида, Георгія XIII. У входа въ храмъ Государя встрѣтилъ почетный караулъ отъ кахетинскихъ князей и дворянъ, какъ бы знаменуя тѣмъ вѣчную готовность прекрасной Кахетіи встать поголовно на защиту вѣры отцовъ, на защиту Царя и общей ихъ родины. Послѣ краткой литіи, совершенной архимандритомъ, Ихъ Величества благоговѣнно приложились къ святымъ мощамъ и затѣмъ осматривали древности храма.

Бодбійскій монастырь основанъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ опочила святая Нина. Церковныя легенды говорятъ, что когда царь Миріанъ и епископы желали перенести останки ея въ соборную церковь Мцхета, гдѣ она такъ часто любила молиться надъ хитономъ Господнимъ,—то совершилось новое чудо: никакъ не могли сдвинуть изсохшаго тѣла подвижницы съ избраннаго ею мѣста для своего успокоенія. Для Карталиніи, гдѣ находился Мцхетъ, ею сдѣлано было много, и она какъ бы хотѣла своимъ присутствіемъ утвердить въ вѣрѣ вновь обращенную Кахетію. Тогда соорудили здѣсь первую церковь во имя святаго Георгія, а впослѣдствіи при ней учредилась и митрополія Бодбійсская, старшая во всей Кахетіи. Бодбійскому митрополиту принадлежало исключительное право вѣнчать на царство кахетинскихъ царей и хранить боевое знамя, которое во дни войны вручалось вождю передового грузинскаго войска. Тутъ же, подъ сѣнію этого храма, гдѣ почиваетъ св. Нина, покоятся и останки русскаго генерала Василія Семеновича Гулякова, который, какъ выражается князь Циціановъ, «одержалъ столь много знаменитыхъ и славныхъ побѣдъ, что прославилъ себя и оставилъ память свою на вѣки, а цѣлой Карталиніи и Кахетіи, питавшимся плодами его подвиговъ, доставилъ тишину и спокойствіе.» Онъ убитъ за Алазанью 15 января 1804 года. На его гробницѣ мраморная плита съ слѣдующею надписью на русскомъ и на грузинскомъ языкѣ: «Храброму, мужественному и неустрашимому генералу Гулякову. Воздвигнулъ сей памятникъ скорби—начальникъ и другъ его князь Циціановъ.»

Посѣщеніе Бодбійскаго монастыря Императорскою семьею оставило во всѣхъ грузинахъ чувство глубокаго умиленія и благодарности уже потому, что съ равноапостольною Ниною соединяется въ понятіи каждаго ни одна только святыня религіозная, но и гордость народная. И, дѣйствительно, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что въ Грузіи, странѣ полувосточной, гдѣ женщины въ обществен-

номъ строѣ отведено такое незначительное мѣсто, высшій идеаль чловѣка нашель себѣ олицетвореніе именно въ образѣ женщины. Святая Нина—идеаль высоты нравственной, царица Тамара—идеаль героя и мудраго правителя. Нина и Тамара самыя любимыя имена грузинъ.

Вернувшись изъ Бодбийскаго монастыря въ Карданахъ, Императорская семья завтракала подѣ открытымъ небомъ, въ прекрасномъ кахетинскомъ саду графа Шереметева, а кругомъ стояло все населеніе и ближнихъ и дальнихъ окрестностей. Ихъ Величества долго ходили между толпами народа, слушали зурну, смотрѣли на танцы, и къ вечеру вернулись обратно въ Цинондалы, откуда на слѣдующій день, въ 9 часовъ утра, выѣхали черезъ Телавъ въ Тіонеты.

Посѣщеніе Телавъ, послѣдней резиденціи грузинскихъ царей, ознаменовалось осмотромъ древняго собора и заведенія св. Нины, помѣщающагося въ царскомъ дворцѣ, уже обвѣтшавшемъ и требующимъ капитальныхъ перестроекъ. Но зато этотъ старый дворецъ, и этотъ бѣдный Телавъ соединяютъ въ себѣ лучшія воспоминанія для каждаго грузина. Здѣсь, будучи еще царственнымъ юношей, Ираклій Великій приобрѣлъ себѣ славу покореніемъ Ганжи и Эривани; отсюда онъ объединилъ подѣ своею властью Кахетію и Карталинію, и сюда же, послѣ пятидесяти-двухлѣтняго царствованія возвратился для того, чтобы покончить здѣсь остатки своихъ дней, когда звѣзда его угасла, и онъ, удрученный годами и горемъ, не имѣлъ уже силъ смотрѣть на пепелище Тифлиса. Грустно протекли послѣдніе дни престарѣлаго вѣнценосца. Лишенный наружнаго блеска, онъ скончался въ этомъ самомъ дворцѣ, посреди народнаго плача, стоявшаго тогда надѣ Грузіей...

Обходя заведеніе св. Нины, Государь посѣтилъ маленькую дворцовую церковь, комнату, гдѣ скончался Ираклій, и обратилъ вниманіе на небольшой каменный обелискъ, подѣ которымъ покоится прахъ генерала Вревскаго, убитаго при взятіи аула Китури 20 августа 1857 года. Памятникъ по-

ставленъ самими кахетинцами; его орнаменты представляютъ виноградныя лозы, какъ послѣднее воспоминаніе о Кахетіи, скрывшей въ своихъ нѣдрахъ одного изъ тѣхъ доблестныхъ дѣятелей, которые грудью защищали этотъ цвѣтушій край отъ вражескихъ нашествій.

Изъ Телава царскій картежъ выѣхалъ въ одиннадцатомъ часу по дорогѣ на Тіонеты.

Дождливая погода, наступившая съ утра, по мѣрѣ приближенія къ горамъ все разяснялась, и въ Ахметахъ, гдѣ Царская семья удостоила принять завтракъ отъ князя главноначальствующаго, туманъ, застилавшій ущелья, поднялся и, какъ театральнѣйшій занавѣсъ, открылъ величественныя виды на долину Пшавіи, на древній замокъ Матаны—владѣніе князей Челокаевыхъ, и на весь лѣсистый хребетъ, черезъ который лежалъ дальнѣйшій путь къ Тіонетамъ.

Павильонъ, гдѣ былъ сервированъ завтракъ, стоялъ на возвышенной террасѣ, у самой опушки лѣса, окруженный массами народа, собравшагося сюда со всей Пшавской долины. Убранство павильона, напоминавшаго собою скорѣе всего красивую, изящную бесѣдку, было крайне оригинальное. Не было здѣсь ни шелковыхъ тканей, ни богатыхъ ковровъ, ни драгоценныхъ портьеръ; но зато всѣ колонны, фронтоны и карнизы его были обвиты виноградными лозами, съ которыхъ спускались тяжелыя грозди спѣлаго и сочнаго винограда. Внутри весь потолокъ и всѣ стѣны павильона оплетены были вѣтвями плодовыхъ деревъ съ роскошнѣйшими кахетинскими фруктами; особенно выдѣлялась розетка, составленная посрединѣ потолока изъ огромныхъ грушъ, орѣховъ и яблокъ, искусно перемѣшанныхъ съ виноградными гроздьями. Къ павильону примыкали двѣ кибитки, роскошно убранныя богатыми восточными коврами. Хоръ Терскаго казачьяго войска, успѣвшій въ теченіи ночи прибыть изъ Циондалъ, находился тутъ же и встрѣтилъ Императорскую Чету своею прекрасною музыкою.

Завтракъ прошелъ чрезвычайно оживленно. Великолѣпная мѣстность, прекраснѣйшая погода и оригинальность окружавшей толпы, между которой виднѣлись и хевсуры, закованные съ головы до ногъ въ желѣзныя брони,—вляли несомнѣнно на расположеніе духа всѣхъ присутствующихъ и Самого Государя, который послѣ завтрака оставался еще долго, слушая музыку и наслаждаясь величественною картиною природы.

Здѣсь нельзя не упомянуть объ эпизодѣ, произведшемъ сильное впечатлѣніе на все населеніе Кахетіи, и лучше всего характеризующимъ простоту обхожденія и душевную доброту Государя.

Его Величество уже спустился съ террасы на дорогу, гдѣ стояли экипажи, когда главноначальствующій доложилъ Ему, что изъ селенія Ахметъ привезли на арбѣ почтенную, всѣми уважаемую, старуху княгиню Челокаеву, давно уже разбитую параличемъ. Она желала только взглянуть на Государя и Царское семейство. Государь сначала приказалъ привезти арбу на дорогу, но когда князь главноначальствующій доложилъ, что арба уже на террасѣ около павильона, Государь, вмѣстѣ съ Императрицею и Великими Князьями, снова поднялся на гору и милостиво разговаривалъ съ княгиней, которая, цѣлуя руки Императрицы, благословила Великихъ Князей, повторяя, что теперь умереть спокойно. Можно себѣ представить какое впечатлѣніе произвело это трогательное вниманіе Государя на всѣхъ присутствующихъ, и какія чувства возбудило въ населеніи Кахетіи.

Отсюда царскій поѣздъ, уже нигдѣ не останавливаясь, направился прямо въ Тіонетскій лагерь.

Въ небольшой долинкѣ, тамъ, гдѣ быстрая Іора сливается съ другою рѣчкою, Кусно, вырывающуюся изъ темнаго ущелья Верхвели, стоитъ большая грузинская деревня Тіоне-

ты. Старая церковь, свидѣтельница кроваваго кахетинскаго бунта, случившагося за 77 лѣтъ до нашего времени, да еще болѣе древняя крѣпость, построенная, какъ говоритъ народное преданіе, царицею Тамарой,—вотъ всѣ историческія ея достопримѣчательности. Чѣмъ были въ старыя годы Тіонеты, заброшенныя въ одинъ изъ самыхъ опаснѣйшихъ уголковъ Кахетіи, какія драмы разыгрывались въ стѣнахъ разрушенной временемъ крѣпости, объ этомъ мы говорить не будемъ. Подобныя историческія памятники вы здѣсь увидите на каждомъ шагу. То явятся передъ вами развалины величественнаго замка, то каменные стѣны съ бойницами и круглыми башнями, а то, высоко-высоко надъ землею, на самой вершинѣ недоступной горы, блеснетъ Божій крестъ и между купами зеленыхъ чинаровъ рельефно обрисуются остатки монастырскаго храма. Вы созерцаете эти нѣмыя развалины съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, потому что вы читаете по нимъ минувшія судьбы Грузинскаго царства и знаете, что каждая изъ этихъ развалинъ живой свидѣтель тѣхъ грозъ и бурь, которыя проносились надъ яснымъ небомъ вѣчно цвѣтущей, благословенной Кахетіи.

Въ глубинѣ этой долины, тѣсно обставленной со всѣхъ сторонъ темными лѣсистыми грядами горъ, царственно возвышается высокій холмъ—гора Хацъри, на которой раскинута царская ставка. Лучшаго мѣста выбрать для нея было невозможно. Холмъ, или, какъ теперь называютъ его, «Царскій бугоръ», командуетъ всею Тіонетскою долиною и дѣлитъ ее на двѣ неравныя части: къ востоку Нижнія, къ западу Верхнія Тіонеты. И здѣсь, и тамъ поляна замыкается высокими горами, черезъ которыя прихотливыми зигзагами вьются дороги: на западъ, черезъ Джиджетскій переваль въ Анануръ, на востокъ, черезъ переваль Тхила, въ самое сердце Кахетіи, въ Телавъ и Цинондалы. Южная часть поляны, между горами и Царскимъ бугромъ, образуетъ собою ущелье, по которому бѣжитъ рѣчка Кусно; за нею виднѣется лѣси-

стое ущелье Іоры— а тамъ уже и переваль къ Тифлису. На сѣверъ виды еще красивѣе, еще грандіознѣе. За тіонетскими горами встаютъ вершины Верхвели и Гурумбата—вѣтви того большого отрога Кавказа, что представляетъ собою водораздѣльную черту между Арагвою и Іорой. За ними—Пшавія съ ея гранитными голыми скалами, а еще далѣе снѣговая цѣпь, упирающаяся своими вершинами въ ясное темно-голубое небо съ его палающимъ солнцемъ, разливающимъ свѣтъ и теплоту на виноградные доли Кахетіи.

Внизу, подъ Царскимъ бугромъ, къ сторонѣ деревни Тіонеты, стелется военное поле, а за нимъ широкимъ полукружіемъ раскинулся лагерь. Драгуны, кубанскіе и терскіе казаки, конная и пѣшая артиллерія стоятъ по лѣвому берегу Іоры; далѣе, въ тѣсномъ ущельи Кусно, живописными группами, то у подножія горъ, то на ихъ склонахъ, утопая въ зелени нагорныхъ лѣсовъ, расположились полки Кавказской гренадерской дивизіи; а еще далѣе, за деревнею Тетрахеви, гдѣ помѣщается лагерный штабъ, уже по самымъ горамъ, какъ орлиныя гнѣзда, лѣплятся палатки Кавказской стрѣлкой бригады, Грузинской и Гурийской дружинъ, пластунъ и саперовъ.

Изобиліе водъ, орошающихъ долину, прорѣзанную, кромѣ двухъ главныхъ рѣкъ, еще множествомъ горныхъ ручьевъ, умѣряетъ зной, и тіонетская долина, возвышающаяся почти на пять тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, пользуется прекраснымъ, благораствореннымъ климатомъ, дѣлающимъ лагерь въ октябрѣ мѣсяцѣ, несмотря на холодныя ночи, превосходною санитарною стоянкою.

Съ вершины Хацъри, тамъ, гдѣ стоитъ дворецъ, весь этотъ лагерь виденъ, какъ на ладони, и только эриванцы, да отчасти Грузинскій полкъ закрыты уступомъ лѣсистой горы и какъ-бы уходятъ въ глубину ущелья. Самый дворецъ обращенъ фасадомъ къ востоку, на Тіонеты и военное поле. Царскій баракъ, съ его галлерейми, балконами, рѣзнымъ

фронтономъ и широкою лѣстницею, уставленною растеніями, не поражаетъ глазъ какими-либо вычурными украшеніями или позолотою; но зато всюду въ убранствѣ его видна та изящная простота, которая невольно обнаруживаетъ художественный вкусъ строителей и ихъ заботливость доставить Царственнымъ гостямъ возможные удобства. Эта честь вполне принадлежитъ тремъ лицамъ: инженеръ-генераль-лейтенанту князю Ходжаминасову, начальнику Кавказской стрѣлковой бригады генералу Трейтеру и дѣйствительному статскому совѣтнику Гаккелю.

Въ Императорскомъ баракѣ 22 комнаты: пріемная, кабинетъ и уборная для Государя Императора, гостинная, спальная, а также уборная для Государыни Императрицы, особое отдѣленіе для Государя Наслѣдника Цесаревича вмѣстѣ съ Его Августѣйшимъ Братомъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, небольшая столовая для фамиліныхъ обѣдовъ, комнаты для фрейлинъ Ея Величества, а далѣе идутъ буфеты, гардеробныя и, наконецъ, помѣщенія для прислуги.

Рядомъ съ царскимъ бараккомъ стоитъ другое зданіе, представляющее собою огромный залъ, длиною въ 34 аршина подъ куполообразною крышею. Этотъ залъ предназначенъ собственно для большихъ императорскихъ обѣдовъ; въ третьемъ баракѣ помѣщается свита. За этими бараками, вытянутыми въ линію, идутъ просторныя службы: кухни, кладовыя, конюшни и сараи для экипажей. Всѣ зданія, за исключеніемъ конюшни, подъ желѣзными крышами и возведены на прочномъ каменномъ фундаментѣ, съ высокимъ кирпичнымъ цоколемъ, а стѣны сложены изъ толстыхъ брусевъ, обшитыхъ съ обѣихъ сторонъ досками. Видно, что зданія строились не на живую руку. И, дѣйствительно, ихъ предположено обратить, впослѣдствіи, на нужды и потребности войскъ Тіонетскаго лагеря. Здѣсь будутъ помѣщаться квартира начальника лагеря, штабы, управленія и, наконецъ, офицерское собраніе.

Окрестные жители не узнаютъ своего пустыннаго Хацъри,— такъ измѣнилась гора за это сравнительно короткое время. Тамъ, гдѣ тянулись лѣса и были ихъ пашни и выгоны, теперь возникли прекрасныя строенія, всюду разсыпались газоны и клумбы съ живыми цвѣтами; лѣсъ расчищенъ и представляетъ видъ парка съ усыпанными пескомъ дорожками, а на вершину бугра большими зигзагами вьется съ двухъ сторонъ широкое прекрасное шоссе, обсаженное по сторонамъ молодыми деревьями, которыя въ будущемъ обѣщаютъ превратиться въ роскошную тѣнистую аллею. Можно удивляться, по справедливости, энергіи и неустанной дѣятельности строителя, которому пришлось бороться съ большими затрудненіями въ этой глухой, неторговой мѣстности, окруженной бѣдными селеніями. Обширныя постройки, тѣмъ не менѣе, принесли не малую пользу окрестному населенію, заставивъ его усердно заняться перевозкою матеріаловъ, изготовлять кирпичъ, дѣлать известь, и—кто знаетъ?—можетъ быть, разъ выведенное изъ своего вѣковаго застоя, оно быстро пойдетъ по проложенной дорожкѣ на путь къ торговлѣ и промышленности.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили войска Тіонетскаго лагеря за извѣстіями о пребываніи Государя Императора съ Августѣйшею семьею во Владикавказѣ, Екатеринодарѣ, Новороссійскѣ, Батумѣ, Михайловѣ и Тифлисѣ, завидовали собратьямъ по оружію, ранѣе ихъ имѣвшимъ счастье представиться на смотръ своего Монарха, и готовились, въ свою очередь, достойно встрѣтить Императорскую Четугу на поляхъ Кахетіи.

Съ пріѣздомъ Государя въ Цинодалы по всей Тіонетской долинѣ закипѣла лихорадочная дѣятельность,—и вотъ, 5-го октября, и Тіонеты, и весь окружающій ихъ лагерь разукрасились необычайнымъ образомъ и приняли праздничный, ликующій видъ. Каждый полкъ воздвигалъ у себя триумфальныя арки; палатки вездѣ украшали щитами, прозрачными

картинами, вензелями и надписями; вездѣ цвѣты и зелень складывались въ изящные фестоны, или гирляндами перекидывались отъ палатки къ палаткѣ, и всюду пестрѣли и развѣвались, колеблемые вѣтромъ, тысячи русскихъ національныхъ флаговъ. Особенно хорошо декорированъ былъ лагерь Эриванскаго полка, расположенный террасами на уступѣ живописной горы, почти надъ самую тифлисскую дорогу.

Около двухъ часовъ пополудни войска были вызваны на линію; вездѣ играла музыка, пѣли пѣсенники. Народъ изъ Тіонетъ покрылъ все поле, ведущее къ кавалерійскому лагерю и далѣе по цинондальской дорогѣ.

Съ утра погода стояла пасмурная; тяжелыя тучи ходили по небу, клубились на горахъ и, сползая внизъ, наполняли долину туманомъ; было сыро и холодно. Но мало-помалу къ полудню погода стала проясняться; яркій лучъ солнца прорѣзалъ тучи, и быстро, разорванными клочьями, понеслись онѣ за далекія горы, открывая ясную голубую лазурь кахетинскаго неба. Всѣ взоры обратились на горный переваль, откуда вотъ-вотъ должны были появиться давно ожидаемые Царственные гости.

Ровно въ три часа по дорогѣ изъ Цинондалъ, вьющейся между небольшими перелѣсками и густымъ кустарникомъ, появился невиданный здѣсь длинный кортежъ щегольскихъ экипажей. Поѣздъ быстро спускался съ горы къ Тіонетской долинѣ. Вотъ уже дрогнула земля подъ топотомъ бѣшено несущихся коней царскаго конвоя. Впереди, звуча оружіемъ, въ бѣлыхъ папахъ и въ бѣлыхъ черкесахъ, съ красными башлыками, закинутыми на спину, скакали дагестанцы. У триумфальной арки Тверскаго полка конвой быстро принялъ въ сторону и выстроился вдоль дороги. Царская коляска остановилась. Начальникъ Тіонетскаго лагеря, командиръ 1-го Кавказскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе встрѣтилъ Государа съ почетнымъ рапортомъ. Затѣмъ, миновавъ триумфальную арку, царскій экипажъ быстро покатился

по прекрасному шоссе, устроенному войсками вдоль передней линейки Тіонетскаго лагеря. Тверскіе драгуны первые привѣтствовали Государя и Государыню громовымъ «ура». По мѣрѣ того, какъ проѣзжалъ Императоръ, офицеры и музыканты отдѣлялись отъ своихъ частей и кратчайшею дорогою направлялись къ царской ставкѣ. Проѣхавъ лагерь драгунъ, казачьи полки, артиллерію и гренадерскую дивизію, царскій поѣздъ повернулъ къ дворцу. Здѣсь, отъ самаго лагеря Мингрельскаго полка, далеко по подъему на Царскій бугоръ, стояли шпалерами стрѣлковая бригада, гурійцы, пластуны и саперы, вызванные изъ своего отдаленнаго лагеря. «Ура» гремѣло и отдавалось въ горахъ перекатами эха. Казалось, и горы, и лѣсъ вторили этому завѣтному русскому кличу, съ которымъ солдаты, не выдержавъ, бросились бѣжать за царскою коляскою. У дворца стоялъ почетный караулъ со знаменемъ отъ лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка и собранъ былъ весь высшій генералитетъ. Пройдя по фронту караула и удостоивъ милостивымъ привѣтствіемъ многихъ изъ генераловъ, Государь вмѣстѣ съ Императрицею изволилъ удалиться во внутренніе покои дворца.

Между тѣмъ, въ ожиданіи зари съ церемоніей, всѣ офицеры выстроились шпалерами почти отъ дворца до павильона, приготовленнаго для помѣщенія Ихъ Величествъ надъ самымъ обрывомъ горы, откуда открывается живописный видъ на весь лагерь. Простой бѣлый шатеръ съ открытою галлереею былъ обвитъ каймою въ видѣ георгіевской ленты и устланъ персидскими коврами. Мебель складная, походная.

Въ шестомъ часу, когда послѣдніе лучи заходящаго солнца уже догорали за горой и полный мѣсяцъ величаво выплывалъ изъ-за ближнихъ высотъ, озаряя своимъ серебристымъ свѣтомъ и лагерь, утопавшій въ зелени, и горы, и лѣсъ, Государь Императоръ вмѣстѣ съ Императрицею, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ

Александровичемъ, въ сопровожденіи свиты, вышли изъ дворца и пѣшкомъ, посреди офицеровъ, направились къ павильону. Въ лагерѣ поютъ пѣсенники. Плавно и мѣрно несутся ихъ звуки, то замирая, то гремя и разливаясь торжественнымъ гимномъ. Какъ не узнать ее, старую боевую кавказскую пѣсню! Вслушайтесь въ эти знакомые могучіе звуки. Слабѣютъ они, и болѣзненно сжимается сердце, потому что вы знаете минувшую жизнь кавказскаго солдата. Подымаются они, растутъ, растутъ и растутъ съ ними безоглядная отвага въ душѣ слушателя, и весь отдаешься обаянію этой дивной ночи, этой торжественной, необычной обстановки, Въ такимъ старыхъ полкахъ, какіе собраны въ Тіонетскомъ лагерѣ, кавказская пѣсня должна была получить неотъемлемое право гражданственности. Посреди вѣчныхъ тревогъ и несмолкаемыхъ битвъ родилась эта пѣсня, сложили ее обстоятельства, и потому-то кавказская пѣсня не одинъ безконечный хвалебный гимнъ русскому оружію, а живая исторія съ ея кровавыми легендами, съ ея драматическими эпизодами: Зырянами, Ичкеринскимъ лѣсомъ, даргинскимъ походомъ...

Едва Императорская Чета появилась на галереѣ, какъ грянулъ громадный хоръ музыкантовъ, собранный передъ царскимъ шатромъ, и стройные звуки его огласили окрестность. Въ то же мгновеніе въ лагерѣ Мингрельскаго полка загорѣлась иллюминація и запылалъ гигантскій вензель подъ Императорскою короною, весьма эффектно сложенный на землѣ изъ разноцвѣтныхъ плашекъ. Разцвѣтились огнями и, сосѣдніе лагеря. У стрѣлковъ запылали цѣлыя костры, и подъ яркимъ свѣтомъ ихъ, горы приняли видъ совершенно фантастическій. Благодаря тихой ночи, иллюминація удалась блистательно и вполне гармонировала съ своеобразіемъ мѣстной кавказской обстановки.

Но вотъ барабаны пробили повѣстку. Черезъ нѣсколько минутъ высоко взвилась и съ легкимъ трескомъ яркими звѣздочками рассыпалась въ небѣ сигнальная ракета, другая,

третья—и вмѣстѣ съ ея разрывомъ грохнулъ залпъ изъ 30-ти орудій, и тысячею перекаатовъ, гулко пронесся по горамъ и ущельямъ. Въ отвѣтъ на это, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, затихли голоса, смолкнулъ шумъ и лагерь замеръ. И вдругъ изъ глубины этого чуднаго молчанія, послѣ звуковъ вечерней зари, тихо поднялись гармоническіе звуки гимна: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Едва окончилась эта божественная мелодія, барабанъ застучалъ «на молитву». Всѣ головы обнажились и среди глубокой тишины послышалась солдатская молитва, величественная своею простотою. Дежурный барабанщикъ читалъ «Отче нашъ». Императоръ стоялъ съ открытой головою и набожно крестился.

Невольно въ эти торжественныя минуты пришло на память одно стихотвореніе:

Не колоколь въ вечерній часъ
 Позвалъ во храмъ молиться насъ,
 А въ полѣ пушка зарева.
 И простодушна и чиста
 Дилася, въ небо улета,
 Молитва наша *безъ креста*.
 И всѣ молились объ Однимъ,
 О комъ молились утромъ, днемъ;
 И ту завѣтную молитву
 Мы всюду съ жизнью понесемъ
 Во храмъ и гибельную битву—
 И та молитва вся о Немъ...
 А Онъ, Державный нашъ Отецъ,
 Краса очей, любовь сердецъ,
 И Онъ молился между нами;
 Но та мольба не о Себѣ—
 Молился Царь передъ войсками
 О русской славѣ и судьбѣ.

Съ послѣднимъ словомъ молитвы барабаны пробили «отбой». Музыка заиграла «Боже, Царя храни», и къ

этимъ звукамъ изъ глубины долины присоединились голоса солдатъ, поющихъ ту же народную молитву. Ею начинается и ею заканчивается день кавказскаго солдата:

Загласъ вечерняя заря,
Загрохотали барабаны,
И вотъ, молитву за Царя
Поютъ Кавказа ветераны...

Дружнымъ, вырвавшимся изъ самаго сердца, «ура» проводили офицеры Державную семью до самаго дворца—и Царскій бугоръ опустѣлъ. Теперь конецъ дневнымъ заботамъ. Благоговѣнно перекрестится солдатъ на звѣздное небо и уляжется на свою соломенную постель, весь поглощенный мыслью—завтра предстать на царскій смотръ. А до какой степени свята и торжественна эта минута въ понятіяхъ солдата, лучше всего доказываетъ то, что, какъ рассказывали намъ, во многихъ частяхъ даже больные и люди, оторванные отъ строя другими обязанностями, какъ милости, просили взять ихъ на смотръ, чтобы только услышать Царское спасибо.

Иллюминація погасла; высоко горятъ однѣ небесныя звѣзды; величественно стоитъ полный мѣсяцъ надъ тѣнетскою долиной, и задумчиво смотритъ онъ на тихій сонъ лагеря.

Не то въ Тѣнетахъ. Цѣлые вѣка бѣдная грузинская деревушка не видала у себя ничего подобнаго. Скромныя домики, площади, тѣсныя улицы, народная шеола, Господній храмъ—все уставлено плоскими, обвѣшано разноцвѣтными фонариками, убрано флагами. Народъ толпился на улицахъ и родная зурна не умолкала всю ночь.

На утро весь лагерь поднялся еще до разсвѣта. Къ сожалѣнію, погода выдалась ненастная, дождливая; смотръ, назначенный въ 11 часовъ, былъ отложенъ; но войскамъ приказано быть въ полной готовности, чтобы явиться на военное поле по первому требованію. Тѣмъ временемъ исправ-

ляющій должность тифлискаго губернатора князь Шервашидзе имѣлъ счастье представить Государю-Императору депутацію отъ мѣстныхъ грузинъ, отъ хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, входящихъ также въ составъ Тіонетскаго уѣзда. Всѣ эти народности, по своей замкнутости, по складу своей жизни, нравамъ и обычаямъ, представляютъ нѣчто до того оригинальное, что о нихъ рассказываютъ цѣлыя легенды во всѣхъ уголкахъ Кавказа.

Всѣ они обитаютъ подъ самымъ карнизомъ вѣчныхъ снѣговъ, тамъ, гдѣ берутъ начало Арагва, Аргунъ, Алазань и Јора, и, будучи раздѣлены между собою естественными преградами, остаются совершенно чуждыми другъ другу. Гранитныя, уходящія въ небо, скалы, дремучіе сосновые лѣса, бездонныя пропасти и безвыходныя ущелья, до которыхъ не достигаетъ даже солнечный лучъ—вотъ поразительно-величественная, хотя и дикая, картина ихъ родины. И характеръ этихъ народовъ такъ же дикъ и суровъ, какъ и сама природа, ихъ окружающая. Многіе, основываясь на сходствѣ языка, считаютъ ихъ одичавшими грузинами; но съ достовѣрностью можно сказать только то, что они съ самыхъ древнихъ временъ находились съ Грузіей въ близкихъ и тѣсныхъ сношеніяхъ. Извѣстная храбрость этихъ народовъ заставляла грузинскихъ царей дорожить ихъ дружбой и подданствомъ. Хевсуры, пшавы и тушины издревле служили надежнымъ оплотомъ Грузіи противъ вторженія въ ея предѣлы хищныхъ племенъ, а во внѣшнихъ войнахъ составляли самую лучшія и побѣдоносныя дружины грузинскаго войска. У пшавовъ есть даже народное знамя, пожалованное имъ, какъ говоритъ преданіе, царицею Тамарою. Оно освящено во имя св. Георгія и хранится въ одной изъ деревень, гдѣ жители оказываютъ ему религіозное почтеніе.

Въ военномъ отношеніи было бы трудно отдать пальму первенства кому-нибудь изъ этихъ трехъ поколѣній. Всѣ они одинаково отчаянно храбры. Хевсуры, по большей части, вы-

соваго роста, сильные, мускулистые и имѣютъ типичныя не только воинственныя, но дикія и даже свирѣпыя фizioноміи. Изъ всѣхъ горныхъ племенъ они одни сохранили употребленіе щита и кольчуги, на которыхъ, какъ и на лицахъ, часто можно видѣть рубцы, слѣды кровавыхъ битвъ или народныхъ судовъ, такъ какъ всѣ спорныя дѣла у нихъ обыкновенно кончаются поединкомъ. Хевсуръ весь закованъ въ желѣзо: на головѣ у него шпашакъ съ кольчужною сѣткой, закрывающей лицо и шею; на тѣлѣ рубаха, сплетенная изъ желѣзной проволоки, а, сверхъ того, стальные налокотники, рукавицы и наколѣнники. Круглый щитъ дополняетъ ихъ вооруженіе. Вотъ эти-то щиты и прямыя шашки, нерѣдко временъ крестовыхъ походовъ, заставляють многихъ видѣть въ нихъ крестоносцевъ, тѣмъ болѣе, что у хевсуръ есть обычай нашивать кресты на головномъ уборѣ, на платьѣ и даже на исподней рубахѣ.

Тушины и шпавы не столько заботятся о средствахъ самозащиты, сколько хевсуры. Хорошая винтовка и шашка составляютъ все ихъ оружіе. Одѣваются они по-грузински и только на головѣ носятъ круглыя войлочные шапочки, такъ называемыя тушинки. Пороховница и патронташъ такъ же, какъ и у грузинъ, надѣваются у нихъ на ремняхъ, которые перекрещиваются на груди и ботато убираются серебрянными бляхами. Поясъ на шашкѣ также металлическій, серебряный и, какъ змѣя, охватываетъ станъ своими тонкими и узкими кольцами. Ружье въ чехлѣ изъ косматаго медвѣжьяго мѣха, и это придаетъ еще болѣе дикости и безъ того уже дикимъ тушинамъ и шпавамъ, съ костлявыми орлиными лицами, побурѣвшими отъ солнца и вѣтра.

Государь-Императоръ соизволилъ милостиво принять выраженія ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и поднесенную ими хлѣбъ-соль: это мѣстный лавашъ, на деревянномъ блюдѣ мѣстной-же работы, съ грубыми изображеніями ихъ обычныхъ промысловъ и атрибутами охоты. Одинъ изъ хевсуровъ при

этомъ представилъ, пойманнаго имъ, маленькаго трехмѣсячнаго дикаго тура.

Въ полдень погода стала проясняться; было грязно, но дождь пересталъ, и сосѣднія горы мало-по-малу выяснились изъ густого, окутавшаго ихъ тумана. Въ 12 часовъ дня, въ большомъ столовомъ баракѣ состоялся Высочайшій завтракъ, на который были удостоены приглашеніемъ всѣ старшіе военные чины, начальники отдѣльныхъ частей, а также всѣ офицеры, георгиевскіе кавалеры. Послѣ завтрака депутація отъ лейбъ-Эриванскаго полка, имѣя во главѣ полковаго командира, имѣли счастье поднести Государю - Императору форменную шалику со стариннымъ клинкомъ—нѣмымъ, свидѣтелемъ боевыхъ подвиговъ славнаго полка, такъ какъ этотъ клинокъ издавна переходилъ въ семейномъ офицерскомъ кругу.

Въ часъ дня войска вышли изъ лагеря и стали на военномъ полѣ въ три линіи: въ первый—четыре полка Кавказской гренадерской дивизіи; во второй—стрѣлковая бригада генерала Трейтера, состоящая изъ четырехъ Кавказскихъ баталіоновъ и двухъ дружинъ: Кварельской и Гурійской, — послѣдняя въ ея живописномъ національномъ костюмѣ; далѣе шли: пластуны, саперы съ командою телеграфнаго парка и, наконецъ, шесть батарей Кавказской гренадерской артиллерійской бригады; въ третьей линіи расположилась кавалерія: Тверской драгунскій полкъ, два сводные полка Кубанскаго войска, сводный полкъ терскихъ казаковъ, три сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и, наконецъ, казачья батарея — всего 24 баталіона, 6 эскадроновъ, 16 сотенъ и 28 орудій.

Всѣмъ парадомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе.

Передъ серединою войскъ возвышалась красивая бесѣдка, устроенная для Государыни Императрицы, рядомъ съ нею палатка, возлѣ которой сгруппировались дамы, далѣе — масса туземнаго народа, и впереди ея — толпа дикихъ, закованныхъ въ желѣзо, всадниковъ. Это хевсуры на маленькихъ, но бой-

кихъ лошадяхъ, въ рыцарскомъ одѣяніи, съ лицами, закрытыми желѣзною сѣткою.

Въ два съ половиною часа пополудни Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Государынею Императрицею и Августѣйшими дѣтьми, прибылъ на военное поле. По окончаніи объѣзда Ея Величество изволила войти въ павильонъ, гдѣ встрѣчена была супругою корпуснаго командира княгинею Чавчавадзе, имѣвшей счастье поднести Государынѣ Императрицѣ букетъ прекрасныхъ цвѣтовъ, перевитыхъ лентой, на которой красовалась надпись: «Отъ войскъ Тіонетскаго лагеря».

Войска проходили церемоніальнымъ маршемъ—пѣхота колоннами, батареи развернутымъ фронтомъ—шагомъ, кавалерія по-эскадронно переменными аллюрами. Его Императорское Высочество Великій Князь генераль-фельдмаршалъ Михаилъ Николаевичъ провелъ передъ Государемъ стрѣлковый баталіонъ и затѣмъ—артиллерію. Наслѣдникъ-Цесаревичъ ѣхалъ на правомъ флангѣ казачьихъ войскъ. Государь милостиво благодарилъ каждую проходившую часть. Но изъ всѣхъ этихъ войскъ, славныхъ своею боевою службой и гордыхъ Царскимъ «спасибо», особенное вниманіе зрителей обратила на себя Кварельская грузинская дружина. Она еще наканунѣ занимала караулъ въ Цинондалахъ; затѣмъ, проводивъ Государя, дружина сдѣлала 70 верстъ и ночью уже была въ Тіонетахъ, а теперь, какъ ни въ чемъ не бывало, бодрая и свѣжая, шла передъ Государемъ, вызывая единодушный восторгъ туземнаго грузинскаго населенія. Замѣчательною свѣжестью отличались и сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, которыя наканунѣ-же перенесли сюда изъ Цинондалъ, вмѣстѣ съ царскимъ поѣздомъ.

По окончаніи смотра, Государь Императоръ изволилъ обойти ряды стариковъ-ветерановъ, собранныхъ сюда по случаю Царскаго пріѣзда. Ихъ собралось столько, что почти каждая часть имѣла здѣсь своего достойнаго представителя, и на лицахъ этихъ заслуженныхъ воиновъ, этихъ вѣрныхъ

сыновъ отечества, читалась вся полувѣковая исторія кавказской войны. Государь каждого изъ нихъ осчастливилъ своимъ милостивымъ вниманіемъ, своимъ ласковымъ словомъ. Затѣмъ, прямо съ военнаго поля, Ихъ Величества изволили посѣтить лагерь Мингрельскаго полка и госпиталь. Въ 8 часовъ вечера въ большомъ столовомъ баракѣ состоялся Высочайшій обѣдъ, на который удостоились приглашенія, кромѣ старшихъ военныхъ чиновъ, всѣ офицеры лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка. Съ наступленіемъ вечерней темноты въ лагерь зажглась иллюминація, а по выходѣ Государя Императора и Государыни Императрицы изъ-за стола, на военномъ полѣ былъ сожженъ блестящій фейерверкъ; передъ дворцомъ пѣли войсковые пѣсенники, гурійцы плясали свой національный танецъ, Грузинская дружина и дагестанцы конно-иррегулярнаго полка—лезгинку, а хевсуры, въ своемъ средне-вѣковомъ одѣяніи и вооруженіи, произвели примѣрный бой, или собственно, фехтованіе на шашкахъ, присѣвъ на корточкахъ.

Въ тотъ-же день, вечеромъ, Государь Наслѣдникъ-Цесаревичъ изволилъ принять приглашеніе на ужинъ отъ офицеровъ лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка и удостоилъ принять поднесенную Его Высочеству серебряную азарпешу въ память посѣщенія Имъ Грузіи.

На слѣдующій день, 7-го октября, въ 9 часовъ утра, Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Августѣйшею семьею, изволилъ отбыть изъ Тіонетскаго лагеря.

На пути къ Тифлису, у самаго начала Сабадурскаго перевала, тамъ, гдѣ начинается широкая котловина Эрцо, грузинскіе князья и дворяне ожидали Императорскую Четусъ завтракомъ.

Ровно въ 11 часовъ въ Сабадуріи прибыли Царственные гости.

Губернскій и уѣздные предводители дворянства, со всѣ-

ми князьями Кахетіи и Карталиніи, встрѣтили Ихъ при выходѣ изъ экипажей и проводили въ обширный шатеръ, гдѣ виноградныя лозы съ громадными вѣстями спѣлаго винограда, и вѣтви фруктовыхъ деревъ съ роскошными фруктами красиво выдавались изъ массы листьевъ и составляли чисто грузинскую особенность этого павильона.

Завтракъ составленъ былъ изъ грузинскихъ блюдъ: подавали чихиртму, форель, пловъ изъ фазановъ, шашлыкъ, грузинскіе маринады, лобіо, масседуанъ въ арбузѣ и фрукты. Когда сѣли за столъ, мѣста передъ Государемъ и Государынею остались не занятыми, чтобы Державные гости могли свободно любоваться пирующимъ грузинскимъ дворянствомъ, расположившимся на открытомъ воздухѣ противъ царскаго шатра, и массами сельскаго населенія, усердно угощаемаго распорядителями. Прекрасный видъ на долину, обставленную лѣсистыми горами, изъ-за которыхъ величаво смотрѣла снѣговая глыба Казбека, (видъ, такъ обаятельно дѣйствующій на каждаго грузина) дополнялъ собою живую, оригинальную картину этого національнаго праздника. Нѣтъ словъ выразить тѣ восторженныя чувства, которыя охватили присутствующихъ, когда провозглашены были тосты за Государя и Государыню, и тѣхъ теплыхъ слезъ, какими отвѣчали грузины, когда Императоръ поднялъ бокаль и произнесъ звучнымъ голосомъ:

«Господа! Еще разъ пью за здоровье доблестнаго грузинскаго дворянства. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы отъ имени Императрицы и Моего поблагодарить васъ за тотъ теплый и радушный приѣмъ, который Мы встрѣтили здѣсь. Будьте увѣрены, что нужды грузинскаго дворянства столь же близки Мнѣ, какъ и нужды всего русскаго дворянства, и все, что можно будетъ сдѣлать для облегченія и улучшенія матеріальнаго благосостоянія дворянства, Я сдѣлаю съ удовольствіемъ.

Описывать этотъ памятный завтракъ можно только съ

фактической стороны, не касаясь внутренняго глубокаго его смысла и значенія. Благодущіе Государя и Государыни сдѣлали то, что праздникъ сразу потерялъ свой строго официальный характеръ,—и сердца присутствующихъ переполнились тѣми чувствами, для которыхъ на человѣческомъ языкѣ не существуетъ даже названія. Это было семейное празднество, это было великое торжество вѣрнаго Престолу грузинскаго дворянства, которое, въ лицѣ своего Государя и Повелителя, чествовало теперь Царственнаго кахетинскаго помѣщика. Азарпешы, кулы, всѣ сосуды, издревле употребляемые симпатично-веселою Грузіею,—все пущено было входу; а находились и такіе богатыри, которые, храня завѣтъ пращуровъ, осушали, во славу Государя, цѣлые туры рога. Два хора военной музыки смѣнялись сазандарами. И съ какою задумчивостію, съ какими хватающими за душу чувствами, пропѣты были ими старинныя грузинскія пѣсни: «Развернули знамя Тамары», «Люблю я мингрельскую избу», или «Въ небесахъ ликуеть луна». Извѣстный всему Тифлису пѣвецъ Абдулъ-Баги удостоился особаго вниманія Ихъ Величествъ.

По окончаніи завтрака грузинское дворянство поднесло Царственнымъ гостямъ серебряныя эмалированные кувшины, стаканы, кулы, азарпешы и, наконецъ, туры рога, богато обдѣланные по грузинскому обычаю. На каждой вещи надпись: «Отъ грузинскаго дворянства Тифлисскаго губерніи. Сабадури. 7-го октября 1888 г.»

Завтракъ окончился въ два съ половиною часа пополудни. Державные гости уѣхали. Но посѣщеніе ими сабадурскаго праздника навсегда останется въ памяти благодарныхъ грузинъ. И не одни князья и дворяне, весь грузинскій народъ вернется домой съ отраднымъ чувствомъ на сердцѣ, съ утѣшительнымъ, незабвеннымъ воспоминаніемъ, которое передастъ онъ и дѣтямъ и внукамъ, научая ихъ съ младенчества любить своего Царя и Царицу, какъ солнце озарявшую всѣхъ ласкою, привѣтомъ и вниманіемъ.

Вся дорога, по которой проѣхалъ Государь отъ Ахметъ въ Тіонеты, и изъ Тіонетъ въ Авчалы—желѣзно-дорожную станцію, находящуюся въ 12 верстахъ отъ Тифлиса,—пролегаетъ по горной, изрытой оврагами, лѣсистой мѣстности, съ громадными перевалами, и представляетъ большія техническія затрудненія. Главнначальствующимъ уже за два-три года тому назадъ были приняты всѣ мѣры для устройства путей сообщеній, столь необходимыхъ въ экономическомъ отношеніи для всей Кахетіи, а въ военномъ—для лагерныхъ сборовъ подъ Тіонетами. Участокъ этотъ былъ совершенно готовъ къ проѣзду Государя и, надо отдать справедливость, что какъ трассе дороги, такъ шоссировка и огражденіе ея тумбами и парапетами, дѣлають честь строившимъ ее инженерамъ, и заслужили особаго милостиваго отзыва Государя Императора.

Теперь дорога отъ Тіонетъ будетъ продолжена въ другую сторону до Анапура, черезъ что богатѣйшая долина Алазани соединится съ Военно-грузинскою дорогою хорошимъ шоссейнымъ путемъ, который на полтора-два версты приблизитъ ее къ Владикавказу и желѣзному пути, соединяющему Кавказъ со внутренними губерніями Россіи.

7 октября, въ седьмомъ часу пополудни, Императорскій кортежъ прибылъ въ Авчалы, гдѣ уже былъ приготовленъ желѣзнодорожный поѣздъ для слѣдованія Ихъ Величествъ въ Баку.

VII.

Б А К У.

8-го октября, въ 10 часовъ утра, Императорскій поѣздъ подошелъ къ станціи Аджикабулу. Здѣсь, въ центрѣ Бакинскон губерніи, Ихъ Величествъ ожидали депутаціи отъ сосѣднихъ уѣздовъ и рыбопромышленниковъ Сальянскихъ промысловъ, арендуемыхъ Питоевымъ. Управляющій этими промыслами г. Долухановъ поднесъ Государю серебряный боченокъ со свѣжею икрою. «Осчастливте Всемилостивѣйшій Государь — сказалъ онъ:— повелѣть принять эти естественные дары природы одного изъ уголковъ обширнѣйшей имперіи Вашего Величества». Государь милостиво поблагодарилъ Долуханова и долго разспрашивалъ его о положеніи Сальянскихъ промысловъ.

Депутаты отъ уѣздовъ также встрѣтили Государя съ хлѣбомъ и солью, а ленкоранцы поднесли, сверхъ того, медальонъ съ чучелами птицъ, водящихся въ ихъ уѣздѣ, и образцы сельскихъ произведеній: сарачинскаго пшена, шелка и т. пд.

Черезъ 20 минутъ поѣздъ отошелъ отъ станціи и часа черезъ два на горизонтѣ мелькнула уже синева Каспійскаго моря, и мало-по-малу, какъ бы изъ лона водъ, сталъ вырисовываться городъ Баку—царство вѣчнаго огня и нефти.

Красиво и оригинально раскинулся городъ амфитеатромъ по склону горы и, ниспадая террасами внизъ, уперся древней крѣпостной стѣною своей въ самое море.

Посреди городскихъ построекъ, какъ надгробные памятники минувшихъ вѣговъ, поднимаются старые минареты, указывающіе остатки ханскаго дворца, и величаво царить надъ городомъ сумрачная исполинская башня, называемая Дѣвичью. Въ ней нѣтъ ни амбразуръ, ни подваловъ, ни жилыхъ покоевъ, которые хотя отчасти могли бы объяснить цѣль ея постройки. Но зато съ нею связана одна изъ тѣхъ поэтическихъ легендъ, которыя такъ присущи богатой фантазіи Востока.

Если къ этой башнѣ и къ старой крѣпости, съ ея раззолоченнымъ ханскимъ дворцомъ, прибавить монументъ князя Циціанова, убитаго подъ стѣнами Баку 8 февраля 1806 года, — то вотъ и всѣ историческіе памятники, которые заключаются въ городѣ. Но значеніе Баку не въ нихъ, не въ этихъ историческихъ памятникахъ, — а въ его всемірной извѣстности, какъ богатѣйшаго мѣсторожденія нефти.

Сотни нефтяныхъ заводовъ, сгруппировавшись вмѣстѣ, образуютъ особое сѣверное предмѣстье Баку, носящее, по вѣчной копоти и дыму, названіе «Чернаго Города». Въ другую сторону отъ крѣпости лежитъ огромный пустырь, который тянется версты на двѣ по берегу моря, — а за нимъ Баиловъ мысъ: военная гавань и центръ управленія Каспійскою флотиліею.

Богато одаренный дарами природы, Баку крайне бѣденъ живописными видами: нѣтъ вокругъ него ни красиваго ландшафта, ни зелени, ни даже воды для питья; широко раскинулась безотрадная степь, да понадвинулись голая черныя скалы, и только необъятная даль вѣчно рокочущаго моря нѣсколько умиряетъ мертвую картину его окрестностей. Къ этому нужно прибавить губительный вѣтеръ, уничтожающій жизнь въ самомъ ея зародышѣ. Этотъ страшный вѣтеръ посылитъ Баку и накупунѣ Парскаго пріѣзда, угрожая разру-

шить всё радужныя иллюзіи бакинцевъ, сорвать ихъ флаги и засыпать толстымъ слоемъ песку и пыли ихъ лица, дома и улицы. Бакинцы просто приходили въ отчаяніе; но, къ счастью, подъ утро 8 числа вѣтеръ нѣсколько стихъ. Море, бушевавшее наканунѣ, замѣтно успокоилось, и надъ разукрашенными домами взошло яркое, знойное солнце. Рельефно обрисовалась теперь въ лазури чистаго небо знаменитая «Дѣвичья башня» съ ея угрюмыми стѣнами и двадцати-четырёхъ-аршиннымъ флагомъ, гордо рѣявшимъ надъ городомъ.

Около двухъ часовъ пополудни царскій поѣздъ остановился у дебаркадера Бакинской станціи. Въ ту же минуту надъ домомъ губернатора взвился Императорскій штандартъ и со всѣхъ батарей и судовъ раздался громовой салютъ изъ орудій. На платформѣ Государя встрѣтили начальникъ 21 пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ графъ Борхъ и командиръ Бакинскаго порта контръ-адмиралъ князь Ухтомскій. Городской голова Деспотъ-Зеновичъ поднесъ хлѣбъ-соль на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ, на которомъ, кромѣ городского герба, изображены ханскій дворецъ и минареты, составляющіе, какъ извѣстно, бакинскую старину. «Разноплеменное населеніе города Баку—сказалъ голова:—привѣтствуетъ прибытіе Вашихъ Императорскихъ Величествъ. Нашъ городъ—молодой; но онъ растетъ съ неимовѣрною быстротою. Ему, какъ губернскому городу, всего 29 лѣтъ, но въ послѣдніе десять лѣтъ онъ разросся до такихъ размѣровъ, что ему уже тѣсно въ границахъ отведенной ему территоріи. Развитіе Баку обуславливается развитіемъ нефтяной промышленности, которая, въ свою очередь, развивается лишь потому, что добываемая нефть не вывозится, а здѣсь и обрабатывается. Только при такомъ условіи, развитіе, какъ города, такъ и промышленности, имѣетъ блестящее будущее. Городъ нашъ юный, но сердце его уже окрѣпло и сильно бьется такими же вѣрно-подданинскими чувствами, какъ и сердца древнихъ городовъ вѣрноподданной Вамъ Богомъ стомилліонной имперіи. Городъ Ба-

ку бьетъ челомъ къ стопамъ Вашихъ Императорскихъ Величествъ и всеподданнѣйше просить всемилостивѣйше принять хлѣбъ-соль».

Проговоривъ эту рѣчь, Деспотъ-Зеновичъ поднесъ Государынѣ букетъ цвѣтовъ въ золотомъ порт-букѣ, на которомъ крупными брилліантами были выложены инициалы Ея Величества. Поднесла Императрицѣ букетъ отъ лица городскихъ дамъ и супруга губернатора Е. И. Рогге.

При самомъ въѣздѣ въ городъ стояла триумфальная арка, раскрашенная съ неимовѣрною пестротою красною, синею, желтою и зеленою красками, такъ и бившими въ глаза восточнымъ вкусомъ бакинскихъ обитателей. Войска и масса народа въ пестрыхъ костюмахъ стояли по улицамъ, разукрашеннымъ такъ, что даже телѣги и фаятоны, развѣзжавшіе по городу, не смѣли показываться иначе, какъ декорированные десятками флаговъ. У городского собора—что въ старой крѣпости, Ихъ Величества встрѣчены были экзархомъ Грузіи преосвященнымъ Паладіемъ, привѣтствовавшимъ Царственную Чету слѣдующею рѣчью:

«Благочестивѣйшій Великій Государь-Императоръ! Благословенъ грядый во Имя Господне! Благословляю въшествіе Твое Всемилостивѣйшій и возлюбленный нашъ Отецъ-отечества въ градъ сей, прежде темный и невѣдующій Бога истиннаго, нынѣ же свѣтлый и Богопросвѣщенный. Ибо, гдѣ свѣтъ истиннаго христіанства, тамъ свѣтъ и истинной гражданственности, тамъ царствуетъ правда и милость. Твоимъ милостивѣйшимъ посвѣщеніемъ этой отдаленной окраины необъятнаго Твоего царства, даруется жителямъ града сего необыкновенное счастье. Градъ сей въ первый еще разъ имѣетъ несказанное счастье стрѣтаться Самодержца своего, Царя православнаго, съ благочестивѣйшею Царицею и Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ. Восторженно и съ чувствомъ неопишуемой радости онъ привѣтствуетъ Ваши Величества. Сердца и очи всѣхъ насъ всецѣло обращены къ Вамъ, да насладимся зрѣніемъ

царственныхъ добротъ Вашихъ, и да будетъ преискрениѣйшая радость наша о Васъ радостна и Вамъ. Благословенна и препрославленна буди, Великій Государь, держава Твоя силою и помощью Всевышняго. Да управится она всегда мудростію и правдою внутри, крѣпко ограждается отвнѣ и изобилуетъ всѣми средствами благоденствія, да подъ сѣнію Твоего Престола проживемъ тихое и безмолвное житіе. Божія всемогущая десница да осѣняетъ и, какъ зеницу ока, хранитъ Тебя Августѣйшій Монархъ нашъ, благочестивѣйшую Государыню Императрицу и весь царствующій Домъ на славу и счастье дорогого отечества. Господь, заступникъ и Спаситель, да будетъ и пребудетъ съ Вами во всѣхъ путяхъ Вашихъ нынѣ и всегда».

По окончаніи рѣчи преосвященный экзархъ благословилъ Ихъ Величества образомъ—складнемъ.

Изъ собора Императорская Чета отправилась въ губернаторскій домъ, гдѣ былъ выстроенъ почетный караулъ и стояли депутаціи, огромнымъ кольцомъ охватывавшія всю площадь.

Почетный караулъ—отъ апшеронцевъ. Это одинъ изъ старѣйшихъ полковъ русской арміи. Онъ основанъ Петромъ Великимъ въ Апшеронѣ съ специальною цѣлью занять городъ Баку и, впослѣдствіи, въ половинѣ минувшаго вѣка, приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ числѣ тѣхъ немногихъ полковъ, имена которыхъ повторялись тогда во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Событіе, такъ много заставившее говорить о себѣ—было взятіе Берлина, памятью чего и попынѣ служатъ пожалованныя полку серебряныя трубы. Суворовскій походъ черезъ Альпы, битвы при Бассиніано, Требии, Нови, на с. Готардѣ и у Чортова моста должны быть внесены въ скрижали Апшеронскаго полка золотыми буквами. Вторично полкъ возвратился на Кавказъ въ 1819 году, при Ермоловѣ, и съ тѣхъ поръ стоялъ безсмѣннымъ стражемъ Дагестана, стяжавъ себѣ въ безчисленныхъ бояхъ громкое имя. Почетный караулъ явился достойнымъ представителемъ

славной, боевой дагестанской дивизіи, и первый заслужил Царское «спасибо».

Обойдя караулъ, Ихъ Величества паправились къ депутаціямъ. Первымъ привѣтствовало Государя биржевое купечество, поднесшее хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, гдѣ въ видѣ барельефовъ изображены были: вокзалъ съ цистернами, заводъ, буравыя вышки, пароходъ и, наконецъ, часть морского берега съ пристанями. Поднося хлѣбъ-соль, председатель биржеваго комитета обратился къ Государю съ слѣдующею рѣчью: «Ваше Императорское Величество! Бакинское биржевое купечество имѣетъ счастье привѣтствовать своего Царя съ Августѣйшею семьею въ городѣ Баку, самое имя котораго весьма педавно мало кому было извѣстно. Теперь же, благодаря заботливому попеченію Высочайшей власти, городъ этотъ получилъ въ торговлѣ европейское значеніе, и, въ виду намѣчающихся новыхъ отраслей промышленности, есть полная увѣренность въ томъ, что развитіе это получить размѣры, о которыхъ невозможно было и мечтать. Осчастливте, Ваше Императорское Величество, принять нашу хлѣбъ-соль.»

Его Величество милостиво прикоснулся къ хлѣбу-соли и изволилъ сказать: «Весьма пріятно слышать это».

За биржевымъ купечествомъ явилась депутація отъ бакинскихъ заводчиковъ и поднесла альбомъ съ фотографическими видами нефтяныхъ и другихъ заводовъ. Крышка альбома серебряная съ золотыми и эмалевыми украшеніями, сдѣлана мѣстнымъ мастеромъ Саламбековымъ. На ней выгравированы триумфальныя ворота, копія съ тѣхъ, что поставлены были при вѣздѣ въ Черный городъ.

Изъ остальныхъ депутацій особенно видѣлялась—дагестанская, имѣвшая во главѣ своего военнаго губернатора генераль-лейтенанта князя Н. З. Чавчавадзе. Здѣсь первыми поднесли хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ представители трехъ городовъ: Темиръ-Ханъ-Шуры, Петровска и Дербента, а за ними начинались уже дагестанскія племена—все чисто-

кровные горцы, плечистые, крѣпкіе, словно вилитые изъ стали, съ выраженіемъ гордости и достоинства на лицахъ. Изъ всѣхъ депутатовъ отъ областей и губерній они только одни были одѣты со вкусомъ, и только одно оружіе блестяло на нихъ серебромъ и золотомъ. Между ними были лица весьма вліятельные въ краѣ; таковъ, напр. генераль-маіоръ Гайдаровъ, получившій подъ Геокъ-Тепе, въ чинѣ подполковника, георгіевскій крестъ на шею,—примѣръ едва-ли не единственный со времени самаго учрежденія ордена; или потомки владѣтельныхъ лицъ: какъ напр. тарковскихъ шамхаловъ, каракайтагскихъ уцмиевъ, кюринскихъ хановъ или табасаранскихъ мейсумовъ.

Депутація эта поднесла Государю только то, чѣмъ богаты ея край, но зато нужно было видѣть, какъ были просты, изящны и оригинальны ея подарки. Тутъ не было роскоши, но была бездна вкуса и искусства въ самыхъ мелочахъ и деталяхъ. Особенно хорошо было стальное блюдо съ гербомъ Дагестанской области, сдѣланнымъ золотою кубачинскою насѣчкой, и подносы изъ кураговаго дерева, инкрустированные серебромъ. На этомъ подносѣ былъ поданъ Государынѣ полный письменный приборъ, приготовленный изъ корня барбариса, съ тою же прекрасною инкрустаціею. Это работа знаменитаго аула Унцукуля. Оригинально и хорошо было также мѣстное сукно (тифтикъ), сотканное въ Хаджалъ-Махѣ для платья Государыни и настолько нѣжное, что весь огромный кусокъ можно было уложить въ маленькую коробочку. Изъ такого же сукна былъ приготовленъ для Государыни и башлыкъ, вышитый золотомъ.

Изъ остальныхъ подарковъ достойны вниманія, двѣ андійскія бурки: черная для Государя, и бѣлая для Государыни-пашка (настоящій «волчокъ») въ ножнахъ изъ чернаго рога съ золотою насѣчкой, предназначенная въ даръ Наслѣднику-Цесаревичу, и два кинжала въ стальныхъ ножнахъ, обдѣланныхъ въ золото; одинъ изъ нихъ былъ поднесенъ Цесаревичу;

чу, другой — Великому Князю Георгію Александровичу. Хлѣбъ-соль подносилъ Ихъ Величествамъ ротмистръ Даноноль-Магома, одинъ ихъ вліятельнѣйшихъ людей Дагестана, выразившій при этомъ скорбь всѣхъ дагестанцевъ, что Императорская Чета, осчастлививъ своимъ посѣщеніемъ окраины Кавказа, миновала изъ родныя горы, гдѣ сердца людей бьются пламенною любовью и глубокою преданностію къ своимъ Монархамъ. Императрица осчастливила стараго шамилевскаго наиба подаіемъ руки, и Даноноль-Магома почтительно поцѣловалъ ее. Совершенную противоположность дагестанцамъ представляли депутаціи отъ нашихъ Средне-Азіятскихъ владѣній, въ головѣ которыхъ стоялъ военный губернаторъ Закаспійской области генераль-лейтенантъ Комаровъ и начальникъ Мервскаго округа — извѣстный подполковникъ Алихановъ. Серебро, золото, парча, шелкъ, блескъ и мишура — все свидѣтельствовало о Востокѣ. Одни изъ депутатовъ были въ красныхъ, другіе въ ярко-желтыхъ, зеленыхъ, или въ пестрыхъ халатахъ, съ громадными папахами и чалмами на головахъ; оружіе и пояса на нихъ подчасъ самой невозможной формы, но затѣ богато украшены золотомъ. Большинство депутатовъ — народъ все видный, крупный, съ характерными энергичными лицами. Особенно обращала на себя вниманіе ханша Зюль-Джамаль-Бай, вдова Нуръ-Вердыхана. Она, какъ извѣстно, первая высказалась за присоединеніе Мерва къ Россіи, и теперь явилась съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ подполковникъ, а другой капитанъ русской службы. Одежда ея отличалась неимовѣрнымъ богатствомъ: ея халатъ изъ золотой парчи, опушенный соболемъ и унизанный драгоценными камнями, знатоки цѣнили не менѣе, какъ въ 30 тысячъ руб. серебр. Тутъ же въ числѣ депутатовъ стояли: Толатанскаго приставства прапорщикъ Сары-ханъ, взявшій при Кущкѣ собственноручно авганское знамя, и нѣсколько киргизовъ изъ Мангишлака, въ высокихъ остроконечныхъ войлочныхъ малахаяхъ. Всѣ эти сыны беспредѣльныхъ степей, первый разъ въ

своей жизни переплывшіе море и попавшіе въ европейскій городъ, да еще въ такую торжественную для него минуту, — просто поражены были величіемъ русскаго государства и у многихъ изъ нихъ тогда же явилась мысль совершить поѣздку въ Тифлисъ и далѣе, съ цѣлью ознакомиться съ Россією.

Когда Императорская Чета приблизилась къ депутаціи, духовный представитель мервскихъ туркменъ Кази-мулла, держа въ рукахъ серебряное блюдо съ хлѣбомъ и солью, обратился къ Государю съ слѣдующими словами:

«Поднося хлѣбъ-соль Вашему Императорскому Величеству отъ новѣйшихъ подданныхъ Вашимъ, я, какъ духовный представитель народа, повергаю къ стопамъ Вашимъ увѣренія въ томъ, что съ Божією помощію туркмены будутъ и вѣрнѣйшими подданными». Государь подаль руку Кази-муллѣ и сказалъ: «Буду душевно радъ, если эти слова оправдаются и на дѣлѣ». Кази-мулла поцѣловалъ Государя въ плечо.

Затѣмъ туркмены поднесли Государынѣ-Императрицѣ восемь великолѣпныхъ текинскихъ ковровъ и разныя ручныя издѣлія, а Цесаревичу персидскую саблю, оправленную въ чистое золото и усыпанную брилліантами и драгоценными камнями, стоимость которыхъ оцѣнивалась въ 10 тысячъ руб. сереб. Сабля эта составляетъ народный туркменскій трофей. Въ 1860 году сорока-пятитысячная персидская армія, подъ начальствомъ двоюроднаго брата нынѣшняго шаха, отправилась для покоренія Мерва; но огромная армія эта была разбита текинцами такъ, что принцъ едва ускакалъ съ тремястами всадниковъ, а все остальное было побито или забрано въ плѣнъ и продано въ рабство бухарцамъ. Въ этой несчастной битвѣ принцъ потерялъ не только драгоценную саблю, но и свой, украшенный камнями, халатъ, въ которомъ, не безъ гордости, явился теперь одинъ изъ числа текинскихъ депутатовъ.

Обойдя депутаціи и пропустивъ мимо себя молодецкій караулъ ашперонцевъ, Государь милостиво поблагодарилъ

всѣхъ за радушный пріемъ и удалился во дворець, у подъѣзда котораго стоялъ караулъ—офицеръ и четыре милиціонера отъ Туркменской иррегулярной дружины. Всѣ они были одѣты въ одинаковыя розовыя халаты и имѣли въ рукахъ обнаженныя сабли.

Черезъ полъ-часа Ихъ Величества отправились для осмотра учебныхъ заведеній.

При входѣ Императорской семьи въ Маріинскую женскую гимназію, хоръ изъ трехсотъ гимназистовъ и семидесяти учениковъ реального училища исполнили гимнъ Бетховена «Прославленіе Бога», а затѣмъ, по желанію Ихъ Величествъ, «Отчизна и весна». Абта и «Разсвѣтъ» Чайковскаго. Обѣ пьесы были пропѣты подъ аккомпаниментъ рояля, органа и оркестра изъ 20 учениковъ реального училища. Здѣсь кстати прибавить, что, какъ въ гимназій, такъ и въ заведеніи св. Нины, музыкальною частію завѣдуетъ и держитъ хоромъ, безвозмездно и съ полною любовью къ дѣлу, отставной капитанъ 1-го ранга Ирецкій—одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей бакинской промышленности.

Когда пѣніе кончилось, семь ученицъ младшаго возраста поднесли Ихъ Величествамъ скатерть изъ бѣлаго сукна, по которому разноцвѣтными шелками былъ вышитъ гербъ города Баку, а вокругъ—широкія борта краснаго бархата съ бахромой и золотыми узорами въ персидскомъ вкусѣ. За ученицами на середину зала выступилъ реалистъ 7-го класса Ермолаевъ и, поднеся Государынѣ букетъ, восторженно продекларировалъ привѣтственное стихотвореніе:

Сердца юныя преисполнены
 Чистой радостью, неподдѣльною,
 Что пришлось намъ зрѣть Царя-Батюшку
 Царя-Батюшку съ Царицей-Матушкой,
 Съ Царицей Матушкой и Ихъ дѣтками.
 Такъ и рвутся вонъ непокорныя,
 Чтобъ повѣдать Вамъ про любовь свою,

Про любовь свою неизмѣнную.
Неизмѣнную Дому Царскому.
При одной мы мысли возвышаемся,
Что мечта наша завѣтная
На яву нынѣ сбывается;
А та мечта наша завѣтная
Зрѣть Тебя, Царь, съ Государыней...
Очи ясныя загорѣлися,
Лица юныя зарумянились,
Поднялася грудь отъ напора чувствъ,
Такъ и хочется слово вымолвить:
Сохранить Васъ Богъ для Руси святой,
Ниспешлетъ на Васъ благодать Свою!
Пусть узнаетъ мѣръ, вся вселенная,
Что за благодать царствуетъ на Руси святой.
Посмотри вокругъ на людей Твоихъ:
Вотъ и старъ и младъ шапки скинули,
И летятъ мольбы къ Престолу Божию
За Монарха и Монархиню.
Посмотри: кавказцы, прежде непокорные,
Предъ Твоимъ величїемъ преклоняются,
И лишь слово молвишь, какъ одинъ пойдутъ,
Какъ одинъ. пойдутъ на враговъ Твоихъ!
Тамъ, гдѣ власть Твоя утверждается,
Тамъ, гдѣ милость Твоя показалася,
Все цвѣтетъ, растетъ, наслаждается.
Веселись народъ! Торжествуй Кавказъ,
Что пришлось намъ на Царя взглянуть!
Храни, Боже нашъ, Царя Русскаго,
Царя Русскаго съ Государыней,
И Надеждою-Цесаревичемъ.

Поблагодаривъ юнаго поэта, Ихъ Величества при общемъ пѣніи хора «Боже Царя храни», отбыли изъ гимназїи въ заведеніе св. Нины.

Это заведеніе, основанное княгиней Воронцовой въ сороковыхъ годахъ, обязано настоящимъ своимъ процвѣтаніемъ, какъ и вообще всѣмъ заведеніямъ св. Нины и благотворительныя приюты и школы, заботамъ незабвенной княгини Н. А. Дондуковой-Корсаковой. Здѣсь, такъ-же, какъ и въ гимназіи, воспитанницы поднесли Царственнымъ гостямъ шитую шелками подушку, при чемъ воспитанница VIII класса, окончившая курсъ съ золотою медалью, Ольга Якубовская обратилась къ Государю съ слѣдующими словами:

«Ваше Императорское Величество! отъ лица всѣхъ здѣсь стоящихъ воспитанницъ, позвольте намъ выразить всю нашу любовь, восторгъ, счастье и благодарность за то, что Вы были столь милостивы къ намъ,—осчастливили насъ Своимъ дорогимъ посѣщеніемъ, и подарили намъ счастливый, съ радостнымъ трепетомъ, ожидаемый день, который останется самымъ дорогимъ воспоминаніемъ всей нашей жизни. Съ горячесю вѣрою и молитвою прибѣгаемъ мы къ Всевышнему, да продлитъ онъ жизнь Вашихъ Императорскихъ Величествъ въ мірѣ и славѣ для блага всего русскаго народа.

«Дозвольте же намъ Ваше Величество, въ этотъ столь памятный для насъ день, повергнуть къ стопамъ Вашимъ нашу скромную работу и осчастливить насъ милостивымъ принятіемъ этой подушки»:

Въ этомъ же залѣ выставлены были три замѣчательной работы кресла, приготовленныя бакинскими дамами въ подарокъ Государю, Государынѣ и Цесаревичу. Кресла сдѣланы изъ слоевъ темнаго кубанскаго орѣха и краснаго дерева съ инкрустаціею изъ бронзы, обиты они темно-гранатовымъ бархатомъ, по которому вышиты персидскіе узоры и городскіе гербы. Рѣзныя спинки креселъ изображаютъ ворота хапскаго дворца, а ножки—дворцовыя минареты съ балкончиками; на боковыхъ стѣнкахъ красиво вырѣзаны по орѣху виды Баку.

Милостиво принявъ всѣ эти подношенія и обойдя воспи-

танниковъ и воспитанницъ городскихъ и частныхъ училищъ, собранныхъ во дворѣ заведенія Нины, Императорская Чета отправились на закладку новаго собора. Чинъ освященія проиель установленнымъ порядкомъ, и Ихъ Величества, положивъ первые камни въ основаніе храма, воздвигаемаго во имя Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, вернулись во дворець. Было уже пять часовъ пополудни. Въ это время по Александровской набережной, какъ-разъ мимо оконъ губернаторскаго дома, прошелъ примѣрный караванъ кочевниковъ. Навьюченные верблюды, муллы, ишаки, запряженные въ одну лошадь персидскія и татарскія арбы, крытыя коврами, стада овецъ, и женщины, степенно ѣхавшія верхами, — все это было окружено конными киргизами и туркменами, вооруженными копьями. Ихъ Величества вышли на балконъ и отсюда любовались живописною картиною кочевки, дававшей полное понятіе о способѣ передвиженія, какъ людей, такъ и тяжестей и грузовъ, въ Закавказьѣ и въ нашихъ Средне-Азіятскихъ владѣніяхъ.

Вечеромъ, послѣ фамильнаго обѣда, Государыня-Императрица, вмѣстѣ съ Великими Князьями и небольшою свитой отправились по желѣзной дороги, въ Сураханы (Атепгахъ) осмотрѣть вѣчные огни и калище индусовъ-огнепоклонниковъ.

Послѣдователи этой религіи, признающіе огонь символомъ и проявленіемъ божества на землѣ, сохранились лишь въ дебряхъ Индустана, гдѣ нѣтъ счета ни религіямъ, ни вѣрованіямъ. И вотъ, когда слухъ о явленіи самородныхъ огней въ окрестностяхъ Баку прошелъ до отдаленныхъ рѣкъ Инда и Ганга, набожные индусы пошли на сѣверный край Каспійскаго моря и многіе изъ нихъ оставались здѣсь жить, чтобы въ совершенномъ уединеніи погрузиться въ религіозныя думы и кончить дни свои въ виду священной стихіи. Старые кавказцы и туристы, посѣщавшіе Кавказъ до шестидесятыхъ годовъ, хорошо помнятъ этихъ фанатиковъ, почти совсѣмъ обнаженныхъ, худыхъ, высохшихъ, заживо отравленныхъ удушли-

ливимъ газомъ и обратившихся въ муміи. Они, дѣйствительно, представляли собою странныя существа, которыя едва имѣли подобіе человѣческаго образа. Теперь на Кавказѣ не осталось изъ нихъ уже ни одного человѣка. Послѣдніе ихъ представители были вырѣзаны, во время намѣстничества князя Барятинскаго, какою-то разбойничею шайкою, спустившеюся съ горъ, быть можетъ, въ чаяніи найти здѣсь драгоценности, которыхъ, разумѣется, не было. Съ тѣхъ поръ монастырь необитаемъ. Религіозное созерцаніе отшельниковъ смѣнилось кипучею заводскою дѣятельностью, и вѣчные бакинскіе огни поили на служеніе инымъ, болѣе практическимъ, промышленнымъ дѣляемъ. Покинутое капище начинаетъ мало-по-малу приходить въ разрушеніе. Это низкое одноэтажное строеніе, безъ оконъ, съ плоскою крышею и толстыми стѣнами. Изнутри двора по этимъ стѣнамъ тянется врядъ сорокъ келій, съ высѣченными надъ ними длинными санскритскими надписями. Такія же надписи видны здѣсь и на могильныхъ плитахъ, лежащихъ надъ отошедшими въ вѣчность индусами. Посрединѣ двора возвышается храмъ, въ видѣ открытаго портика съ тяжелымъ и неуклюжимъ куполомъ, который поддерживается четырьмя колоннами. Вотъ эти-то колонны, пустыя внутри, и служатъ проводниками подземнаго огня, который выбрасывается изъ нѣдръ земли какою-то таинственною силою.

По осмотрѣ храма, Высокіе посѣтители кушали чай въ особомъ павильонѣ, при чемъ управляющій бакинскимъ нефтянымъ обществомъ г. Башкировъ поднесъ Ея Величеству альбомъ видовъ Сураханскаго промысла. Поблагодаривъ радужныхъ хозяевъ, Императрица въ 12 часу ночи возвратилась въ Баку. Городъ былъ роскошно иллюминированъ. Баку обладаетъ всѣми средствами, чтобы придать своей иллюминаціи фантастическій характеръ и, дѣйствительно, чудную картину представлялъ этотъ городъ, съ царскими вензелями, горѣвшими точно, на самомъ небѣ, на вершинѣ Дѣвичьей башни. И окрестныя горы; по гребнямъ и скатамъ которыхъ пылали

громадные костры и рейдъ съ его судами и цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, ярко иллюминированныхъ электрическими солнцами, и старое владбище, гдѣ, какъ мановеніемъ волшебнаго жезла, создавались цѣлыя фееріи, гдѣ появлялись и исчезали огненные зданія, возникали и рушились арки и ворота, горѣли вензеля, и разрывались тысячи ракетъ, фугасовъ и бомбъ— все это уносило воображеніе въ тотъ сказочный міръ, который только и существуетъ въ фантастическихъ сказаніяхъ Востока.

Въ воскресеніе, 9-го октября, Ихъ Величества въ 10 часовъ утра отправились на Байловъ мысъ, гдѣ теперь расположены были лагеремъ полки 21 пѣхотной дивизіи. Подѣхавъ къ Морскому собору, Ихъ Величества встрѣчены были соборнымъ священникомъ, который привѣтствовалъ Ихъ слѣдующею короткою рѣчью:

«Осчастливленные посѣщеніемъ Вашего Величества на дальней крайнѣ обширнаго Твоего Царства и посѣщеніемъ Августѣйшей супругой Твоей и благовѣрныхъ сыновей, мы съ благоговѣннымъ восторгомъ привѣтствуемъ Тебя евангельскимъ пожеланіемъ: да будетъ имя Твое благословенно между всѣми племенами Твоего царства и да хранить Тебя, Государь, Богъ на всѣхъ путяхъ Твоихъ».

По окончаніи божественной литургіи послѣдовалъ Высочайшій смотръ войскамъ, выстроившимся на соборной площади, подъ общимъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Борха. Государь обошелъ войска пѣшкомъ; Императрица изъ собора прослѣдовала прямо въ павильонъ, увѣнчанный восточнымъ вуполомъ и разукрашенный снаружи рѣзьбою. На часахъ у павильона стояли два старые ширванца, прослужившіе въ рядахъ знаменитаго полка чуть не полъ-столѣтія. Золотые шевроны и длинный рядъ крестовъ и медалей, покрывавшій ихъ груди, краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о тѣхъ

событіяхъ, которыя съ 42-го года прошли передъ ихъ глазами. При самомъ входѣ въ бесѣдку, супруга бригаднаго командира Е. Н. Муравьева поднесла Императрицѣ букетъ, на лентахъ котораго были нарисованы: солдатъ Апшеронскаго полка со знаменемъ и дагестанскій конно-иррегулярный всадникъ.

По обходѣ Его Величествомъ войскъ, начался церемониальный маршъ. За славными боевыми полками 21 дивизіи, прошелъ мѣстный Бакинскій баталіонъ и рота флотскаго экипажа, потомъ три батареи 21 артиллерійской бригады; за ними двѣ сотни Ейскаго полка Кубанскаго казачьяго войска съ коннымъ отрядомъ пограничной стражи, и въ заключеніе— рота ветерановъ, составленная изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, служившихъ въ Дагестанѣ. Это тѣ старые апшеронцы, самурцы, дагестанцы и ширванцы, которые на своихъ плечахъ вынесли всю тяжесть тридцатилѣтней войны въ горныхъ трупобахъ Дагестана и, покидая службу, съумѣли оставить въ полкахъ, вмѣстѣ со старыми знаменами, и старый духъ, которымъ одушевлены были сами, и на которомъ, какъ на незыблемомъ основаніи, зиждится преемственная слава новаго поколѣнія.

По окончаніи парада, Государь обошелъ ряды ветерановъ и каждаго изъ нихъ осчастливилъ своимъ разговоромъ. Между тѣмъ, по приказанію Его Величества, Ширванскій полкъ былъ подведенъ къ павильону и выстроился развернутымъ фронтомъ. Всѣ полагали, что Императору угодно произвести ширванцамъ отдѣльное ученіе. Но каково было удивленіе, восторгъ и счастье знаменитаго кавказскаго полка, когда Государь, приблизившись къ фронту, вызвалъ впередъ офицеровъ и произнесъ, что въ память стараго доблестнаго Ширванскаго полка, Онъ назначаетъ шефомъ его Наслѣдника Цесаревича.

Грнуло ура—и восторгу солдатъ не было предѣловъ: они сознавали, что въ эти минуты, не знаютъ равныхъ себѣ. И это чувство, рѣзкою, характерною чертою прошедшее черезъ

всю исторію Ширванскаго полка до нашего времени, служить залогомъ и будущихъ геройскихъ подвиговъ.

Исторія Ширванскаго полка, исторія дѣйствительно замѣчательная. Подобно нижегородскимъ драгунамъ, онъ уже отпраздновалъ столѣтній юбилей своего пребыванія на Кавказѣ и въ Грузіи. Сраженіемъ на Гюрѣ, 7 ноября 1800 года, онъ начинаетъ свою боевую кавказскую лѣтопись, и съ тѣхъ поръ имя его не употреблялось въ реляціяхъ иначе, какъ съ лестнымъ эпитетомъ «храбрый.» Ермоловъ звалъ этотъ полкъ «10-мъ легиономъ.» Грозный штурмъ Ахалцыха въ турецкую войну Паскевича, когда ширванцы пошли на приступъ и ворвались въ городъ съ пѣснями, доставилъ полку такую громкую извѣстность, что покойный Императоръ Николай Павловичъ, назначая шефомъ его графа Паскевича, выразился: «полкъ и вождь достойны другъ друга.» Съ тѣхъ поръ, въ длинной эпопеѣ кавказской войны, Ширванскій полкъ такъ и становится извѣстнымъ подъ именемъ «графцевъ!» Тридцатилѣтняя борьба Дагестана и затѣмъ походы въ далекій Закаспійскій край окончательно упрочили стариннукъ полковую славу. За ней—Ахульго, Салты, оборона Низового, защита Ахтовъ, переходъ черезъ вѣчныя снѣга Гутурдага на высотѣ 14 тысячъ футовъ, Гунибъ, Хива и Геокъ-Тепе.

Когда по знаку Государя «ура» смогло. Полкъ взялъ на-караулъ, музыка заиграла маршъ и новый шефъ, поздоровавшись съ полкомъ, пошелъ по рядамъ его, встрѣчаемый и провожаемый восторженными криками ширванцевъ.

Послѣ смотра Ихъ Величества посѣтили морской госпиталь и возвратились въ городъ уже моремъ, на легкомъ катерѣ, который присталъ къ каменной пристани, находящейся на набережной противъ губернаторскаго дома.

Въ 12 съ 1/2 часовъ во дворцѣ состоялся завтракъ, на который удостоились приглашенія всѣ начальники отдѣльных частей и офицеры—георгіевскіе кавалеры.

Пребываніе Государя въ Баку—въ этомъ центрѣ обшир-

ной нефтяной промышленности Апшеронскаго полуострова, закончилось подробнымъ осмотромъ нефтяныхъ заводовъ, а также способовъ добыванія и обработки нефти и нагрузки ея на суда.

Осмотръ начался съ Чернаго города. По широкой дорогѣ, такъ хорошо политой нефтяными остатками, и такъ плотно укатанной, что экипажи безшумно катятся по ней, какъ по ковру, Императорскій кортежъ прибылъ въ третьемъ часу пополудни къ заводамъ товарищества братьевъ Нобель. У самыхъ воротъ завода, подъ роскошнымъ наметомъ, Императорская Чета встрѣчена была съ хлѣбомъ и солью директорами правленія и предсѣдателемъ совѣта отставнымъ генераль-маіоромъ Бильдерлинггомъ. Блюдо, на которомъ лежала хлѣбъ-соль, серебряное, чеканное, съ изображеніемъ на немъ общаго вида завода со всѣми его сооруженіями, а солонка сдѣлана въ видѣ нефтянаго резервуара.

Осмотрѣвъ заводъ съ полнымъ вниманіемъ и ознакомившись во всей подробности съ ходомъ нефтянаго производства, Ихъ Величества, проѣхали на пристань, откуда наблюдали процессъ наполненія судовъ керосиномъ. По окончаніи всей процедуры, производившейся съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, требуемыхъ акцизными правилами, Ихъ Величества удостоили хозяевъ принять отъ нихъ бокаль шампанскаго, и Государь подялъ его за процвѣтаніе нефтянаго дѣла. Тутъ же директора правленія, въ память посѣщенія Императорскою Четою завода, поднесли Ихъ Величествамъ роскошный альбомъ съ фотографическими видами заводовъ и складовъ товарищества въ Россіи и за границую. На серебряной крышкѣ альбома, эмалированной въ восточномъ стилѣ, изображенъ бакинскій ханскій дворець—одно изъ роскошнѣйшихъ зданій прихотливой восточной архитектуры. Государю Цесаревичу—изящный дубовый ларець въ русскомъ стилѣ, окованный полированнымъ желѣзомъ, съ образцами всѣхъ продуктовъ, производящихся на заводахъ товарищества братьевъ Нобель. Великому Князю Георгію Александровичу—сереб-

ряная табачница, изображающая модель нефтяного резервуара.

Кромѣ этихъ подарковъ, Государынѣ были поднесены цвѣты въ порт-буке замѣчательной мѣстной работы: онъ весь золотой, ажурный, при чемъ всѣ промежутки заполнены разноцвѣтной прозрачной эмалью, образующей то двуглавые орлы, то инициалы имени Императрицы. Первый разъ подобная работа была выставлена въ настоящемъ году на копенгагенской выставкѣ и обратила на себя общее вниманіе, такъ какъ нигдѣ въ Европѣ подобныхъ работъ не дѣлають.

Поблагодаривъ товарищество за его полѣзную дѣятельность, имѣющую такое важное значеніе въ промышленной жизни Баку, и еще разъ пожелавъ успѣха и процвѣтанія столь важной отрасли русской промышленности, Ихъ Величества отправились въ селеніе Сабунчи и Балаканы для осмотра самаго добыванія нефти и нефтяныхъ фонтановъ.— Тамъ Августѣйшіе гости посѣтили нефтепроводную станцію Цатурова, промыслы Каспійско-черноморскаго общества и Горное товарищество, наблюдая съ большимъ интересомъ и дѣйствіе насосовъ, и самый способъ буренія и добыванія нефти изъ скважинъ, или, такъ называемое, «тортаніе». Ознакомившись со всѣми видами работъ, Ихъ Величества удостоили принять въ Балаканахъ предложенный Имъ чай, и любовались видомъ нефтяныхъ фонтановъ,—этого неизвѣстнаго въ другихъ мѣстахъ явленія природы.

При входѣ Императорской Четы въ навильонъ, одинъ изъ нефтепромышленниковъ Апшеронскаго полуострова Х. Рогозинъ привѣтствовалъ Государя слѣдующею рѣчью,

«Мы преисполнены радости и счастья видя Васъ, Государь, среди насъ. Ваше посѣщеніе останется навсегда драгоценнымъ воспоминаніемъ для насъ и дѣтей нашихъ. Державный хозяинъ земли русской. Вы видѣли Собственными глазами могучее развитіе нефтяной промышленности. Все видѣнное Вами, Государь, основано на переработкѣ сырья

внутри страны и на удобствах вывоза наших готовых товаровъ къ Черному морю. Привѣтствуя Васъ, отъ имени нефтедобывающей промышленности, я прошу, Государь, принять альбомъ видовъ и модель вышки, какъ перваго орудія, которымъ началась обильная добыча нефти и связанное съ нею благоденствіе края.»

Модель, поднесенная Его Величеству, сдѣлана изъ чернаго дерева и составляетъ собственно тотъ альбомъ, о которомъ упомянулъ Рогозинъ. Передняя сторона модели открывается и обнаруживаетъ малѣйшія детали внутреннего устройства настоящей вышки въ миниатюрѣ. Самые альбомы, съ видами промысловъ и буровыхъ сооружений, помѣщаются въ боковыхъ пристройкахъ, гдѣ обыкновенно хранятся матеріалы или отдыхаютъ рабочіе; альбомы устроены такъ, что не вынимаются изъ своихъ футляровъ, но перелистываются посредствомъ легкаго нажима на небольшую пружину. Государю Цесаревичу была поднесена серебрянная чернильница, представляющая модель нефтянаго резервуара; она утверждена на черномъ мраморномъ пьедесталѣ и обставлена кругомъ различными инструментами, образующими надъ самою чернильницею какъ-бы триумфальную арку.

Откушавъ чай, Ихъ Величества экстреннымъ поѣздомъ вернулись въ Баку, гдѣ состоялся большой Императорскій обѣдъ,—а въ 10 часовъ вечера Августѣйшіе гости, провожаемые тысячами массами народа, выѣхали изъ Баку по желѣзной дорогѣ на станцію Караязъ и далѣе къ Кутаясу.

VIII.

ОТЪ БЕРЕГОВЪ КАСПІЯ КЪ БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Безотраденъ путь отъ Баку въ Каразю. Широкая, длинная степь легла вдоль полотна желѣзной дороги, и печальнымъ пустыннымъ видомъ своимъ гнететъ душу путника. На далекомъ горизонтѣ сѣвера стоятъ, нахмурившись, голыя скалы и будто въ угрюмомъ молчаніи сторожатъ ея тишину и покой.

Была нѣкогда пора, когда и здѣсь жизнь была ключемъ, а по берегамъ многочисленныхъ арыковъ растиались тучныя поля и богатая пастбища. Но подъ кровавымъ мечомъ, пронесившихся здѣсь дикихъ ордъ завоевателей, пали плотины— и жизнь оставила обездоленную степь. Проходили столѣтія; набѣги становились слабѣе, и исторія уже заносила ихъ на свои страницы.

За мертвою степью начинается богатая Елисаветпольская губернія съ ея историческими именами: Елисаветполемъ, Шамхоромъ и Дигомскимъ полемъ, ознаменованнымъ славою русскаго оружія. Кровавый ганжинскій штурмъ, бой при Дигомѣ, Шамхорская побѣда, и разгромъ на елисаветпольскихъ поляхъ персидской арміи, вотъ тѣ, дорогія русскому сердцу,

повѣсти, которыя невольно связываютъ эти историческія имена съ именами князя Циціанова, Карягина, Мадатова и Паскевича. Время сгладило кровавые слѣды минувшихъ битвъ, рассыпались старыя, никому ненужныя, крѣпости, упалъ Шамхорскій столбъ, столько вѣковъ привлекавшій къ себѣ вниманіе путешественниковъ, запусгло Дигомское поле—и мирть и лавръ покрыли все, и навсегда, своею славною сѣнью.

10-го октября, въ девять съ половиною часовъ утра, Императорскій поѣздъ остановился у Елисаветпольской станціи.

То же изящество и роскошь въ убранствѣ вокзала и дебаркадера, какъ вездѣ, были и здѣсь; но къ особенностямъ декораціи нужно отнести оригинальный вензель, составленный не изъ цвѣтовъ и зелени, а изъ дѣтей, размѣщенныхъ по ступенямъ лѣстницы такъ, что вензелевую букву А образовывали мальчики, а римскую цифру подъ ними—изображали три маленькія дѣвочки, одѣтыя въ русскіе сарафаны съ золотыми кокошниками на головахъ. По одну сторону этой замѣчательной группы расположился оркестръ воспитанниковъ Елисаветпольской гимназіи, а по другую—хоръ пѣвчихъ изъ служащихъ на Закавказской желѣзной дорогѣ. И оркестръ и пѣвчіе привѣтствовали появленіе Императора народнымъ гимномъ.

Выйдя на платформу, Государь-Императоръ, въ сопровожденіи начальника Елисаветпольской губерніи генерал-майора князя Накашидзе, встрѣтившаго царскій поѣздъ на границѣ своей губерніи,—приблизился къ депутаціямъ и принялъ хлѣбъ-соль, поднесенную Ему на старинномъ рѣзномъ деревянномъ блюдѣ отъ города и населеній губерніи. Тутъ-же, при депутаціи, представились ихъ Величествамъ двѣ карабахскія ханши, изъ которыхъ одна—дочь извѣстнаго Мехти-Кули-хана, послѣдняго владѣтеля Карабаха. Ханши были одѣты въ свои національные костюмы, и у одной изъ нихъ головная повязка была украшена по золотому галузу необыкновенно крупнымъ аграфомъ изъ драгоценныхъ камней—

евъ. Ханши поднесли Государю замѣчательной работы коверъ, Императрицѣ—накидку, расшитую золотомъ, и Цесаревичу—шерстяную попону, извѣстной карабахской работы.

Отсюда Ихъ Величества направились въ Императорскія комнаты, гдѣ была устроена выставка произведеній Елисаветпольской губерніи. Здѣсь были разставлены громадныя олеандры, померанцовыя, лимонныя и гранатовыя деревья, разные овощи, образцы сѣмянъ сельско-хозяйственныхъ растеній, снопы хлѣба, а также мѣстныя издѣлія и древнее оружіе.

При входѣ въ залъ, Царственные гости встрѣчены были супругою губернатора княгинею Накашидзе, имѣвшей счастье поднести Императрицѣ букетъ цвѣтовъ отъ лица елисаветпольскихъ дамъ. Обходя выставку, Ихъ Величества обратили вниманіе на одно лимонное дерево, имѣвшее на своихъ вѣтвяхъ болѣе трехсотъ плодовъ, на гигантскіе арбузы и тыквы, вѣсившіе отъ двухъ до четырехъ пудовъ, на сельско-хозяйственные продукты, полученные учениками профессиональнаго училища изъ своего сада, и, наконецъ, на нѣкоторыя мѣстныя издѣлія, въ числѣ которыхъ были замѣчательныя вещи по тонкости работы и отдѣлки, или по ихъ историческому значенію, какъ напр., старая скатерть, вышитая золотомъ и принадлежавшая, какъ говоритъ преданіе, Агѣ-Магометъ-хану, памятному послѣднимъ разгромомъ Тифлиса въ 1795 году.

Возвратившись изъ залы на платформу, Государь вмѣстѣ съ Императрицею, сопровождаемые попечителемъ Кавказскаго округа тайнымъ совѣтникомъ Яновскимъ, обошли, выстроившіяся возлѣ вокзала, всѣ учебныя заведенія, при чемъ ученики Михайловской профессиональной школы поднесли Государю-Императору горку, сложенную изъ образцовъ всѣхъ минераловъ, имѣющихся въ Елисаветпольской губерніи. Вокругъ этой горки, у ея подножія, были расположены серебряныя модели инструментовъ, употребляемыхъ при добываніи

руды и минераловъ. Государынѣ Императрицѣ поднесена подушка съ образцами шелководства, а Наслѣднику-Цесаревичу —металлическая корзина съ фруктами изъ сада училища.

Отсюда Ихъ Величества прошли къ водопроводной башнѣ, гдѣ любовались дѣтми, изображавшими начальную букву Царскаго имени и выразили желаніе имѣть фотографію съ этого оригинальнаго вензеля.

Около 10 часовъ утра поѣздъ, при восторженныхъ крикахъ десяти-тысячной толпы народа, отошелъ съ Елисаветпольской станціи. При дальнѣйшемъ слѣдованіи, Ихъ Величества вездѣ встрѣчали на своемъ пути такія же густыя массы народа, видѣли громадныя вензеля изъ живыхъ цвѣтовъ, вѣнчавшіе вершины придорожныхъ скалъ и съ интересомъ слѣдили за татарскими качевьями, которыя, въ виду приближенія осени, уже спускались съ горъ съ своими табунами и барантою. Послѣ короткой остановки въ Дзигамѣ, въ виду историческаго поля, гдѣ представители русскихъ сектантовъ духоборы и молокане имѣли счастье повергнуть къ стопамъ Ихъ Величествъ скромныя свои подношенія—вышитыя платки и полотенца, Императорскій поѣздъ въ два часа пополудни прибылъ на Караязскую станцію.

Оригинальность убранства Караязскаго вокзала заключалась въ громадныхъ пирамидахъ, аркахъ и вензеляхъ, сложенныхъ исключительно изъ продуктовъ мѣстнаго производства. Обработанный хлопокъ, снопы хлѣба, риса и проса, гигантскіе арбузы и тыквы, баклажаны, помидоры, морковь, свекла и табакъ—все пошло въ дѣло, и въ общемъ представило замѣчательно-красивую и художественную декорацію. На Караязской станціи Ихъ Величества встрѣчены были Великими Князьями Михаиломъ Николаевичемъ и Сергіемъ Михайловичемъ, а также депутаціями отъ мѣстныхъ жителей и товарищества Маріинскаго ирригаціоннаго канала, орошающаго караязскую степь. Послѣдняя депутація поднесла хлѣбъ-соль на деревянномъ точеномъ блюдѣ. украшенномъ славянскою над-

писью: «Господи силою Твоею да возвеселится Царь».

Въ Караязѣ Ихъ Величества оставались два дня, посвященные охотѣ, и 11 октября изволили отбыть Императорскимъ поѣздомъ въ Кутаисъ.

Миновавъ Тифлисъ, Авчалы, Мцхеть и Михайлово,—еще недавно полное движенія и жизни, Императорскій поѣздъ остановился у ст. Ципа. Здѣсь Его Величеству былъ представленъ строитель сооружаемаго сурамскаго тунеля инженеръ Рыдзевскій, и Государь поздравилъ его съ успѣшнымъ ходомъ работы. Отсюда весь дальнѣйшій путь слѣдованія Ихъ Величества по Кутаисской губерніи представлялъ собою непрерывный рядъ самыхъ задушевныхъ, непрерывныхъ восторговъ и овацій со стороны обитателей. Цѣлыя массы населенія переполняли желѣзно-дорожныя станціи и тѣ деревни, мимо которыхъ пролегла желѣзная дорога. Во многихъ мѣстахъ стояли триумфальныя арки, подъ которыми проносился поѣздъ, или устраивались вензеля, декорированные цвѣтами и зеленью. Роскошная природа Кутаисской губерніи давала возможность превращать всѣ желѣзно-дорожныя станціи и сооруженія въ сплошныя тропическія сады, полныя чудесъ растительнаго царства. Все что происходило по дорогамъ, что было уже въ древней Иверіи, Закавказскихъ провинціяхъ и на сѣверномъ Кавказѣ, теперь должно было повториться еще съ большею силою въ самомъ Кутаисѣ—въ сердцѣ Имеретіи, долженствовавшемъ оставить въ Царственныхъ гостяхъ послѣднее заключительное впечатлѣніе. И Кутаисъ оказался на высотѣ своей задачи.

12 октября, къ полудню, на станціи Кутаисской желѣзной дороги собрались всѣ представители власти, почетное дворянство, депутаціи отъ городовъ и уѣздовъ, и тутъ же расположился почетный караулъ изъ дворянъ Кутаисской губерніи, подъ командою князя Микеладзе, нѣкогда служивша-

го въ конвоѣ Его Величества. Этотъ почетный караулъ былъ еще оригинальнѣе и живописнѣе, нежели въ Тифлисѣ. При немъ была музыка, посреди его гордо развѣвалось большое красивое знамя, пожалованное дворянству въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, въ бытность Его на Кавказѣ въ 1871 году; да и самые костюмы здѣсь были еще красивѣе, еще типичнѣе и разнообразнѣе. Довольно указать на однихъ гурійцевъ въ ихъ полуфантастической одеждѣ, чтобы составить себѣ картину этого караула до крайности своеобразнаго, эффектнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ воинственнаго.

Императорскій поѣздъ прибылъ въ Кутаисъ 12 октября въ 4 часа пополудни.

Какъ только Императоръ, вмѣстѣ съ Императрицею, появились на ступеняхъ вагона—караулъ отдалъ честь, музыка заиграла гимнъ, и дворянское знамя преклонилось передъ Монархомъ. Обойдя караулъ и поблагодаривъ дворянъ, охотою встрѣтившихъ своего Царя подъ сѣнію славнаго народнаго знамени, Ихъ Величества приблизились къ предводителямъ дворянства, въ главѣ которыхъ стоялъ князь Цулукидзе, съ большимъ серебрянымъ блюдомъ въ рукахъ. Это блюдо, сдѣланное въ видѣ подноса, украшено посрединѣ кутаисскимъ гербомъ и красивыми орнаментами, изображающими кувшины для вина, снопы хлѣба, виноградъ и другія произведенія страны; кругомъ, полная задушевности, надпись: «Прими милостиво, Августѣйшій гость нашъ и всей нашей земли Самодержавный Повѣлитель, скудную хлѣбъ-соль, съ искренними чувствами и любовью подносимую Тебѣ вѣрнымъ и готовымъ жертвовать своею кровью дворянствомъ Кутаисской губерніи».

Поднося хлѣбъ-соль, князь Цулукидзе обратился къ Государю съ слѣдующими словами:

«Дворянство Кутаисской губерніи, преисполненное безпредѣльной благодарности за дарованное ему высокое счастье

лицезрѣть Васъ, возлюбленный нашъ Монархъ, съ Августѣйшею семьею, повергаетъ къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества искреннѣйшія свои вѣрно-подданическія чувства. Настоящая свѣтлая минута, усугубленная въ ея торжественности посѣщеніемъ Государыни Императрицы, всюду сѣющей радость и счастье, составляетъ въ жизни нашей величайшее событіе и еще болѣе усиливаетъ въ сердцахъ нашихъ неугасаемый огонь, унаслѣдованный отъ предковъ, безавѣтной любви и преданности».

Затѣмъ Государя привѣтствовалъ городской голова Асатиани.

«Превыше силъ моихъ—сказалъ онъ:—выразить всю глубину вѣрноподданическихъ чувствъ населенія города Кутаиса, отъ имени котораго имѣю счастье привѣтствовать Васъ, Государь, хлѣбомъ и солью. Для достойной встрѣчи Вашего Величества и Царственной семьи Вашей Кутаисъ не имѣетъ ни огня Каспія, ни лазури Батума, ни пышности Тифлиса: въ немъ есть только одни издревле согрѣтыя самоотверженною преданностію Престолу чувства. Чувства эти, Державный Вождь могущественнаго государства, не изсякнутъ ни въ насъ, ни въ потомкахъ нашихъ, пока будетъ биться хоть одно грузинское сердце».

Окончивъ рѣчь, голова поднесъ Государю хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ въ древне-русскомъ стилѣ, украшенномъ посрединѣ гербомъ Кутаиса—щитъ, въ которомъ на андреевской лентѣ виситъ золотое руно; на этомъ-же блюдѣ стояла и солонка, имѣющая видъ кіоска.

За Асатиани выступили представители города Поти.

«Поднося хлѣбъ-соль отъ жителей Поти,—сказалъ городской голова князь Тавдгеридзе:—не могу не вспомнить печальной ихъ участи: они лишены счастья видѣть Ваше Императорское Величество и Августѣйшую семью Вашу на собственной территоріи. Насъ, впрочемъ, утѣшаетъ увѣренность, что Ваше Величество, проѣзжая мимо Поти, не могли не

вспомнить о вѣрноподанныхъ его обитателяхъ. Затѣмъ насъ утѣшаетъ еще надежда видѣть Васъ, Ваше Императорское Величество, въ слѣдующій Вашъ счастливый прїѣздъ, когда потїицы имѣли-бы счастье видѣть обожаемаго своего Царя у себя, и тогда Вы, Ваше Величество, увидите истинное проявленіе народныхъ чувствъ, ибо потїицы коренные грузины, вполне воспитавшіе въ себѣ чувства вѣрноподданческой преданности Вашему Престолу и отечеству».

Проговоривъ эту рѣчь, князь Тавдгеридзе поднесъ хлѣбъ-соль на серебряномъ ажурномъ блюдѣ, на которомъ оригинальная солонка изображала модель савли потїискаго ремесленника.

Далѣе поднесъ хлѣбъ-соль ремесленный голова, а за нимъ одинъ изъ сельскихъ старшинъ Давидъ Гаприла-Швили, — старикъ, увѣшанный крестами и медалями. Подношеніе кутаисскихъ мѣщанъ состояло изъ огромныхъ турьихъ роговъ, богато оправленныхъ серебромъ.

Ея Величеству поднесены были букеты супругою губернатора В. К. Гросманъ, супругою городского головы Асатиани и княгиню Тавдгеридзе.

Изъ вокзала Императорская Чета отправилась въ открытой коляскѣ, запряженной парой великолѣпныхъ сѣрыхъ лошадей, въ городской соборъ, гдѣ преосвященный Гавріиль, епископъ Имеретинскій, привѣтствовалъ Ихъ Величества слѣдующею рѣчью:

«Благочестивѣйшій Государь!

«Грузія не разъ имѣла счастье видѣть посреди себя вѣнценосныхъ Царей Россійскихъ, но нынѣшнее Твое посѣщеніе ея съ Царицею и Августѣйшими дѣтьми особенно знаменательно и радостно. Оно показываетъ, что сія далекая крайна Твоей державы, послѣ многихъ лѣтъ браней, достигла, наконецъ, такого мира и благоденствія, что оказалось возможнымъ посѣщеніе ея и Государынею Императрицею съ Царственными дѣтьми.

«Да возрадуется духъ Твой, благочестивѣйшій Государь, при видѣ сего народа, съ искреннимъ восторгомъ Тебя встрѣчающаго, и сей страны, освобожденной и осчастливленной Твоими предками и нынѣ мирно трудящейся. Недалеко ушло отъ насъ то время, и еще отцы наши помнили и рассказывали намъ о томъ, какъ вся она была опустошена, разорена и покрыта кровью своихъ сыновъ, и вотъ теперь, вырванная доблестными русскими войсками изъ рукъ лютыхъ враговъ христіанской вѣры, она какъ-бы воскресла изъ мертвыхъ и снова расцвѣла подъ благодѣтельнымъ управленіемъ Твоихъ предковъ и Твоимъ, Государь!

«Всѣ мы, туземцы, твердо помнимъ это и безконечно благодарны, во-первыхъ, Богу, просвѣтившему нашихъ предковъ православною вѣрою, во-вторыхъ—самимъ предкамъ, которые, несмотря на тысячелѣтнюю тяжкую борьбу и страданіе за свою вѣру, въ цѣлости и чистотѣ передали намъ святой залогъ православія и тѣмъ самымъ способствовали навѣки слиться съ великою православною державою Россійскою и приобщиться ея духовной жизни. Наконецъ, безконечно благодарны мы Твоимъ Державнымъ предкамъ и Тебѣ, Великій Государь, за всѣ заботы, труды, громадныя затраты, за всю пролитую русскую кровь для нашего освобожденія изъ вражескихъ рукъ. Въ особенности-же за то благодарны Тебѣ, Государь, что Ты не умаляешь насъ среди другихъ безчисленныхъ подданныхъ, посѣтилъ насъ, оживилъ, воодушевилъ и соединилъ всѣхъ въ одномъ чувствѣ благодарности и любви къ Тебѣ. Въ томъ великая и всемірная слава православной Русской державы, что въ ней всѣ подданные, безъ различія народностей и вѣроисповѣданій, живутъ подъ одними и тѣми же справедливыми и нелицепріятными законами, имѣютъ одинаковыя права, тогда какъ въ иныхъ великихъ державахъ, кичащихся своею высокою цивилизаціею, равноправность подданныхъ существуетъ часто только на бумагѣ, вѣротерпимость—только для невѣрующихъ въ Бога, а православнымъ

въ ней часто отказываютъ. Только Богомъ хранимая и мудрыми своими Вождями руководимая къ возвышеннымъ цѣлямъ, Россія всегда стремится и въ государственномъ управленіи осуществлять Божью правду.

«Мысль о великомъ отъ Бога предназначеніи Твоей державы да укрѣпляетъ Тебя, православный Царь, въ Твоихъ Царственныхъ трудахъ и подвигахъ. Да даруетъ Тебѣ Царь царствующихъ многіе и многіе годы утѣшаться счастьемъ Твоей семьи и мирнымъ процвѣтаніемъ Твоихъ вѣрнопожертанныхъ».

Послѣ краткаго молебствія Ихъ Величества осмотрѣли соборъ, обративъ вниманіе на рядъ знаменъ, висѣвшихъ по его стѣнамъ, и особенно на большое георгиевское знамя, пожалованное Имеретинской милиціи Императоромъ Николаемъ I за подвиги противъ кавказскихъ горцевъ въ 1838 году. Затѣмъ, принявъ еще разъ благословеніе епископа и поднесенныя имъ иконы, Императорская Чета отправилась въ Ольгинскую женскую гимназію, помѣщающуюся вмѣстѣ съ заведеніемъ св. Нины.

Здѣсь, въ самомъ зданіи, собраны были воспитанницы всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній Кутаиса, а на дворѣ выстроились ученики классической гимназіи, прогимназіи, дворянской школы, учительской семинаріи и другихъ заведеній—всего до двухъ тысячъ учащихся дѣтей и юношей. Сопровождаемые попечителемъ округа тайнымъ совѣтникомъ Яновскимъ, Ихъ Величества обошли заведеніе св. Нины, роскошно декорированное живыми цвѣтами, и внимательно разсматривали работы воспитанницъ. Здѣсь отъ лица гимназіи и заведенія св. Нины были поднесены Императрицѣ шелковыя кружева и великолѣпный пенюаръ, расшитый тегинскимъ узоромъ, а отъ бесплатной женской школы—вышитая шелковая подушка. Отъ этой же школы было приготовлено для Великой Княжны Ольги Александровны—платье изъ мѣстной матеріи дарьи, обшитое шелковыми кружевами. Затѣмъ всѣ женскія заведенія

исполнили хоромъ народный гимнъ и «Славься, славься нашъ русскій Царь».

Между тѣмъ дѣти, собранныя во дворѣ, съ замираніемъ сердца глядѣли на сильный дождь, теряя надежду увидѣть Государя и Государыню. Но велика была ихъ радость и невыразимъ восторгъ, когда Императорская Чета, вмѣстѣ съ Августѣйшими сыновьями, спустилась съ крыльца и, несмотря на грязь, пошла вдоль ихъ рядовъ. Радостное ура, вырвавшееся изъ груди двухъ тысячъ дѣтей, подхвачено было на улицѣ собравшимся народомъ, и слилось съ торжественными звуками русскаго и датскаго гимновъ, исполненныхъ оркестрами и хорами воспитанниковъ.

По окончаніи гимна, были поднесены Наслѣднику-Цесаревичу отъ директора классической гимназіи Стоянова—коллекція фотографій съ развалинъ кутаисскаго собора XI вѣка и тѣхъ архитектурныхъ фрагментовъ, которые были найдены имъ при произведенныхъ раскопкахъ, а отъ учениковъ гимназіи—альбомъ съ фотографіями нѣкоторыхъ мѣстъ Кутаиса и Закавказья; Великому Князю Георгію Александровичу—фотографическая коллекція видовъ Сванетіи.

Изъ заведенія св. Нины Ихъ Величества отбыли въ губернаторскій домъ, гдѣ приняли почетный караулъ отъ Черноморскаго полка и удались въ приготовленное для нихъ помѣщеніе. Вслѣдъ за Государыней, по просьбѣ кутаисскихъ ремесленниковъ, былъ отнесенъ во дворецъ роскошный букетъ, приготовленный ими изъ полевыхъ цвѣтовъ, перевитыхъ лентами, на которыхъ красовалась надпись: «Матушкѣ-Царицѣ».

Вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминированъ и толпы народа, переполнявшія городскія улицы, не расходились до поздней ночи.

На слѣдующій день, 13 октября, послѣ утренняго приѣма у Государыни-Императрицы почетныхъ кутаисскихъ

дамъ, Ихъ Величества посѣтили военный госпиталь, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ отправились въ Гелатскій монастырь, отстоящій отъ города въ семи или въ восьми верстахъ.

Народу собралось въ монастырь, ко времени приѣзда Государя, такое множество, что безъ преувеличенія можно сказать, что здѣсь былъ весь Кутаисъ. У монастырской ограды Императорская Чета встрѣчена была учениками окрестныхъ школъ, и общій хоръ, болѣе чѣмъ изъ трехсотъ дѣтей, привѣтствовалъ Ее народнымъ гимномъ. Затѣмъ Кухская сельская школа поднесла Ихъ Величествамъ сотовый медъ изъ училищной пасѣки, а воспитанницы Хонскаго женскаго училища—бузетъ изъ коконовъ, выведенныхъ въ школъ, и шелковый платокъ, связанный ученицами изъ мѣстнаго шелка. Тутъ же брестяне поднесли Государю и Государынѣ собственнаго письма иконы Спасителя и св. Нины.

Прослѣдовавъ отсюда въ монастырскій храмъ, Ихъ Величества встрѣчены были въ предверіи его преосвященнымъ Гаврииломъ, сказавшимъ привѣтственное слово:

«Благочестивѣйшій Гогударь! Съ чувствами умиленія и благодарности Богу встрѣчаютъ здѣсь Тебя иноки сей древней обители. Они не имѣли счастья лицезрѣть царствующихъ особъ никогда. Нынѣшнее Твое посѣщеніе съ Государынею Императрицею и Августѣйшими дѣтьми навсегда запечатлѣтся въ ихъ сердцахъ, такъ же, какъ и въ сердцахъ всѣхъ жителей сей страны, какъ высокій примѣръ благочестія Царской семьи. Храмъ сей заложенъ въ концѣ одиннадцатаго вѣка царемъ Давидомъ Возобновителемъ и оконченъ сыномъ его, царемъ Дмитріемъ въ началѣ двѣнадцатаго вѣка; въ числѣ немногихъ храмовъ Грузіи, онъ остался неповрежденнымъ, хотя нѣсколько разъ подвергался нападеніяхъ враговъ христіанства».

Гелатскій монастырь основанъ однимъ изъ величайшихъ царей Грузіи Давидомъ Возобновителемъ въ благо-

дарность Богу, помогшему ему соединить подь своею властію все древнее царство Багратидовъ. Обширностью, красотою, обиліемъ мраморовъ зданіе это превосходило все, что до того времени было сооружено въ Иверіи. Въ немъ Давидъ впослѣдствіи поставилъ древніе престолы, побѣжденныхъ имъ персидскихъ царей Хозраидовъ, ихъ золотые свѣтильники, вѣнцы, ожерелья, а также чаши царей арабскихъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ. Умирая, Давидъ избралъ мѣстомъ своего успокоенія порогъ, созданной имъ Гелатской церкви для того, чтобы всякій, переступающій черезъ могилу царя, помолился за душу его. Надъ могилою своею онъ повелѣлъ поставить, нѣкогда плѣненные имъ, желѣзные дербентскія ворота, которыя, замыкая храмъ, служили царю надгробнымъ мавзолеемъ. Но кости царя, причисленнаго церковью къ лику святыхъ, недолго оставались въ назначенной имъ могилѣ: ихъ перенесли въ тайное мѣсто, подь своды соборнаго жертвенника, чтобы спасти отъ хищныхъ лезгиновъ, а на церковномъ порогѣ и понынѣ лежитъ большая гранитная плита, на которой грузинскими буквами начертано: «Се покой мой во вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволихъ и».

На стѣнахъ Гелатскаго монастыря сохранился портретъ Давида и, по сравненію съ портретами послѣдующихъ царей, замѣтенъ исполинскій ростъ царя Вознобновителя. Въ ризницѣ хранится его перстень, въ который, какъ говорятъ, свободно входятъ два пальца обыкновеннаго человѣка.

Всѣ замѣчательныя древности Гелатскаго монастыря были выставлены въ соборѣ на особо приготовленныхъ столахъ. Ихъ Величества съ особымъ интересомъ и вниманіемъ осматривали каждую вещь, спрашивая объ историческомъ ея значеніи. Затѣмъ Государь весьма тщательно осматривалъ каменные изваянія, укращающія наружныя стѣны храма, поднимался даже по крутой лѣстницѣ на колокольню, обнаруживая при этомъ полное знаніе и знакомство свое съ предметами древности.

Послѣ осмотра монастыря, Императорская семья посѣтила преосвященнаго Гавріила, и кушала чай на открытомъ балконѣ архіерейскаго дома, откуда открываются прелестныя виды на далекія окрестности.

На возвратномъ пути къ Кутаису поѣздъ остановился въ верстѣ отъ Моцаметскаго монастыря, и Императорская семья съ желѣзно-дорожной платформы отправилась туда пѣшкомъ, окруженная тысячными массами народа. Картина этого шествія была такъ патріархально-проста, и такъ грандіозно-величественна, что народъ, растроганный до глубины души, провожалъ Царя молитвами и благословеніями.

У входа въ монастырь Ихъ Величества встрѣчены были архимандритомъ Виссаріономъ, а въ самомъ храмѣ мѣстнымъ священникомъ, который, поднеся Высокимъ посѣтителемъ икону святыхъ Давида и Константина, произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

«Благочестивѣйшій Государь!

«Въ память настоящаго величайшаго и счастливѣйшаго для монастыря сего событія, позвольте братіи монастырской, въ лицѣ своего настоятеля-архимандрита, преподнести Вамъ икону св. великомучениковъ арметскихъ князей Давида и Константина, нетлѣнныя мощи коихъ здѣсь-же почиваютъ, и непрестанно молятъ ихъ о своемъ непреложномъ ходатайствѣ предъ Всевышнимъ о ниспосланіи Вамъ и всему Августѣйшему Вашему Дому небеснаго благословенія и во всемъ благого послѣшенія, для бодрственнаго стоянія на стражѣ дорогихъ вѣры и отечества, за которыя они и души свои положили.»

Поклонившись святынямъ и осмотрѣвъ церковь, Ихъ Величества вернулись въ Кутаисъ уже въ шестомъ часу полудни.

Въ этотъ день, въ 8 часовъ вечера, состоялся большой Императорскій обѣдъ въ залѣ женской гимназіи, убранной и декорированной съ замѣчательною роскошью, соотвѣтствовавшей вполне настоящему торжественному случаю. Послѣ обѣда,

на которомъ Государь провозгласилъ тостъ за здоровье дворянства и представителей городовъ Кутаисской губерніи, Ихъ Величества отправились въ городской садъ, гдѣ день заключился народнымъ гуляньемъ и фейерверкомъ.

Въ саду Императорская семья помѣстилась въ особомъ павильонѣ, замѣчательно красивомъ по своему оригинальному устройству и роскошнымъ украшеніямъ. Особенно хороши были гобелены, развѣшенные тамъ, гдѣ были приготовлены мѣста для Ихъ Величествъ. Эти гобелены привезены изъ франціи еще въ 1812 году и, несмотря на то, поражаютъ свѣжестью красокъ и изяществомъ рисунка.

Программа народнаго гулянья состояла изъ національнаго пѣнія, музыки и танцевъ. Въ лезгинкѣ принимали участіе попеременно всѣ представители мѣстнаго высшаго общества, и Ихъ Величества смотрѣли на грандіозный танецъ съ тѣмъ же удовольствіемъ, которое было уже выказано ими въ Грузіи. На смѣну лезгинки явился абхазскій «умюкурай»— и нужно сказать, что этотъ танецъ, имѣющій строгій классическій стиль, танцовался горцами съ неподражаемою ловкостью, граціей и жизнію. Здѣсь, такъ же какъ и въ Тифлисѣ, Ихъ Величества, по окончаніи танцевъ, выходили изъ павильона на открытую площадку и, окруженные моментально тысячными толпами народа, слушали оригинальное пѣніе различныхъ племенъ Кутаисской губерніи.

Особенно хорошъ былъ грузинскій хоръ съ могучими голосами, какъ будто бы созданными перекликаться по вершинамъ скалъ и дремучимъ лѣсамъ ихъ родины. За этими хорами, въ саду были разставлены столы съ виномъ и фруктами, гдѣ подъ звуки зурны пировали туземцы. Вернувшись въ залъ, Ихъ Величества купали чай, и въ этой время любители исполнили нѣсколько старинныхъ грузинскихъ пѣсень.

Въ одинадцать съ половиною часовъ ночи Императорская семья прямо изъ сада отправилась на желѣзную дорогу— и весь народъ, кинувшійся за царскою коляскою, проводилъ

ее вплоть до самаго вокзала... «Ура» гремѣло всю дорогу и умолкло только тогда, когда Императорскій поѣздъ сталъ удаляться изъ виду. Въ городѣ Ихъ Величества роздали много подарковъ, пожертвовали тысячу рублей на нужды Гелатскаго монастыря, а всѣ кутаисскіе дворяне и князья, составлявшіе почетный караулъ, такъ же какъ и въ Тифлисѣ, были произведены въ прапорщики милиціи.

Путешествіе Ихъ Величествъ по древней Грузіи окончилось. Впереди лежалъ турецкій Батумъ. Это—тоже Грузія, но уже утратившая вѣру отцовъ, омусульманившаяся, потерявшая много прекрасныхъ чертъ изъ своего національнаго характера. Но придетъ время—и оно уже не далеко,—когда это древнее достояніе грузинскихъ царей возвратится въ лоно своего отечества.

IX.

ОТЪѢЗДЪ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ СЪ КАЗКАЗА.

14-го октября, въ часъ пополудни, Императорскій поѣздъ остановился у Батумской пристани. Та же сердечная, задушевная встрѣча, какъ и въ первый разъ, ожидала Царскую семью въ этомъ городѣ, юнѣйшимъ изъ всѣхъ городовъ Русской имперіи. На пристани собралось все, что только жило въ Батумѣ и въ его окрестностяхъ. И каждый изъ этой многотысячной толпы принесъ съ собою сюда открытое сердце, горѣвшее любовью, несокрушимую преданность и готовность жертвовать и жизнью и достояніемъ Тому, на Которомъ покоились свѣтлыя надежды всей Русской земли.

Почетный караулъ отъ 3-й туземной стрѣлковой дружины принялъ Императора на пристани военною почестью. Поклонившись народу и пропустивъ мимо себя бравыхъ гурійцевъ, продефилировавшихъ съ музыкой и развернутымъ знаменемъ, Царская семья поднялась на врейсеръ «Москва», гдѣ Государя встрѣтилъ управляющій морскимъ министерствомъ генераль-адъютантъ Шестаковъ, командиръ эскадры контръ-адмиралъ Новиковъ и всѣ мѣстныя военныя и гражданскія власти.

Государь и Государыня, въ ожиданіи приѣма багажа, почти все время оставались въ виду народа на палубѣ, привѣтливо бесѣдуя съ присутствующими. Но вотъ приблизилась

минута разставанія Царской семьи съ Кавказомъ. Государь обнялъ главноначальствующаго князя Дондукова-Корсакова и еще разъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ его за состояніе края, сказавъ, что путешествіе Ихъ Величества по Кавказу, блистательное состояніе войскъ, и непритворныя чувства населенія, навсегда останутся въ памяти Ихъ неизгладимыми воспоминаніями. Когда всѣ провожающіе сошли на берегъ, тотчасъ былъ поднятъ трапъ,—и «Москва» медленно стала отходить отъ пристани.

Еще разъ грохнули батумскія орудія, салютуя Императорскому флагу, и, ровно въ три часа дня, при отличной погодѣ, Царская яхта, сопровождаемая цѣлою эскадрой Черноморскаго флота, вышла въ море и взяла курсъ на Севастополь.

Замѣчательно, что во время путешествія Царственной Четы по Кавказу точно само Провидѣніе помогало пламенному усердію людей во встрѣчѣ дорогихъ и желанныхъ Гостей. Погода стояла превосходная; нигдѣ не произошло ни малѣйшей остановки, задержки или препятствія. Маршрутъ путешествія былъ утвержденъ Государемъ окончательно въ іюнѣ,—и ровно черезъ четыре мѣсяца, день въ день, часъ въ часъ, всѣ предположенія благополучно были исполнены и, какъ значилось въ маршрутѣ, 14 октября, въ часъ пополудни, Ихъ Величества вступили на палубу «Москвы».

Какъ только Царская яхта скрылась изъ виду, князь главноначальствующій, со всѣми присутствовавшими при проходахъ офицерами, отправился съ пристани прямо въ соборъ, гдѣ, по православному обычаю, было отслужено напутственное молебствіе за благополучное путешествіе незабвенныхъ для Кавказа Гостей.

А многотысячная масса народа долго еще стояла на берегу, и глубокое благоговѣйное молчаніе ее перерывалось только тихихъ шепотомъ молитвы и благословенія.

Сгладилась въ морѣ послѣдняя черта, оставленная па-роходомъ, увезшимъ Царскую семью отъ береговъ Кавказа; но глубоко врѣзался слѣдъ царственнаго шествія въ сердцахъ многомилліоннаго населенія нашей отдаленной окраины, и долго предметомъ бесѣдъ и разговоровъ для современниковъ будетъ служить посѣщеніе Ихъ Величествъ уже потому, что нѣкоторыя мѣста никогда до сихъ поръ не посѣщались русскими Государями, а тѣмъ болѣе русскими Императрицами. И не одни христіанскіе народы Грузіи, но и всѣ племена, населяющія горы Кавказа, одинаково испытывали безконечное счастье при видѣ Царя и Царицы,—и встрѣчи ихъ были трогательны именно своимъ чистосердечіемъ. Государь и Государыня не разъ появлялись среди народныхъ массъ—и народъ, подѣ обаяніемъ царственной просты Царя и добраго, чарующаго лаской, взгляда Императрицы—бросался къ нимъ и цѣловалъ ихъ руки и платье. О казакахъ, какъ о представителяхъ русскаго элемента на Сѣверномъ Кавказѣ, нечего и говорить. Весьма характерный случай разсказывается газетами о томъ, какъ одинъ кубанскій казакъ, изъ дальней станицы, явился къ сотенному командиру той сотни, гдѣ находился его малолѣтній сынъ, и сказалъ, что такъ какъ до ихъ станицы дошелъ слухъ, что его сынъ убитъ насмерть во время джигитовки, то онъ для царскаго смотра привезъ другого сына, который замѣнитъ убитаго. Къ счастью для отца, слухъ оказался ложнымъ, но тѣмъ не менѣе старикъ заставилъ принять въ строй и другого сына.

Цѣлый мѣсяцъ Кавказъ жилъ чуднымъ очарованіемъ, и теперь, въ минуту разставанія съ Царскою семьею, онъ будто осиротѣлъ, точно оторвалось у него что-то отъ сердца, но въ то же время онъ разомъ почувствовалъ приливъ новыхъ, свѣжихъ жизненныхъ силъ въ своемъ организмѣ.

Путешествіе Государя и Его семьи по Кавказу довершило нравственное покореніе этого края, связавъ его съ Россією узами, самыми прочными изъ всѣхъ узъ,—сознаніемъ

общности отечества, преданностью къ Престолу и гордымъ чувствомъ вѣрности Монарху, который далъ столь несомнѣнное доказательство своего довѣрія, вниманія и расположенія ко всѣмъ народамъ Кавказа. Царя, въ Его могущество и величїи власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ царственной простотѣ — видѣло почти все населеніе края. Видѣлъ и Царь этотъ край, видѣлъ его жизнь, обычаи, правы, нужды и потребности. Трудъ, поднятый на себя Императоромъ въ этомъ путешествіи, былъ великъ и плодотворенъ. Довольно сказать, что Государь принялъ на Кавказѣ до двухсотъ депутацій и видѣлъ до 20 тысячъ дѣтей, учащихъ въ 180 учебныхъ заведеніяхъ. Всѣхъ надѣлилъ Онъ Своимъ царскимъ вниманіемъ, всѣхъ одарилъ Своимъ словомъ и ласкою.

Непосредственное обаяніе, испытанное дѣтьми при такомъ отношеніи къ нимъ и Государя и Государыни, останется вѣчно: оно перейдетъ отъ подрастающаго поколѣнія къ будущимъ потомкамъ и сольетъ все разноплеменное населеніе Кавказа въ одно цѣлое съ Россією и руссимъ народомъ.

Славныя кавказскія войска — такъ много потрудившіяся въ дѣлѣ умиротворенія Кавказа — представились на смотръ Государя почти въ полномъ своемъ составѣ, — по крайнѣй мѣрѣ не было ни единой части, которая не имѣла бы на смотрехъ своихъ представителей. Войска стянуты были съ самыхъ отдаленныхъ границъ, съ самыхъ глухихъ постовъ, — и на разныхъ пунктахъ сосредоточилось 92 баталіона пѣхоты, 27 эскадроновъ кавалеріи, 72 сотни и 39 батарей. И эта армія представилась на смотръ въ томъ превосходномъ состояніи, которое, такъ сказать, вполне гармонировало съ ея вѣковой историческою славою и освященно Царскимъ рескриптомъ, — послѣднимъ заключительнымъ актомъ Высочайшаго путешествія по Кавказу.

Вотъ подлинныя слова рескрипта, даннаго 13 октября 1888 года на имя главноначальствующаго генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, при возложеніи на него

высшаго въ имперіи ордена—св. Андрея Первозваннаго:

«Князь Александръ Михайловичъ! Посѣщенный Мною въ этомъ году Кавказъ произвелъ на Меня самое отрадное впечатлѣніе. Убѣдясь въ благоустройствѣ и процвѣтаніи ввѣреннаго вамъ края и удостовѣрясь въ постоянной заботѣ вашей о поддержаніи въ регулярныхъ войскахъ, увѣнчанныхъ неувядаемою славою прежнихъ войнъ, блестящаго порядка и устройства, а въ казакахъ—природной удали и лихости, составляющихъ лучшія качества этого войска, Мнѣ особенно пріятно выразить вамъ искреннюю Мою признательность за полезную дѣятельность вашу, вполне согласную съ Моими предначертаніями. Я вполне убѣжденъ, что подъ вашимъ начальствомъ славныя войска Кавказскаго округа, съ которыми вы съ юныхъ лѣтъ сроднились боевою жизнью, сохраняютъ испытанную воинскую доблесть. Съ благодарностію вспоминая при этомъ ваши прежнія заслуги передъ Престоломъ и Отечествомъ, всегда обращающія на себя высокое вниманіе въ Божѣ почивающаго Родителя Моего, Я, въ воздаяніе достохвальнаго служенія вашего, желая выразить вамъ особое Мое благоволеніе, жалую васъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваю вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклоннымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«и благодарный»

«АЛЕКСАНДРЪ».

Этотъ Царскій рескриптъ и эта высокая награда свидѣтельствуютъ о томъ отрадномъ чувствѣ, которое Ихъ Величества увезли съ Собою съ Кавказа. И Кавказъ понялъ эту мысль и почелъ себя высоконагражденнымъ въ лицѣ своего представителя князя Дондукова-Корсакова. Прошелъ послѣ

того мѣсяца, — и какъ бы отвѣтомъ на это народное сознаніе явились Царскія слова, которыя золотыми буквами врѣжутся въ историческія лѣтописи Кавказа:

26 ноября 1888 года на принесенное Ихъ Величествамъ поздравленіе по случаю кавалерственнаго праздника ордена св. Георгія Побѣдоносца, главноначальствующій генералъ-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ удостоился получить отъ Государя и Государыни слѣдующую телеграмму:

«Отъ души благодарю кавказскихъ георгіевскихъ кавалеровъ за поздравленіе со славнымъ праздникомъ. Съ огромнымъ удовольствіемъ вспоминаемъ наше чудное путешествіе по Кавказу и еще разъ благодаримъ сердечно.

«АЛЕКСАНДРЪ» и «МАРІЯ».

